На невских равнинах

Всеволод Анисимович Кочетов

SHOUT
SHARE
IT

- Кочетов Всеволод Анисимович

Кочетов Всеволод Анисимович
На невских равнинах

Кочетов Всеволод Анисимович

На невских равнинах

Аннотация издательства: Книгу известного советского писателя Всеволода Кочетова составили повести: "На невских равнинах" (о ленинградских ополченцах), "Предместье" (о содружестве фронтовиков и тружеников тыла во имя победы над фашистскими оккупантами), "Профессор Майбородов" (о созидательном труде бывших воинов в первые послевоенные годы), и другие произведения.

С о д е р ж а н и е

Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7

Глава первая

1

Дверь теплушки была раздвинута, и в ее квадрат со всего маху врывался ветер теплой июльской ночи. Стучали колеса, вспыхивали, налетая из мрака, зеленые огоньки семафоров, теплушку мотало на стрелках, и от "козьей ножки" Бровкина под нары сыпались махорочные искры.

- Вагон спалишь, дед! - сказал чей-то встревоженный голос. - На, возьми папиросу.

Он обернулся на голос.

- В папиросах дым резкий, - ответил Бровкин. - Кашляю с них. Махорка мягче.

Фонарь "летучая мышь" дрожал на вбитом в старые доски гвозде; фитиль за черным от копоти стеклом давал скудный мигающий свет; в нем то возникали, то исчезали, расплываясь в сумраке, фигуры людей, застывших на полу, на парах, на скатках шинелей и вещевых мешках. Не различив того, кто предлагал ему папиросу, Бровкин сделал последнюю затяжку, выбросил окурок в темноту и облокотился о кожух пулемета. Его нисколько не обидело это мальчишеское "дед". Сивоусый, седой, он давно к тому, что возраст его пареньки на заводе излишне завышали. Да старый лекальщик и в самом деле несколько лет назад стал

дедом: и у старшей дочери, и у сына родились свои ребятишки.

Он сплюнул горькую махорочную слюну, прислушался. За спиной его негромко разговаривали:

- Есть семь способов правильного обертывания портянки. А ты какой-то восьмой выдумал.

- Так я же в армии не служил. Я ботинки ношу. На кой леший мне было эти семь способов изучать!

- Натер же ногу?

- Натер.

- Вот тебе и "на кой"! Нога знаешь как должна чувствовать себя в портянке, если правильно ее обернуть? Что барыня в пуховиках. Нежась и млея.

Бровкин узнал басок Тишки Козырева, своего сменщика, горячего и путаного парня. Когда Тишка сдавал или принимал смену, он непременно затевал спор, а не то и скандал целый, - в том смысле, что сменщики, дескать (подразумевался, понятно, Бровкина), все дело портят, станок разладился, мусору вокруг до ушей, работать так дальше, по старинке, он не может, - и делал вид, будто терпит Бровкина из снисхождения к годам: семья, мол, да внуки.

"Батька у тебя пролетарского корня, - пытался Бровкин обрывать в таких случаях Тишку. Сивые усы у него приходили в грозное движенце при этом. Откуда сын таким звонарем произошел? Словоблуд ты, Тихон, трепач и ёрник".

Тишка в ответ только взглянет с косой, непонятной усмешечкой.

Но случалось и так, что, когда Бровкин, нарушив обещание, каждое воскресенье даваемое своей Матрене Сергеевне, в понедельник с похмелья тыкался носом в станок, роняя то ключ, то резец, то готовую деталь, Тишка, ни слова не говоря, укладывал его на войлоке за фанерной конторкой начальника цеха, укрывал потеплее и отстаивал у станка еще одну смену. Бровкин наутро примется благодарить, но Тишка отмахнется: "Как-нибудь в другой раз объяснитесь, Василий Егорович. И сейчас работать, понимаете ли вы, работать надо. Страна кронциркулей ждет". Что ни слово, то непременно подковырочка.

Даже и здесь вот, сменив спецовку на гимнастерку, Тишка остается самим собой: никто его не просит, а вяжется к людям. Ну что травит паренька с этой портянкой? Тот спать, поди, хочет. Третьи же сутки гоняют их в эшелонах по пригородным станциям, третьи сутки слышат они гул не таких уж и далеких бомбежек и артиллерийских боев. Нервы у всех что струны. Но в общем-то прав он, Тишка: многое надо знать молодому парню, чтобы стать хорошим солдатом; и портянка совсем не последнее дело. По себе

это известно Василию Егоровичу. В четырнадцатом году под крепостью Новогеоргиевском крепко пострадал он из-за нее, из-за портянки. На каком-то длинном, тридцатикилометровом переходе до того натер пятку, что уже и шагу шагнуть не мог. Добрались до окопов, повалился от усталости, заснул. Нет чтобы переобуться-то, перемотать портянку. А под утро их в атаку подняли. Выскочил на бруствер вместе с другом своим, с отцом Тишкиным, Федей Козыревым, пробежал маленько сгоряча, а дальше - будто режут ему ногу тупыми ножами - присохла портянка к ране и рвет ее враздер по живому. А тут, как на грех, спину ему показывает немецкий офицер в каске с шишаком. Хотелось, ох как хотелось взять живым да целеньким вильгельмовца. Портянка не позволила. Взял немца не он, Бровкин, а Федя. Да и "Георгия" за это Федя получил.

Рассказать бы про то ребятам, про случай этот из боевой жизни. Но удержался Василий Егорович, не стал брать сторону Тишки против молоденького паренька. Наоборот, сказал так, будто бы никуда не годится Тишкино сравнение: нога - не барыня, она рабочая часть человека, трудящаяся; от нежности и мления только дрябнет.

Козырев принялся спорить, доказывать свое.

- Бросьте, остановил их схватку командир роты старший лейтенант Кручинин, тот самый начальник цеха, за конторкой которого отлеживался, бывало, Бровкин под присмотром Тишки Козырева. - Отставить! Спать товарищам мешаете.

Вчерашний инженер, начальник инструментального цеха большого завода, а теперь вот командир стрелковой роты, Андрей Кручинин сидел у дверей вагона, свесив одну ногу наружу, другую подогнул, обхватил ее руками и уперся в колено подбородком. За спиной его шушукались, шептались, храпели, кашляли, - Кручинин смотрел и смотрел на черную стену леса, бесконечной лентой мчавшуюся вдоль железнодорожного полотна навстречу поезду. Лента порой обрывалась, и тогда мелькали такие же черные, как она, строения поселков и станций. Ни жизни, ни луча света нельзя было угадать за их окнами, плотно затянутыми маскировочными шторами. Паровоз, как бы тоже чувствуя необычность обстановки, встревоженно рвался вперед, отстукивая колесами километры.

Опережая его бег, летели тревожные мысли. Что ждет всех собранных в этом вагоне, что ждет их там, за чернью ночи, за стеной лесов, где поезд прекратит наконец свой бег? Что ждет там Бориса Андреевича Селезнева, полтора десятка лет просидевшего на заводе с логарифмической линейкой в руках, над таблицами и диаграммами? Что ждет этих смешных

спорщиков и прекрасных мастеров - Бровкина и Козырева? Что ждет кандидата геологических наук Вячеслава Евгеньевича Фунтика, не пожелавшего выехать из Ленинграда со своим институтом? Фунтик готовил докторскую диссертацию, но уже двадцать второго июня, услышав страшную весть, зарыл свою рукопись в дровяном сарае на Даче и с первым поездом отправился в город; а полторы недели спустя получил винтовку и встал в общий строй с бывшими слесарями, монтерами, техниками, водопроводчиками.

Война... Разве так представлялась она до этого? Вот уже почти месяц шагает немец по советской земле, почти месяц стоят столбы дыма над улицами советских городов и сел, ревут пушки под Смоленском, танки рвутся к Днепру, падают бомбы на Киев. Мог ли кто-нибудь думать об отходе, ждал ли кто врага на Днепре или здесь, на асфальтовых дорогах под Ленинградом?

Сквозь мысли Кручинина кралась тревога о детях, о Зине, которой, не расставаясь ни на один день, прожили они пять лет; даже в санаторий в Крым ездили вместе. Припомнился день третьего июля, когда в заводских цехах в необычное время выключили моторы и слушали речь Председателя Государственного Комитета Обороны. И хотя еще несколько минут назад никто не думал, что это произойдет именно так, - здесь же, у станков, у верстаков, на кусках кальки возникали списки добровольцев в народное ополчение. Между многими другими прочертилась и аккуратная подпись инженера Кручинина. Он вывел ее "вечным" пером неторопливо, ровно и твердо. И с того момента все его прежние планы и замыслы как-то сами собой отошли, отвалились назад. Так случается, когда пройдешь длинный-длинный путь по примелькавшимся дорогам, поднимешься в конце его на гору и, не оглядываясь, смотришь только вперед, на панораму новых гор и долин, на неясную в дымке линию горизонта, не ведая, что скрывается за нею, но в то же время зная, что путь назад непоправимо закрыт.

Дома, разговаривая в последние дни с Зиной, Кручинин ловил себя на том, что слушает рассеянно, совсем не вникая в ее тревоги. Зина говорила, что спрячет его костюмы и пальто в сундук, Но это не имело для него уже никакого значения, он вяло отвечал: "Хорошо, правильно". Приходили товарищи, беседовали только о самом важном, очень коротко. В городе нарастала непривычная торопливость. Из окна было видно, как люди спешили из магазинов с пакетами, очевидно запасались на дорогу. На какую? Куда? За домом, на пустыре, устанавливали аэростат заграждения; его оболочка отливала золотом в лучах вечернего солнца. Ночью, если бы это не было время белых

ленинградских ночей, город уходил бы, наверное, в непроницаемый мрак: все фонари были выключены.

Андрей Кручинин получил вскоре военную форму, опоясался новенькими тугими ремнями, на бедро давила тяжесть пистолета в скрипучей ярко-желтой кобуре. В какой-то день он ушел из дому в казарму и больше уже не возвращался. Зина не плакала. В эти дни слез было не так уж и много. Люди понимали: решается судьба страны, судьба каждого из них, - и разве слезы помогут?..

Небо на западе озарилось серией ярких вспышек, как бывает в городах от трамвайных дуг. Но за этими тревожными вспышками следовал тяжелый, прерывистый гул.

- Бомбят, - сказал кто-то почти шепотом.

Разговоры в теплушке умолкли. Только лязгали буфера да скрипели доски вагонной обшивки.

В ту ночь не спал и командир дивизии ополченцев полковник Лукомцев. На втором этаже в одном из старых кирпичных домов Кингисеппа, в большой комнате какого-то районного учреждения - не то райзо, не то райфо - он и его старый друг генерал-майор Астанин сидели над раскинутыми на столе картами. Тикали ходики, у которых вместо гири было подцеплено к цепочке увесистое пресс-папье; в стеклах стандартных шкафов из светлого дерева отражались лучи двухсотсвечовой лампочки под потолком, в шкафах громоздились стопы папок с делами учреждения, только минувшим днем отдавшего свои комнаты военным из Ленинграда.

Астанин в числе нескольких других опытных командиров о наивозможной срочностью организовывал оборону на этом участке фронта.

- Справа, - говорил он, отчеркивая на карте, - у тебя будет Бородин. Дивизия у него отличная, кадровая. Сейчас они на марше. Слева на рубеж выходит пехотное училище. Курсанты.

Они переглянулись. Оба знали, что такое курсанты. Оба в годы гражданской войны сами были курсантами, сами не раз в дни тогдашней учебы "выходили" вот так "на рубежи" то в районе Перми, то здесь, под Нарвой, то под Павловском и Ям-Ижорой, и всюду, где дрались красные курсанты, противник бывал неизменно бит.

Весь минувший день они проездили по дорогам участка, добрались пешком до берега Луги. Немцы наводили через реку переправы в двух местах. Нашей авиации почему-то не было - Астанин так и не смог выяснить почему; дальнобойная артиллерия не подошла. Сопротивление немцам оказывали только разрозненные отрядики: то ли службы ВНОС - воздушного наблюдения, оповещения и связи, то ли совхозные и эмтээсовские

добровольцы истребители вражеских десантов.

- Твои части ближе всего, дружище, и на тебя ложится эта наиважнейшая задача: вышибить противника снова за реку. Нельзя ему тут быть. Ты же помнишь, что именно здесь переправилась конница Ливена. Когда это было? Да, да, в девятнадцатом! И как, черт бы их побрал, лихо прорвались они отсюда на Гатчину и на Царское Село.

Лукомцеву прорыв белых конников в районе Поречья был хорошо Памятен. Как раз в тех боях он получил свою первую рану и пролил первую кровь за Советскую власть.

- Ты должен сковать врага самым отчаяннейшим сопротивлением и тем предотвратить прорыв, совершенно недопустимый по его катастрофическим последствиям. Если мы это сделаем - а мы обязаны это сделать, - то у командования фронтом будет время Для переброски необходимых сил. А затем, конечно, контрудар...

Лукомцев поглаживал ладонью гладко обритую голову. Где-то - он даже точно знает где - в эшелонах в эти минуты к станции Вейно движется его дивизия. Его дивизия! Слов нет, бойцы и офицеры той дивизии - цвет Ленинграда, в их мужестве, отваге, преданности Родине сомнений быть не может. Но это все-таки ополченцы, мирные, славные люди. Война же требует большего, чем только мужество и отвага. Она требует умения, требует специальных воинских знаний, навыков. А тут слесари, токари, инженеры, экономисты, парикмахеры... Большинство из них и в армии-то никогда не служило...

Не допустить прорыва, выбить за переправы!.. Два дня назад он был на Военном совете в Смольном. Там тоже чертили на картах. Блицмарш немцев на новгородском направлении сорван контрударами наших войск в районе Сольцов и Шимска, Остановлены немцы, как уже все теперь видят, и на Подступах к Луге. Наиболее короткие и удобные пути на Ленинград противнику закрыты. Но угроза городу тем не менее продолжает расти; враг двинулся в обход лужских рубежей. Астанин прав. Воздушной разведкой мотоколонны наступающих обнаружены значительно правей первоначального направления: немцы пошли лесами через Ляды. Намерения их очевидны: в районе Сабека форсировать Лугу - река в этом году сильно обмелела, - выйти к Молосковицам и Кингисеппу, перерезать железную дорогу Нарва - Красногвардейск и шоссе Нарва - Красное Село. А это значит, что Лужская группа наших войск отсечется от войск, ведущих тяжелые бои в районе Нарвы. Войдя в этот прорыв, немцы растянутся и по тылам.

Так говорили два дня назад в Смольном. Но вот противник

уже на берегах Луги, в районе Сабека наводятся переправы, того и гляди, танки Гитлера ворвутся в Кингисепп... События нарастают со страшной скоростью. Уже еще меньше надо рассуждать и больше надо делать.

Немолодой полковник знал, что такое война. Не зря они с Астаниным вспомнили и курсантов, и конницу Ливена. В этих самых местах, здесь, под Кингисеппом и в Кингисеппе - в те времена это был Ямбург, - они тоже когда-то дрались с Юденичем и Родзянко, отступали отсюда чуть ли не до окраин Петрограда, а потом без остановки вновь катились до Ямбурга и даже до Нарвы. На войне всякое бывает. Но для того чтобы было так, как надо тебе, а не твоему противнику, необходимы боеспособные, хорошо оснащенные, хорошо обученные войска.

- Ох-хо-хо, Петр, - сказал он. - Две только недельки и позанимались командиры с дивизией. Где же, где же паши кадровые части?

- Сам знаешь где, - ответил Астанин. - Сам знаешь, в какой перемол пошли они в западных областях. Восьмая армия откатывается из Прибалтики. Поезжай в Нарву, полюбуйся - одни остаточки. Не знаю, как тут судить, но, на мой взгляд, дело они в общем-то сделали. Смотри, Таллин как держат. Я, знаешь, не из тех, которые готовы за каждую военную неудачу тащить командира в особый отдел" Война есть война. Ты - одна сторона, а там, у них, - другая. И у нее, у той стороны, тоже свои головы и свои умы. В общем, вот так!..

Лукомцев еще раз окинул взглядом эту случайную, чужую комнату. Пожалуй, здесь было все-таки не райфо, а райзо. Для чего бы иначе за тем вон шкафом стоять снопу пшеницы. Хозяйствовал, значит, за этим столом, за которым сидит сейчас генерал Астанин, какой-то человек, обеспокоенный судьбами урожаев в Кингисеппском районе, говорил по тому вот телефону с председателями дальних и близких районов: с Сабском, наверное, говорил, с Приречьем, где сегодня немцы; сиживали перед ним на этом стуле, на котором сидит он, Лукомцев, с утра до вечера посетители - тысячи их тут, поди, перебывали, - требовали суперфосфата, сеялок, жнеек, тракторов, семян, денег. А чего потребует он, Лукомцев, у Астанина? Надо или очень многого требовать, или ничего. Многого у Астанина у самого нет. Да, если поразобраться как следует, у него только и есть покамест, что эти исчерченные карты, да и будет ли что-либо, кроме них, кто знает...

- Слушай, Петр, я, пожалуй, поеду, - сказал он, подымаясь. - Встречу дивизию.

- Чаю не хочешь?

- Нет, не хочу. Ни чаю, ни водки.

Пожали руки друг другу. Лукомцев вышел на улицу к своей машине. Это был большой черный "студебеккер". Где его успели захватить, трудно сказать. Может быть, конфисковали у прибалтийского немца-помещика, а может быть, отбили в боях: из-под Сольцов, как известно, противник только что бежал и кое-что, удирая, бросал на дорогах. Как бы там ни было, машина оказалась исправной, сильной, удобной. За два с половиной часа доехали вчера от Ленинграда до Кингисеппа. До Вейно тут совсем недалеко, менее чем за полчаса доедут, можно не спешить - эшелоны подойдут только к утру.

- Поезжайте потише, - сказал он шоферу. - Прокатимся по улицам, посмотрим городок.

Начинало светать. Город спал, спал мирно, тихо, в старых домишках ив новых Домах. Войны бы совсем не чувствовалось, если бы не грузовики во дворах и на улицах, если бы не зенитные пушки у моста через реку, если бы не связисты с катушками, среди ночи тянувшие линию через сады и огороды.

На одной из улиц, которая показалась ему знакомой, Лукомцев вышел из машины и встал против бревенчатого, обшитого тесом домика, который тоже, как ему казалось, был связан с какими-то далекими воспоминаниями. То ли ночевать здесь приходилось когда-то, то ли штаб в нем располагался... Что-то такое было, а что - и не вспомнить.

- Товарищ командир, - услышал он голос, и со скамейки возле ворот поднялась женщина.

- Вы кто? - спросил Лукомцев, стараясь быть строгим.

- Дежурная я. Сижу вот и думаю: неужели немцы к нам придут? Бежать же тогда надо, не оставаться же у них. А власти наши районные помалкивают: ни да не говорят, ни нет. Если самим, без распоряжения, эвакуироваться струсили, скажут. А ждать - вдруг не дождешься, вдруг опоздаешь. Как быть-то, товарищ командир?

Что мог сказать в ответ Лукомцев? Бегите, дескать? Панику подымешь. Оставайтесь, ждите? Какими же словами будет поминать его эта женщина, попав к немцам.

- Не знаю, - сказал он честно. - Не знаю, дорогая. И не сердитесь на меня, пожалуйста, за это.

- Чего же сердиться-то.

Она потеряла к нему интерес и вернулась на скамейку.

Он сел в машину и уехал. Чувство вины в нем не проходило. Возможно, именно так чувствует себя и врач у постели больного, которому помочь не в силах. "Но что, что я могу? - думал он, неторопливо катя лесной дорогой к Вейно. - У меня всего

несколько тысяч бойцов. Да и те едва умеют держать винтовку..."

Он вздрогнул. Впереди громыхнуло так, что толчок отдался в пол машины, ударил по каблукам сапог. Шофер затормозил. При выключенном моторе грохот впереди стал еще сильнее. В утреннем безоблачном небе ходили самолеты. "Бомбят, - подумал он. - И, кажется, бомбят Вейно".

- Давай туда! - скомандовал он шоферу. - Но осторожно. Под бомбы лезть не надо.

3

Третий день шла усталая Зина по шоссе вдоль залива. Асфальт сменился сначала щебенкой, а теперь - круглым горячим булыжником, на котором подкашивались ноги. С утра до ночи палило совсем не ленинградское, жаркое солнце, тонкостволые высокие сосны, поднимавшиеся прямо из прибрежного песка, почти не давали тени, натертые ремнями мешка плечи деревенели. Только ветер, прорываясь порой сквозь сосны с моря, освежал лицо, проскальзывал в рукава. На минуту от этого делалось легче.

Впереди на береговых холмах стоял лес - настоящий, густой и темный. Зина прибавила шагу, чтобы переждать полуденный зной в тени. Не в этом ли лесу ученицей восьмого класса она собирала ландыши? Недалеко где-то обрыв над морем, там, помнится, много земляники. Зина узнавала места. Сторонясь встречных и обгоняющих машин, она шла быстрей и быстрей. Но, войдя в лес, невольно остановилась. На знакомом обрыве - две строгие шеренги матросов в бушлатах. Пред ними - прямоугольная яма в желтом песке, красный гроб с бескозыркой на крышке. Кто-то с непокрытой головой стоит перед строем, резко выбрасывая руку вперед. Удары волн под обрывом, шум сосен заглушают его слова.

Зина бывала на море, видела матросов на Севастопольском рейде в белых шлюпках, над которыми ряды весел взлетали легкими, многоперыми крыльями. Она видела, как шлюпки приставали к берегу, матросы выскакивали на пирс и шли на городские бульвары. Веселыми, энергичными, ловкими запомнились они ей. Но эти, здесь, на обрыве, будто окаменели в своей траурной безмолвной шеренге.

Зина отерла ладонью влажный лоб, откинула за ухо темную прядь. Резкий возглас "Залп!" прервал ее мысли, земля дрогнула, и, разметав чаек, в море покатился тяжелый гул. Ветер потянул чем-то кислым и острым. Зина девочкой слышала пушку Петропавловской крепости, которая стреляла ежедневно в полдень. Выстрел был мягкий и величественный, такой же непременный в городе, как и сама крепость. А эти выстрелы гремели раскатами грома. За каждым из них что-то злое, шипя,

вспарывало морской воздух. В память о погибшем товарище балтийцы салютовали боевыми. Снаряды шли через залив к изломанной линии противоположного берега. А когда над свежей могилой на обрыве вырос песчаный холм, в морской дали нежданно возник гул ответной канонады. Те снаряды, падая в море, взбрасывали белые фонтаны воды и брызг. Они не достигали обрыва, но Зина прижалась к стволу сосны и не могла оторвать глаз от взблескивающих на солнце водяных столбов. Она догадалась, что это немецкие снаряды и что на том берегу - уже враг.

Зина вернулась на дорогу и снова пошла по горячим камням. Ее обгоняли грузовики с войсками, тягачи тащили орудия; навстречу катили санитарные машины с матовыми стеклами кузовов - на шоссе пешеходу не оставалось места. И вдруг совсем невоенное слово "Воздух!", выкрикнутое тревожным голосом, все изменило. Машины с полного хода свернули в кусты; пушки, укрытые ветвями, застыли на обочинах, люди бросились врассыпную - под деревья, в канавы. Дорога опустела. Зина машинально сделала то же, что и другие: она побежала в лес, легла на теплый песок, усыпанный хвоей, и замерла в ожидании страшного. Было томительно тихо. И вот, воя моторами, издавая ревущий свист, над дорогой пронесся самолет - так низко, что Зине показалось даже, что она видит очки и шлем летчика. Из-под черных свастик к земле брызнули пучки белых струй - пули, как искры, вспыхнули, на дорожных камнях, заставив Зину еще плотнее прижаться к земле, закрыть голову руками и зажмурить глаза. В эту минуту она представила себе Андрея, который, может быть, так же, как и она, прячется от немецких самолетов. А что, если и он, как сегодняшний моряк, там на обрыве?.. Нет, нет, не может быть, не может!

Пять дней... Как это теперь кажется давно! Она пришла к школе на Обводном - там полк Андрея дожидался отправки на фронт, - и они так хорошо тогда побеседовали. Она поднялась на носки, протянула к подоконнику руку. Андрей сжал ее и поцеловал кончики пальцев - дальше достать не мог, засмеялся. На прощанье сказал: "Завтра приходи, сейчас некогда, много работы". Но назавтра окно было пусто, двери подъезда раскрыты настежь, часового возле них нет, на мостовой - картон. От раздавленных пакетов, в каких, Зина знала, хранятся патроны, в здании по длинным коридорам бродил ветер...

Из подъезда вышла дворничиха с метлой и сказала участливо: "Своего высматриваешь? Ушли. Ночью ушли, ласточка. Ружья зарядили и ушли. Жди письма теперь". Ушли. А куда? На фронт, на войну. Но разве это адрес? Зина готова была пойти к

дворничихе, попросить у нее чернил, бумаги и тут же, сию минуту, - ей это было до крайности необходимо - написать длинное, в пять, нет - в десять, в двадцать страниц письмо. Рассказать Андрею все, что думает она о нем, о их жизни, о любви. Когда были вместе, казалось, к чему слова, все ясно и без них. А теперь выяснилось, что за пять лет жизни вообще ни о чем, что было в сердце, по-настоящему и не сказано.

Но дворничиха принялась сметать мусор с тротуара, и Зина побежала в партийный комитет района, пославший дивизию добровольцев на фронт. Измученный бессонными ночами, секретарь райкома рассеянно поглядел на Зину, хотел было сказать что-то, но помешал телефонный звонок. Потом зазвонил второй аппарат. Секретарь беспрестанно снимал трубки, прикладывал их то к одному то к другому уху, в кабинет входили люди, косились на Зину, вели разговор вполголоса. Зина почувствовала, что мешает, и ушла, так и не выдав своих дум, не сказав, что, кажется, она сглупила, что ей тоже надо было идти в полк: дружинницей, машинисткой, прачкой - лишь бы с Андреем.

На улице ее остановила полная молодая женщина в широкой и длинной, скрывавшей беременность толстовке. Она спросила: "Жена Кручинина?" Зина бросилась к ней: "Вы знаете Андрея?" Неизвестная за минуту до этого женщина уже казалась ей давно знакомой и близкой. "И вас встречала, - ответила та, - в одном доме живем, Я Соня Баркан. Смешная фамилия, да? На родине мужа, в Дновском районе, так морковку в деревнях называют. Муж теперь комиссаром в полку, в том же, где и ваш. Куда уехала, не сказал, сам не знает, но по слухам - в Маслино. Помните, прошлым летом дети там в лагере были".

Вечером Зина зашла к Соне. "Поезда не ходят, пойду в Маслино пешком. Может быть, и подвезут. А в полку, думаю, дело найдется".

Детей - четырехлетнюю Катю и трехлетнего Шурика - она отвела к матери Андрея, суровой и умной старухе. "Уж вы, мама, - начала было Зина виновато. - Они шалуны..." Но старуха остановила! "Не объясняй. Троих вырастила. А ты его береги там и сама берегись. Вояка!" - Она прижала Зину к груди.

Многие уходили в те дни. Мужчины - с винтовками за плечами, женщины с санитарными сумками. В железнодорожных эшелонах, в грузовиках, в автобусах, взятых прямо с городских улиц, они отправлялись за Лугу, под Нарву, в Новгород... Все смотрели на карты. Стрелы немецкого наступления, пронзив Каунас, разветвлялись к Риге, Тарту, к Острову, огибали Чудское озеро... И по мере того как стрелы приближались, все меньше людей оставалось в городе. Ленинградцы шли им навстречу.

Зина складывала белье в охотничий рюкзак Андрея, совала туда свертки с колбасой, сыром, сахаром. Вдруг, тяжело дыша, вошла Соня. "Думала, не поспею... Зиночка, милая, просьба к тебе. Через неделю моему супружку тридцать стукнет. Подарок ему. Не тяжелый: письмо да вот коробка. Она удобная, дай я ее тебе сама в мешок устрою. Помнется - не беда. Подумать только - тридцать. А совсем недавно двадцать семь было..." Соня вздохнула, то ли сожалея о том, что муж будет праздновать свое рождение без нее, то ли, что годы летят так быстро.

И вот уже третий день Зина в пути. Ночевала на сеновале, в копнах среди поля. Маслино осталось в стороне. Полк Андрея и в самом деле проходил там, но не остановился. Дежурный парнишка-телеграфист сначала отказался разговаривать: военная, мол, тайна. Но, по-мальчишески оглянувшись, - не слышит ли кто? - посоветовал: "В Вейно идите, тетенька, наверное, там". И Зина идет в Вейно. Слово "Воздух!" заставило ее близко ощутить войну.

Стукнув о землю, упала сосновая шишка. Зина подняла голову: по ветвям над ней прыгала белочка и опасливо поглядывала вниз. Люди выходили из леса, шоферы снова заводили машины. Группа командиров собралась возле о прокинутого в канаву грузовика с ящиками. Зина тоже подошла: грузовик был словно искусан огромными зубами.

- Из крупнокалиберного запустил, - сказал майор в пограничной форме. Окинув быстрым взглядом потрепанные туфли Зины, ее тяжелый рюкзак, он спросил: - Далеко путь держите? В Вейно? Что ж, садитесь, немножко подвезу, - и открыл дверцу "эмки", затянутой зеленой маскировочной сеткой.

"Пограничники, пограничники, - думала Зина. - А где же теперь граница? Неужели надолго такой ужас, охота на людей с самолетов, смерть, кровь? Какая чудесная начиналась жизнь! И вот все пошло прахом, прахом". Она думала об Андрее, о своих ребятишках, о доме. Лишь бы дети, лишь бы Андрюша были живы, а дом... что дом! Домов можно сколько угодна настроить, человека же, если его не будет, уже никто не вернет. Опять перед глазами возникла черная бескозырка на красной крышке гроба и чайки, плачущие над морем.

4

В нескольких километрах от Вейно, в большом селе Оборье, под кладбищенской часовней врыт в землю прочный и мало кому заметный блиндаж. На грубых, наскоро сколоченных столах, на бревнах, подпирающих кровлю, на стенах, обшитых пахучей фанерой, трещат звонки полевых аппаратов. Их более десятка. Раннее утро, над землею рассвет, но здесь, в блиндаже, ни утра,

ни ночи - круглосуточное, неусыпное бодрствование. Возле каждого аппарата дежурный. Аппараты живут: живут и дежурные.

Из разноголосого гула вырываются фразы условного языка;

- Курс 95, высота 30, три Ю-88, два Ме-109.

- Курс 95, четырнадцать Ю-88...

- Курс 95...

Курс 95 - генеральный курс немецких бомбардировщиков. Этим курсом "юнкерсы" и "хейнкели" прокладывают воздушный путь на северо-восток, к Ленинграду. Тяжело груженные бомбами, они прячутся в облаках или жмутся совсем к земле, пытаясь так или иначе прорвать кольцо зенитной обороны. Но наблюдатели замечают их еще над линией фронта. И тогда с какой-нибудь колокольни, с крыши или сосны телефонный звонок несет в блиндаж роты воздушного наблюдения:

- Курс 95...

Под выкрики дежурных в углу блиндажа на широком сундуке дремлет политрук Загурин, комиссар батальона ВНОС. Ночью он объезжал посты на берегу залива. Загурину снится командир полка. Дымя папиросой, тот говорит: "Товарищ политрук, вы давно проситесь на командную должность. Вы, кажется, строевик?" - "Да, я строевой лейтенант, товарищ майор". - "Прекрасно. Мы даем вам стрелковую роту". - И командир кладет ему на плечо тяжелую руку. Загурин вскакивает, но за плечо его трогает не командир полка, а встревоженный командир роты:

- Товарищ политрук, с четырнадцатого доносят, что обнаружены немцы. Танки, пехота, грузовики...

В трубке аппарата, связывающего с четырнадцатым, - шум, треск и торопливый голос:

- Мы под обстрелом...

- Снимайтесь! - крикнул в трубку командир роты. - Сматывайте кабель! Отходите!

- Чепуха какая-то... - Сон окончательно покидает Загурина.

Он вскакивает со своего сундука.

- Постойте! Какие немцы?

Загурин раскладывает зеленую карту с голубыми пятнами озер.

- Шоссе от Оборья, где стоит рота, бежит к югу лесом до Вейно, пересекает там железнодорожную линию и подходит к большому селу Ивановское. В пятнадцати километрах за Ивановским - лесопильный завод, где на крыше одного из корпусов - дозорная башня четырнадцатого поста. Фронт - вон он где, на юго-западе, за Плюссой. А здесь, под Ивановским, какие здесь немцы?! - Ну-ка, вызовите еще раз четырнадцатый.

- "Пенза", "Пенза"! - кричит телефонист. - "Пенза"! Не

отвечают, товарищ политрук. Видать, смотались.

Загурин молчит с минуту, вглядываясь в карту, потом приказывает:

- Ермакова ко мне!

Утирая ветошью руки, вбегает загорелый, наголо, обритый боец:

- По вашему приказанию, товарищ политрук, шофер Ермаков явился!

- Как машина, Василий?

- В порядке. Только что масло сменил.

- Заводи!

- Куда? - с тревогой спрашивает командир роты.

- Лично проверю...

Миновав ажурные кладбищенские ворота, черная "эмка" свернула на шоссе и сразу же утонула в клубах рыжей пыли. Семикилометровый путь до Вейно занял несколько минут. Но у шлагбаума пришлось задержаться: над железнодорожной станцией большой плавной каруселью ходили, как Загурин сразу узнал по характерному излому крыльев, немецкие пикировщики Ю-87. По одному отделялись они от стаи, резко падали вниз и почти над самой землей сбрасывали бомбы. Густой дым волнами катился по пристанционному поселку, и, когда рассеивался, открывались раздавленные, рассыпанные по бревнышку, когда-то уютные желтые домики железнодорожников, разбросанные повсюду доски, шкафы, кровати и мелкое, сверкающее на солнце стеклянное крошево.

- Ну как? - Загурин вопросительно взглянул на Ермакова. - Проскочим?

- Попробуем, товарищ политрук. - Ермаков дал полный газ, пролетел короткой улицей по разметанным щепкам и кирпичам и через линию свернул на Ивановское.

После вейнинского грохота неожиданная тишина в Ивановском показалась особенно глубокой и мирной. Загурин приказал остановиться, вышел на дорогу, прислушался: было тихо и за лесом, тянувшимся к югу от села. Только на луговине возле прудка кто-то бегал, слышались крики, хохот. Окликнул женщину с корзинами на коромысле:

- Что там за возня?

- Наши, деревенские. Сегодня ж воскресенье. А вчера рожь дожали. Вот и веселятся.

Успокоенный, Загурин поехал дальше.

Впереди был глубокий овраг, на дне которого горбился свежими бревнами мост. Ермаков знал дорогу и не тормозил, машина ходко понеслась под кручу. Внезапно переднее стекло

коротко хрустнуло и, словно схваченное морозом, покрылось густым сплетением трещин. Встречный ветер со свистом потек в кабину. Ермаков и Загурин переглянулись: пуля!

Вторая пуля ударила в раму, третья полоснула тент. Ермаков Давануп педаль тормоза, машина задымила резиной и остановилась. Политрук, а за ним и шофер выскочили в канаву.

На противоположной стороне оврага, за мостом к лесопильному заводу, они увидели танкетку.

В тот день эшелон с полком, в состав которого входила рота Кручинина, прибыл на станцию Вейно. Геолог Фунтик, который бывал здесь в прошлом году на сланцевых разработках, безмолвно оглядывался вокруг. Половина легкого вокзального зданьица, как будто его с размаху ударили сапогом великана, была сброшена прямо на железнодорожные пути. В оставшейся половине блестел кипятильник-титан, на буфетной стойке, торопливо растаскивая хлебные крошки, возились галки и воробьи. Над поселком все еще висела пыль, и в развалинах, отыскивая поломанную мебель, остатки одежды, битую посуду, копошились люди; где-то плакали - тонко, монотонно, будто стонали. Сердце Кручинина сжалось: может быть, и в Ленинграде уже так? Сумрачный, выстроил он роту возле вагонов и приказал начать перекличку.

- Селезнев Борис? - вызывал старшина.

- Козырев Тихон?

- Бровкин Василий?

- Фунтик Вячеслав?

Люди отвечали нечетко, сбивчиво. Ошеломленные, растерянные, они косились на свежие развалины станции. "Что же будет дальше?" - читал Кручинин во взгляде каждого. В эту минуту он увидел инструктора политотдела дивизии Юру Семечкина. Юра был членом парткома, на заводе его любили за веселый, простой нрав, за добрые, хорошие советы, которые он умел дать товарищу. Кручинин хотел было его окликнуть, но следом за Юрой, тоже по путям, медленно шел пожилой полковник. Несмотря на палящее солнце, он был в кожаном пальто, на петлицах которого поблескивали ряды красных прямоугольников, Невысокий хмурый полковник слегка сутулился, смотрел в землю. Кручинин догадался, что это командир дивизии Лукомцев.

Когда комдив поравнялся с ним, Кручинин скомандовал роте: "Смирно!" и отдал рапорт. Полковник поздоровался, внимательно, исподлобья осмотрел шеренгу бойцов.

- Вы кадровый? - спросил он Кручинина.

- Из запаса, товарищ полковник.

- Воевали?

- В финскую кампанию, товарищ полковник. Но на передовой не был. Человек десять у меня в роте обстрелянных, дрались на Карельском перешейке. Есть, которые служили действительную. Но большинство... Сами понимаете, товарищ полковник. Добровольцы. Желание бить врага...

Лукомцев смотрел на него и молчал. Не таким представлял себе Кручинин командира дивизии. Он представлял его бравым, живым, энергичным, за которым не задумываясь кинешься в пекло. Тягостное молчание смутило Кручинина, и он сказал невпопад:

- Зато есть замечательные лыжники.

Лукомцев усмехнулся:

- Не по сезону, дорогой друг. В январе пригодятся. Берегите. - И пошел дальше.

- Воздух! - крикнул наблюдатель между эшелонами, и под его ударами загудел вагонный буфер.

- Во-о-в-ду-ух! - понеслось по путям, где шла выгрузка дивизионного имущества. Все засуетились, поглядывая в сторону водонапорной башни, над которой со стороны солнца летели бомбардировщики - пока еле заметные точки в голубом тихом небе. Зазвучали тревожные команды. Бойцы подхватывали пушки я колеса. Тракторы рванули тяжелые гаубицы. На потные спины взваливались ящики с патронами и снарядами. Словно стремительный шумный водоворот закипел на путях. Затем он распался несколькими потоками схлынул с полотна, унося с собой все, что можно было унести за эти короткие секунды. Станция обезлюдела, только длинными шеренгами остались стоять вагоны. Они дрогнули, заходили, закачались под ударами бомб.

- Черт побери! - буркнул Лукомцев, наблюдая бомбежку, - Опаздывают морячки. - Он окликнул побледневшего адъютанта и не спеша сошел с путей в кустарник под насыпью.

Рота Кручинина укрылась в огромных воронках, вырытых немецкими бомбами утром, - земля в них была припудрена желтым и еще пахла серой. Бойцы, всем телом ощущая близкие тупые удары, тесно прижимались друг к другу. Слышался шепот: "В одну воронку второй раз не попадает". Так же шепотом отвечали" "Это если артиллерия, а тут авиация. Еще как попадет!" Кручинин, лежа рядом с Селезневым, лекции которого по экономике он посещал когда-то на заводском семинаре; переживал чувство беспомощности и стыда. Ему казалось, что все видят, как он борется и не может побороть в себе страх, не может выпрямиться в рост. А тут еще, будто назло, руки скользят по

свежей глине, и его тянет и тянет на дно воронки.

- Растеряли роту? - услышал он голос над собой.

Поднял голову; командир дивизии. Кручинин вскочил и, балансируя на комьях глины, вытянулся:

- Вся рота налицо, товарищ полковник. В укрытии.

Лукомцев сделал вид, будто не замечает испуга людей, достал трубку: "Огонь есть?" Упираясь коленями и руками, Кручинин вобрался из воронки и чиркнул спичкой. Лукомцев затянулся, кивнул за спину Кручинина:

- В укрытии? А это что за граф Монте-Кристо?

Кручинин оглянулся. На краю соседней воронки во весь рост стоял неуклюжий боец в новом, необмятом обмундировании и, казалось, с интересом смотрел на то, как взрывы раскидывают рельсы, ломают телеграфные столбы.

- Что за тип? - повторил Лукомцев.

- Козырев! - крикнул Кручинин, узнав Тишку. - Приказа не слышал?

- Простите, товарищ старший лейтенант, невозможно это все видеть, ответил Козырев и спрыгнул в воронку.

- Выдь-ка сюда! - окликнул его полковник.

Козырев снова поднялся из воронки и встал перед командиром Дивизии.

- Чего ты тут не можешь видеть?

- Где же наша авиация, где зенитчики, товарищ полковник? Я думал, они как дадут, дадут.... А тут что? Лупят нас как маленьких. Это же...

Лукомцев прищурился:

- Ну и что - носом захлюпали? Это война. Испытание нам.

Он чувствовал, что говорит что-то не то, сухо, казенно говорит. Но слов настоящих не было. Была тревога: сможет ли он с этими бойцами-философами выполнить задачу командования. Не осрамится ли? Да, собственно, дело не в сраме, а в том, что немец вырвется, смяв дивизию, на прямой путь к Ленинграду.

Он хотел сказать еще что-то, но в соседнем лесу застучали выстрелы и вокруг вражеских самолетов вспыхнули круглые дымки, тугие и белые, как вата. Строй бомбардировщиков распался, и "юнкерсы" и сопровождавшие их "мессершмитты" по одному стали уходить в разные стороны. Но белые хлопья следовали за ними, окружали их, и вспыхивали они до тех пор, пока за одним из бомбардировщиков не потянулся черный хвост дыма. Самолет заметался, пошел круто вверх. Став почти вертикально, он вдруг перекинулся через крыло и под радостные крики с земли развалился. Обломки его, свистя, посыпались в лес.

- Молодцы балтийцы! Не подвели! - крикнул Лукомцев и пояснил собравшимся вокруг него; - Морской бронепоезд. Подоспел-таки! - Он нашел взглядом Козырева: - Вот, товарищ боец, и наши зенитчики!

Через час после того, как самолеты ушли, тут же, рядом со станцией, на белом от ромашек пригорке похоронили убитых. Двоих из них Кручинин знал. Это были нормировщик Мустафин, молодой практикант из электромоторного цеха, и начальник заводской пожарной команды, рыжеусый -знаток бесчисленных охотничьих историй - Данила Ерш. Третий же, как говорили, пришел в ополчение из часовой мастерской на Международном, где шлифовал камни для механизмов.

Комиссар второго стрелкового полка старший политрук Баркан сказал речь. Он говорил тихо, волнуясь. Не все его, может быть, и слышали, но все хорошо поняли. Эти первые жертвы тяжело легли на души бойцов. Потом не раз придется им видеть и кровь, и смерть товарищей, но первая могила на ромашковом поле, грубый столбик с большими буквами, глубоко вырезанными ножом, надолго, а может быть и навсегда, останутся в памяти каждого, кто стоял здесь с обнаженной головой в этот час.

Лукомцев нервничал, посматривая на часы. Его уже дважды вызывал по рации Астанин. В Смольном ждали донесения о выходе дивизии на рубежи Луги, ждали, что переправы противника через Лугу сегодня же будут разрушены. Поэтому, едва прогремел прощальный ружейный залп над могилой, полк выстроился в длинную колонну и двинулся по дороге на Ивановское. К станции тем временем подходил новый эшелон с частями ополченческой дивизии.

До Ивановского дойти не удалось. Испуганные жители, спешившие к Вейно с узлами за спиной, с детишками, коровами, козами, сообщили, что в селе хозяйничают немцы. Это подтвердил" и разведка. Батальоны с марша стали развертываться на опушке перед Ивановским. Все знали, что за тем сюда и ехали, чтобы встретиться именно с немцами, но никто не думал, что произойдет это так скоро. В сознании не укладывалась мысль, что в этих лесах, близ Ленинграда, бродят немцы. Еще никто из дивизии их не видел. Они казались загадочными, эти чужаки, какими-то механическими и одноликими.

Под покровом темноты начались земляные работы. Артиллеристы и минометчики устраивали себе огневые позиции: рыли котлованы для орудий, ниши под боеприпасы; саперы натягивали колючую проволоку на широкой луговине. До Ивановского было километра три, но место, где работали бойцы, находилось в низине и со стороны села закрывалось густым, в

рост человека, можжевельником. Люди невольно вглядывались во мрак, туда, где лежало тихое и ставшее теперь таинственным село Ивановское.

Бровкин и Козырев работали рядом, копали твердую сухую землю.

- С командиром дивизии, значит, покалякал, - неодобрительно заметил Бровкин, присаживаясь покурить.

- А вам-то что, Василий Егорович? Вот и покалякал.

- А то, что ты еще и стоять перед полковником не научен, а туда же - в разговоры лезешь. Это штатская привычка. На войне болтовня - только вред. Человек, может, думает. Думает, как боевую задачу выполнить, а ты...

- Постараюсь учесть ваши замечания, Василий Егорович.

- Я же не старый вояка. Это вы чуть-чуть было "Георгия" не получили.

- Ах, Тихон, Тихон, возле смерти мы сейчас с тобой стоим, помолчал бы.

Кручинин, отдавая распоряжения, поминутно отвечая на вопросы взводных командиров, нервничал оттого, что уж слишком медленно углубляются зигзагообразные щели траншей, и ни на минуту не мог забыть о Зине. Ему казалось, что этой ночью не спит и она, что сидит с детьми где-нибудь в подвале, а над городом, как сегодня над Вейно, ходят немецкие бомбовозы...

6

- Нельзя оставлять, - сказал Загурин, поняв, что "эмку" уже не развернуть на дороге, и расстегнул сумку с гранатами. - А ну, Василий, разом!

Гранаты ударили одновременно. Машина осела, в ней заплескалось дымное пламя.

- Теперь пошли!

И они канавой поползли в сторону от оврага. Пули били им вслед, срезая листочки подорожника, молодые ветви ракит, вскидывали песок. Странное было чувство. Нет, это не было страхом. Скорее, оно походило на недоумение, сметанное с какой-то азартной лихорадкой. За ними охотятся, но они во что бы то ни стало должны перехитрить, обхитрить, победить. Они сильнее, умнее, ловчей. Они советские люди, коммунисты, большевики. А там?.. Там гитлеровцы, фашисты, отбросы человечества, возомнившие себя "над всеми", "юбер аллес!" Нет, черт-а с два! Посмотрим, чей верх будет!

Загурин оглянулся, заметил позади, тоже в канаве, немецкие головы и несколько раз подряд выстрелил из пистолета в темные каски. В живых людей он стрелял впервые в жизни. Это получа лось совсем иначе, чем в те мишени, которыми изображались

люди условные. Ермаков разогнулся на мгновение, швырнул гранату, и тогда оба броском поднялись на крутой склон, скрытые ельником, побежали к лесу. Загурин чувствовал сильную боль в ноге, но не останавливался. Только когда опасность миновала, где-то уже далеко от дороги, он повалился в мох. Ермаков снял с его правой ноги пробитый сапог и осторожно загнул штанину. Пуля повредила мышцу ниже колена.

- Царапина!

Такой бравадой Загурин старался ободрить и себя и Ермакова. Он сам достал бинт из сумки противогаза.

- Затяни-ка потуже.

А когда рана была забинтована, предложил отрезать голенище, чтобы ноге было спокойней.

- Что вы, товарищ политрук! - Ермаков возмутился, - Такой хром гробить!

- Потом пришьем когда-нибудь.

- Вида не станет, товарищ политрук. Лучше я вам голенище закатаю.

И Ермаков ловко превратил сапог в подобие домашней туфли. С полчаса они брели опушкой вдоль дороги, укрываясь в спасительном ельнике. Загурин прихрамывал, останавливался. Во время очередной остановки он услышал оклик из чащи:

- Товарищ политрук!

Из-за сосен вышел командир четырнадцатого поста младший лейтенант Рубцов и поманил рукой в лес. Загурин и Ермаков пошли за ним. Навстречу поднялись еще четыре бойца. У их ног стояли аппараты полевых телефонов, лежали винтовки, мотки провода.

- Троих потеряли, товарищ комиссар, - доложил Рубцов. - Пробивались лесом, кружным путем, километров двенадцать. Да все бегом, взмокли. Вот остановились передохнуть.

- Кого потеряли-то? - спросил Загурин, оглядывая бойцов и стараясь вспомнить всех, кто был на четырнадцатом посту. - Семенова, что ли?

- Так точно, товарищ политрук.

- Шургина тоже?

- Да, и. Шургина.

- И Авдеева?

Он представлял лица погибших, простых, хороших, веселых ребят; вздохнул, снял фуражку.

- Садитесь, - сказал обступившим его бойцам и сам опустился возле сосны, привалясь спиной к липкому от смолы шероховатому стволу. Посидели так, покурили, пораздумывали. Потом Загурин разложил на коленях карту:

- Вот что, ребята. Я вам тут маршрутик покажу, как до роты добраться. Смотрите.

Рубцов тоже склонился над картой и внимательно следил за кончиком загуринского карандаша - лесом, целиной, по еле приметным тропкам спешившего на восток.

- Ясно? - спросил Загурин, когда карандаш уперся в кружок "Оборье".

- Ясно, товарищ политрук.

Загурин набросал в блокноте несколько строи, со слов Рубцова сообщая командиру роты число танков противника, число грузовиков и солдат, и заканчивал просьбой немедленно донести об этом командованию. Сложив листок, он протянул его Рубцову,

- А теперь - марш! Пути километров двадцать пять. В распоряжении у вас пять часов. В двадцать три ноль-ноль приказываю быть в Оборье.

- Есть, товарищ политрук, в двадцать три ноль-ноль быть в Оборье. Бойцы подняли на плечи аппараты, и Загурин всем пятерым пожал руки: счастливой дороги. Протянул руку и Ермакову. Тот отшатнулся.

- Нет, товарищ политрук. От вас никуда. Вместе ездили, вместе и ходить будем.

Загурин прикрикнул:

- Отставить разговоры!

Он взял у Рубцова листок и протянул его взволнованному шоферу:

- Сержант Ермаков! Ровно в двадцать три лично вручите командиру роты. Повторите приказание!

Все шестеро ушли. Загурин остался один. Он отнюдь не полагал, что совершает нечто героическое. Бойцов держать здесь, при себе, было нельзя. Они могли быть остро необходимы в роте. А он сам? Потихоньку и он добредет до Оборья. У немцев здесь, видимо, только разведка. Когда еще они двинутся основными силами. А завтра он будет в Оборье. Отдохнет вот только, поуспокоит ногу. А кроме того, есть возможность последить за вражеской колонной. Это тоже пригодится командованию.

Он сидел под сосной до тех пор, пока не услышал шума моторов. Тогда подполз ближе к дороге, и стал наблюдать. Сначала проехала группа мотоциклистов за ними прогремели три танкетки. "Которая же из них мою "эмку" изуродовала? - подумал Загурин. Потом пронеслась неуклюжая пятнистая, как пантера, машина с поднятым парусиновым тентом, в ней, судя по заломленным фуражкам, несколько офицеров. За этой машиной появились танки, приземистые, плоские, как крабы. Пять, десять,

пятнадцать, двадцать... Наконец показались грузовики с пехотой. Загурин поднялся и, с трудом ступив на больную ногу, пошел вдоль дороги, не выпуская немцев из виду. Он продолжал считать машины, насчитал около двух тысяч солдат мотопехоты и сбился со счета.

Пробираясь кустарником, Загурин сопровождал немцев до самого Ивановского. Остановился на краю леса перед сжатым полем. Дорога, тянувшаяся к селу, была загромождена автомобилями, вездеходами, броневиками, тягачами с орудиями на прицепе, мотоциклами. Крики солдат и команды офицеров, скрежет металла, стук моторов гулко отдавались в лесу.

В душу стало вползать смятение. Что же это такое? Это уже не разведка. Это боевые, отлично оснащенные техникой части, Значит, обошли, прорвались. Теперь пойдут на Вейно, на Оборье, а дальше - ровный широкий асфальт до Ленинграда... Загурин гнал от себя мысль о том, что и он сам, в сущности, уже отрезан от своих. Он думал о Ленинграде. А вокруг слышалась чужая речь, рокотали чужие моторы.

Утром в блиндаже командного пункта дивизии зазуммерили телефоны, телефонисты вызывали то "Волгу", то "Каму", то "Урал", По лесным тропинкам побежали, помчались на мотоциклах связные, посыльные, делегаты связи прятали за пазухи гимнастерок засургученные пакеты; к середине дня в лесу началось движение: артиллерия меняла позиции. Снялись и куда-то ушли штабные установки четырехствольных зенитных пулеметов. Лукомцев лично дал им какое-то задание.

На "Каму", как условно назывался второй стрелковый полк, ложилась вся тяжесть предстоящей операции. Операция была "задумана Лукомцевым смело. Командир полка капитан Люфанов и комиссар старший политрук Баркан прекрасно понимали, что успех предстоящего боя может надолго отнять у немцев инициативу на этом решающем участке фронта. Но если неудача? Люфанов откровенно волновался: первый бой, да к тому, же рискованный. Баркан скрывал волнение. Неразговорчивый по натуре, он только еще больше молчал. Что принесет полку, всей дивизии этот бой?

Прошла еще одна тревожная и бессонная ночь. На рассвете немцы, сосредоточившиеся в Ивановском, открыли ураганный минометно-артиллерийский огонь. И как раз по участку второго полка. Казалось, что противник разгадал планы Лукомцева. Этот огонь подействовал на всех угнетающе - на всех, кроме полковника, который свой наблюдательный пункт поместил в непосредственной близости от полкового и, выбритый, свежий, бодрый, занял место возле полевого аппарата. Перед ним на

раскладном столике была раскинута карта, лежали цветные остро отточенные карандаши - "штабное оружие", как он их называл.

Лес ревел от разрывов, мины ломали вершины сосен, осколки горячим косым ливнем хлестали по ветвям, по стволам, по земле. Сбитые листья кружились и падали густо, как в октябре после ночного заморозка.

- Запаслись боеприпасиками, - мрачно повторял начштаба майор Черпаченко, устроившись на раскладном стуле напротив командира дивизии.

Наблюдатели донесли наконец, что немецкая пехота замечена в можжевельнике. Затем - что из Ивановского вышли танки. Сообщая об этом в дивизию, Люфанов пехоту называл "ноги", а танки - "коробочки".

- Где? - Лукомцев при этом вскочил с телефонной трубкой в руках; карта на столе загнулась, карандаши посыпались на пол. - "Коробки" где?

- На флангах, по десять штук с каждого.

- На флангах? - Полковник сел на место и не спеша раскурил трубочку. Отлично. Вот это отлично.

Немцы поднялись в атаку. Они не бежали, не кричали угрожающе, а шли большими, длинными шагами, двигались плотной массой сразу против всего фронта второго полка. Справа и слева, обгоняя солдат, не слишком торопясь, как бы нащупывая дорогу, ползли танки. Черный, обломанный снарядами лес стоял перед наступающими. Может быть, немцам казалось, что лес пуст и уже мертв, во всяком случае, они очень уверенно шагали. Но лес не был мертв. Артиллеристы ждали сигнала возле орудий, пулеметчики держались за рукоятки "максимов", стрелки ловили мушку в прорезь прицела.

- Страшновато, батя, - прошептал Козырев и поднял воротник гимнастерки. - Это вроде, как в "Чапаеве" каппелевцы. А?

- Ну, брат... Ничего, - бодрился Бровкин. - Двум смертям не бывать. На рожон, Тихон, не лезь, а и спину не показывай. Даст бог, выдюжим.

Старик и молодой прислонились плечом к плечу: так было легче переносить опасность.

Танки тем временем подошли к проволоке, стали мять ее широкими шипастыми гусеницами. Солдаты бросились к проходам. Они бежали по безмолвному, пустому полю, пока из леса навстречу им не сверкнула красная ракета и за ней, словно за молнией, грянул раскат грома. Поле охватило огнем. Тяжелые гаубицы били в упор по танкам, проламывали броню, сносили башни; в воздух взлетали куски роликов, звенья гусениц, взрывались боеприпасы. Горячий ветер проносился по окопам, со

стенок траншей от сотрясения пластами обваливалась земля.

Сила артиллерии, разом остановившая танки, подняла дух бойцов. Вид наступающего врага вызывал в них уже не тот, первый, казалось, непреодолимый страх, а ярость, злость, желание бить и крушить, мстить за испытанный страх. Пулеметы ополченцев скашивали пехоту. Но немецкие солдаты упрямо лезли на проволоку, стригли ее ножницами, ползли под ней на животах, перебирались по телам убитых. Проволоку заваливал серо-зеленый вал из немецких трупов. И.когда враг ввел в бой резерв и из можжевельника ринулось еще несколько сотен солдат с автоматами, они перемахнули через этот могильник прямо по своим покойникам и с дикарскими, жуткими воплями устремились к линии окопов.

- Ничего, ничего, - говорил Бровкин Козыреву, в растерянности вооружившемуся саперной лопаткой. - Винтовку, винтовку бери. Дело к штыковой подходит. Ничего... Крепче локтем прижимай приклад...

До штыковой схватки в эти минуты, однако, еще не дошло. Неожиданно для бойцов и еще более неожиданно для гитлеровцев из леса на полном ходу вылетели машины с зенитными пулеметами. Зенитчики ворвались в цепи немецких солдат и ударили свинцом в упор. Казалось, противник сейчас побежит. Но тут по дороге от Ивановского немцы пустили к лесу лавину мотоциклов с колясками. Их было, может быть, сотня, может быть, полторы. А это означало, сотня - полторы гремящих пулеметов.

Кручинин, расположившийся со своей ротой как раз у дороги, почувствовал то, о чем постоянно пишут в книгах о войне, - озноб, побежавший по телу, и противную, подлую слабость в ногах. Собрав все свои силы, он крикнул:

- Пулеметчики, ни с места, до последнего патрона! Остальные, бей гранатами! Бей и держись!

Сам он поднял из траншеи один взвод - люди выбежали вперед и притаились в придорожных канавах. Едва успели залечь, как возле Кручинина появился запыхавшийся комиссар полка Баркан.

- Правильно поступили, - почему-то шепотом сказал Баркан. - Если тут пропустим - дрянь получится. Дайте-ка и мне парочку.

Кручинин отцепил от пояса две "лимонки". Чтобы скрыть волнение, Баркан усмехнулся:

- Сегодня мой день рождения, тридцать бьет.

- Если так, то для подарка вот вам. - И Кручинин протянул ему еще и противотанковую гранату.

Баркан подбросил ее на руке:

- Вместо именинного пирога! Вот ведь какие штуки бывают на свете! Думалось ли когда...

Эти слова Кручинин уже едва расслышал: грохот нарастал лавиной. Сквозь зелень молодых сосенок он увидел, как впереди колонны в коляске мотоцикла подпрыгивает офицер в заломленной фуражке, и сжал "лимонку" в руке. Но за спиной его поднялся комиссар и, выкрикнув что-то совсем не именинное, швырнул свою противотанковую гранату. Шлепнувшись, она некоторое время, катилась по дороге и грохнула почти под самой коляской. Силой взрыва, рассчитанного на танк, мотоцикл разнесло в куски. И это было как бы сигналом.

Гранаты полетели пачками и рвались на дороге залпами - голова колонны попала в ад.

Кручинин выпустил ракету, и тогда два других взвода, покинув траншеи, ударили в штыки. А стрелки соседней роты отрезали немцам путь отхода. В рукопашной Тихон Козырев всю силу вкладывал в удары штыком и прикладом, бил гитлеровцев с яростью, нисколько не думая, что это люди, что у них где-то есть родители, дети. Это были враги, злобные и беспощадные, никем сюда не званные.

Четверть часа спустя Лукомцев прикладывал платок к своей бритой, лоснящейся голове. Ему было жарко даже в прохладной землянке, куда он перешел к этому времени; немолодое сердце давало себя знать. Карта была истыкана булавками, чем-то закапана, как будто и на ней бушевало сражение, и даже прорвана возле узкой полоски, обозначавшей дорогу из Ивановского. Это произошло в ту минуту, когда донесли, что немцы пустили мотоциклистов. Лукомцев, предположив, что немецкие танки пойдут в обхват (так и вышло), стянул на фланги почти всю артиллерию, вплоть до тяжелых гаубиц; он рискнул оголить центральные участки обороны; он предвидел, что немцы преодолеют проволоку, и выдвинул в засады на опушку леса зенитные установки на машинах. Но мотоциклистов и вообще удара вдоль дороги не ожидал. Этот трюк с мотоциклистами способен был внести немалую дезорганизацию в оборону, и неизвестно, к чему бы еще он привел. Потом, когда ему доложили, что атаку мотоциклистов по своей инициативе отбил старший лейтенант запаса Кручинин, Лукомцев вспомнил Вейно, роту, выстроенную возле вагонов, пытливые, присматривающиеся к нему, полковнику, взгляды, как бы говорящие: "Мы-то ничего, выдержим, мы еще Зимний брали, а вот как ты нас поведешь?" Улыбаясь, он туго набил трубочку "Золотым руном", и в землячке запахло медом. Что ж, перед ним уже не Родзянко и не Ливен, перед ним войска, в считанные недели и даже дни одну за другой

покорявшие страны Европы, но воевать все же и с ними можно. И не только воевать, но и бить их. И он еще не такая ученая развалина, которая только и способна вести "бои" в ящиках с песочком.

8

Зину задержали в лесу. Оперативному дежурному она заявила, что хочет видеть командира. Лукомцев, узнав об этом, нахмурился:

- Дама? Нечего ей тут делать!

Но когда ее привели и он просмотрел документы, то встал навстречу и крепко пожал руку:

- Кручинина? Жена? Прошу, прошу. Только сегодня вам его, пожалуй, увидеть не удастся. До вечера, по крайней мере. Слышите - бой?

Затем полковник сел в свой черный лакированный автомобиль и уехал. Зину отвели в землянку политотдела. Здесь навстречу ей бросился заводской друг Андрея Юра Семечкин:

- Зиночка?! А вид какой! "Бежал бродяга с Сахалина..." Как ты сюда попала?

Обвешанный гранатами, с пистолетом на боку, с карабином за плечами, в огромной каске, Семечкин оставался прежним весельчаком и балагуром.

- Юра, - сказала Зина, - почему к Андрею нельзя сегодня?

Он наклонился к ней:

- Готовится атака. Ивановское будем брать... Наша задача выбить немцев с переправ. Ясно? Увижу Андрея, скажу ему. Вот будет рад!

Ушел и Юра. Усталая, легла Зина на его жесткую постель.

Пять раз в этот день бойцы достигали огородов и первых строений села. И пять раз откатывались под неистовым, проливным огнем.

В прошлом письмоносица восьмого почтового отделения, худенькая бледная Ася Строгая при каждой атаке неотступно следовала за Кручининым: "Если ранят командира, его пи на минуту нельзя оставлять без помощи". Она склонялась то к одному раненому, то к другому, делала перевязки, но и Кручинина не упускала из виду. Над полем стояли грохот, свист, крики, то тут, то там падали люди...

И Асе стало так горько, как было в минуту расставания с подругами на прощальной вечеринке. Подруги целовали тогда, шептали на ухо: "Жди нас, мы тоже придем. Думаешь, усидим тут?" И только Настя Семенова сказала: "А может быть, и не увидимся больше..." "Что ж, может быть", - мысленно повторила Ася, пригибаясь от близкого разрыва мины, обдавшего ее

комьями земли, и побежала догонять командира роты.

Кручинин шел впереди своих бойцов. Позавчера, встречая мотоциклистов, скрытый от пуль в канаве, он не мог удержаться от нервной дрожи. А сегодня почти на голом поле, перед пулеметами врага, до того к ним близко, что уже ясно видны амбразуры дзотов и вспышки выстрелов, он все-таки находит силы не только держать себя в руках, но и видеть все, что происходит на поле боя, уверенно подавать команды. Кручинин замечал, как Селезнев неуклюже держит винтовку и жмурится от своего же выстрела, как геолог Фунтик, забыв, должно быть от волнения, правильный прием, вынимает из обоймы патроны и по одному вдавливает их пальцем в патронник. Хотелось подбежать и показать, как это делается, но Фунтик мчался дальше, не сгибаясь и пренебрегая опасностью. Бровкин, солдат первой мировой войны, пытался применять свои полузабытые армейские навыки. Он делал правильные перебежки, аккуратно прикладывался, долго целился и стрелял с колена обстоятельно и уверенно. Рядом с Бровкиным держался Тихон Козырев. Стрелять он, очевидно, тоже умел, стрелял быстро, навскидку. Друзья перебрасывались между собой отрывистыми замечаниями.

Во всех атаках участвовал и Баркан, комиссар полка, столь необычно вместе с Кручининым отпраздновавший в придорожной канаве свое тридцатилетие. С Барканом произошло то же, что и с Кручининым; он тоже не чувствовал того противного озноба, как было в первом бою, но все еще не мог определить своего места политработника и действовал то за простого бойца, то за командира.

Как ни напрягались силы дивизии, в этот день Ивановское взять не удалось. Работники штаба и политотдела по одному возвращались к вечеру в свои землянки. Юра Семечкин пришел ночью, исцарапанный, без каски. Напрасно Зина расспрашивала его об Андрее, он только сказал что-то вроде "в порядке" и заснул тяжелым сном, лежал на постели безжизненный, серый.

На рассвете Зина, не выдержав, пошла к начальнику штаба расспросить о дороге в полк. Черпаченко сказал устало:

- Связной туда едет на мотоцикле, отвезет.

Через полчаса Зина сидела на пригорке, поросшем ольхой. Было тихое росное утро, звонко кричали дрозды, и дятлы стучали по стволам деревьев.

Разбуженный Баркан вышел в сопровождении нескольких командиров. Он взъерошил волосы растопыренными пальцами и, сорвав с ольхи седой от росы листок, приложил его к глазам. Все подошли и сели на траву вокруг Зины. Она достала из мешка измятую коробку с письмом под голубой ленточкой. Баркан

разорвал шелковую полоску, раскрыл коробку и поставил ее перед Зиной.

- Угощайтесь, - пригласил он всех и, пока командиры лакомились шоколадом, читал письмо Сони, быстро водя глазами по строчкам.

Зина следила за ним. "Сухарь, - думала она, - даже не поблагодарил..."

Когда Баркан принялся аккуратно складывать письмо обратно в конверт, Зина сказала:

- Я хочу видеть Кручинина, мужа.

Пожилой капитан, сидевший поодаль, быстро взглянул на нее и тут же отвел взгляд. Кто-то странно кашлянул. Зина сердцем почуяла неладное.

- Андрей... - начал наконец один из командиров, но Баркан резко перебил его:

- Прекрасный командир. Смелый. Верный сын Родины!

Зина поняла. Маленькая, серая в своем пропыленном с дороги жакете, она сжалась, стала еще меньше и, закрыв лицо руками, неслышно заплакала.

Глава вторая

1

После неудачной попытки отбить у противника Ивановское командование перебросило на этот участок, танковую бригаду. С ее помощью Лукомцев и Черпаченко осуществили неожиданный для немцев маневр. Два батальона второго стрелкового полка лесами и болотами двинулись в обход вражеских позиции. Под гул артиллерийской канонады бойцы прорубали просеки для танков, на зыбких местах настилали гати. Путь был тяжелый, руки от топоров и лопат покрывались волдырями, обувь размокала в трясине, одежда пооборвалась. Зато, когда танки вышли почти в тыл врагу, немцы были застигнуты врасплох, удара не выдержали и оставили деревню Юшки, расположенную на скрещении дорог правее Ивановского. Деревня горела. Бойцы, может быть, и попытались бы гасить пожары, но в колодцах воды было едва на дне, речка далеко, и они с болью в сердце смотрели, как в огне тают и превращаются в дым бревенчатые домики. Они уже в Вейно видели разрушения, произведенные врагом. Но то было сделано бомбами издалека прилетевших самолетов. А. здесь еще полчаса назад по зеленой улочке носились с факелами немецкие солдаты я поджигали все, что может гореть. Было непонятно - зачем это им? Отмахиваясь от искр, сыпавшихся с обвитой языками пламени старой узловатой березы, Бровкин сказал:

- Герман - он что свинья: захочет яблоко съесть, все дерево

повалит. И в ту войну так было.

Каждому хотелось узнать хоть что-либо о враге: как вели себя в русской деревне немецкие солдаты и офицеры, как держались, как жили. Но спросить было не у кого, жителей не осталось; то ли раньше ушли, то ли сейчас разбежались они по лесам, укрываясь от пуль и снарядов.

Ротой Кручинина, не возвратившегося из, боя, теперь командовал бывший командир взвода младший лейтенант Марченко. От Юшков рота продвинулась еще на несколько километров во фланг Ивановскому, но была остановлена сильным минометным огнем и по приказу командира полка вместе со всем батальоном стала окапываться.

Наступило некоторое затишье; ободренный успехом наступления, Лукомцев строил новые планы, тем более что вышестоящее командование, покинув Кингисепп, слало приказы только на наступление.

- Я думаю, майор, - сказал он как-то начальнику штаба Черпаченко, что следующий удар мы нанесем на Понизовку, и тогда Ивановское будет совсем в кольце.

- Опять правым флангом? Рискованно. А что будем делать вот с этой, группой на левом?

Лукомцев склонился над картой. В левый фланг дивизии, между хутором Осиновским и рощей, условно названной "Орех", вклинилась полуизогнутая жирная стрела, которую Черпаченко старательно заштриховал коричневым карандашом.

- Риск, конечно, есть. Но если мы возьмемся укреплять левый фланг, можно упустить время. Противник перегруппируется. Давайте ударим на Понизовку?

- Все-таки это большой риск, - повторил Черпаченко. - Вместо того чтоб окружить, мы сами можем оказаться в мешке.

Начальник штаба посеял сомнение. Не доверяясь картам, Лукомцев, прежде чем принять окончательное решение, хотел лично провести рекогносцировку. Он объездил и исходил почти весь фронт дивизии, побывал на передовых наблюдательных пунктах, понял, что немцы не оставили мысли прорваться к Вейно и что сейчас не о мелких наступательных операциях думать надо, а укреплять оборону. Коричневый клин, встревоживший Черпаченко, не случаен. Какой-то расчет немцы, конечно же, на нем строят.

2

Зине, оставшейся в полку, взамен изодранных туфель выдали парусиновые сапожки, в каких ходили дружинницы; измазанный сосновой смолой жакет она запихнула в рюкзак и надела гимнастерку с фронтовыми защитными петлицами. На берет

прикрепила звездочку, подаренную Юрой Семечкиным. Она так же, как и все другие женщины и девушки, перебирала бинты в санчасти, чистила картошку на кухне. Но часто руки, скатывавшие бинт, непроизвольно прекращали движение, нож надолго врезывался в картофелину - Зина прислушивалась к шороху ветра, к далеким выстрелам. Все дни она ждала, ждала известий об Андрее. Толком никто ничего сказать о нем не мог. Тела его так и не нашли, да и искать было почти невозможно под огнем из Ивановского.

Юра Семечкин говорил, что видел Андрея где-то в кустарнике, когда отходили. Бойцы мялись, смущенно молчали, уверяли, что командира разорвало миной, потому и трупа нигде нет.

Виновато чувствовала себя и Ася Строгая. Она тоже ничего не могла сказать Зине, хотя во все время боя следила за Кручининым. Занявшись раненым пулеметчиком, Ася на каких-нибудь пять минут потеряла командира из виду. Она металась по можжевельнику, но напрасно: найти его уже не смогла. Тем временем был получен приказ отходить. Потом она узнала, что Кручинин пропал без вести, она представляла его, беспомощного, теряющего силы, одинокого, где-нибудь в воронке и плакала от горя, от обиды, от сознания невыполненного долга. Встречаясь с Зиной, которая как бы видела в ней последнюю надежду, Ася краснела и опускала голову.

Так продолжалось несколько дней. Наконец как-то под вечер Зину вызвал к себе в землянку Баркан. Он усадил ее на нары, предложил чаю и, пока Зина медленно размешивала ложечкой сахар в стакане, ходил из угла в угол. Потом сел рядом и, как Зине показалось, раздраженно сказал:

- Кручинина, у вас двое детей, зачем вы их бросили? Идите домой. Когда понадобитесь на фронте, вас позовут. А сейчас - идите. Специальность у вас есть? Бухгалтер? - Баркан снова помолчал, ероша волосы. - Ну ничего, вас научат, патроны будете делать. Идите, берегите ребятишек. Адрес оставьте.

На рассвете Зина ушла. Никто ее по провожал, она тихо покинула землянку и сквозь чащу выбралась на дорогу. Было такое же свежее ясное утро, как и в день ее прихода: влажный от росы песок под ногами, сосны, звонкие крики дроздов. Вокруг все оставалось неизменным. Белая царапина от осколка на стволе осины? Год-два - и она затянется новой корой. Выжженная земля на полянке? Уже будущей весной здесь пробьется трава. Колючую проволоку растащат крестьяне для изгородей на огородах. И ничто в этом лесу не будет напоминать о войне. И только сердце навсегда сохранятся и этот белый шрам, и эта гарь, и не сок,

изрытый снарядами. Вся жизнь ее осталась здесь. А впереди? Какие-то патроны, как сказал Баркан. Вспомнив его, Зина тоже сорвала листочек и, влажный, холодный, приложила к векам. Это освежало. Она охватила рукой черемуховый куст и мокрыми ветками умыла лицо.

- Зиночка, - услышала голос.

Обернулась: Юра. Семечкин подумал, что Зина плачет, и немного смутился.

- Прощай, Юра, - грустно сказала Зина, подавая руку. - Иду домой.

- Правильно! - Семечкин оживился. - Как раз об этом и я хотел с тобой поговорить. Здесь жара начинается, немцы танков подтянули - жуть. Будем держаться. Сегодня вызвал командир дивизии: "Юра, - говорит, - на тебя вся надежда". Вот иду в полк.

Зине показалось, что Семечкин выпил. А он обнял ее, сунул в руку какой-то пакетик и пошел. Юра оступался на выбоинах дороги, и Зина снова подумала - пьян. Она развернула пакетик: три слипшиеся раздавленные конфетки "Аида". Как ни тяжело было на душе, этот неожиданный подарок вызвал улыбку.

Зина шла к Вейно; густой дым стлался над станцией, над окружающими полями и рощами, утренний воздух дрожал от взрывов.

- Дура, куда прешься! - крикнул взъерошенный конник, попавшийся навстречу. - Там немцы, не видишь? - И он ускакал через ячменное поле к лесу.

Зина остановилась в нерешительности. Но мимо нее к Вейно промчались связной броневичок и санитарная машина, а за ними вскоре пошли грузовик с пушкой и автобус с бойцами. Зина двинулась к Вейно. Немцев там не было, но бой шел совсем рядом. Железнодорожные составы, один за другим, уходили на Молосковицы.

За станцией в березовой роще били тяжелые орудия. Не зная, как быть дальше, Зина решила пойти на звук этих выстрелов и углубилась в рощу. Неожиданно на повороте лесной дороги она услышала плач. За канавой, на поваленном дереве, сидел мальчик лет восьми и, опустив голову в колени, плакал.

Зина остановилась:

- Мальчик, что ты? Кто тебя?

Мальчик поднял лицо с опухшими глазами, хотел что-то сказать и заплакал еще горше. Зина протянула ему конфеты, которые все еще Держала в руке. Но ребенок, надрываясь от плача, снова ничего не ответил. Тогда она присела и обняла его; мальчик прижался к ее груди, судорожно обхватил руками шею:

- Тетенька, не оставляй, возьми меня с собой, тетенька!

- Эй, пацан, что авралишь?

На дороге стояли два моряка в бушлатах. Один с винтовкой за плечами прикладом вверх, другой с наганом и кинжалом у пояса.

- Ваш? - спросили они Зину.

Она отрицательно качнула головой.

- Ага, от части, значит, отбился? - Краснофлотец с кинжалом улыбнулся.

Мальчик притих, разглядывая моряков.

- Как зовут? - спросили его.

- Вася, - ответил он, все еще всхлипывая. - Василий Петрович.

Моряки рассмеялись.

- Василий Петрович, вот здорово! Садись-ка сюда. - И тот, кто был с кинжалом, посадил его к себе на плечо. - Меня тоже Васей зовут, тезки, значит. Пойдем с нами кашу есть.

Моряки с Васей быстро зашагали через рощу. Зина в отдалении шла за ними.

Вскоре деревья поредели, и там, в березняке, на рельсах, она увидела бронепоезд. Оттуда уже махали руками и кричали:

- Донцов, старшина! Сейчас отходим.

На бронепоезде все было в движении, он только что отстрелял, орудия опускали свои длинные стволы, командир искоса поглядывал с мостика на небо, где появился "горбач".

Старшина Донцов тоже взглянул на воздушного разведчика:

- Засекли, паразиты! Сейчас крыть начнут.

Он высоко поднял Васю, моряки подхватили мальчика и втащили в бронированный вагон. Донцов обернулся на сиротливо стоявшую Зину:

- А вам куда, гражданочка? Может, подбросим?

- Не по пути нам, мне в Ленинград.

- Почему так думаете - не по пути? А ну, садитесь, живо!

Зина заторопилась, подбирая узкую юбку и больно стукаясь голыми коленками о железные ступени отвесной лесенки. Она чуть не сорвалась, когда близкий взрыв вскинул кверху черные комья сырой лесной земли.

- Ну вот, так и есть, нащупали! - сказал Донцов, поддерживая Зину. Снова невдалеке ударил снаряд, но бронепоезд уже набирал скорость.

Точнее говоря, это была железнодорожная батарея. На открытых площадках стояли два тяжелых дальнобойных орудия, а на двух других расположилось до десятка легких зенитных пушек. Бронированным был только один вагон, тот самый, где находился командир и где сейчас Зина с Васей пили чай. Краснофлотцы радушно угощали необычных гостей всем, что только нашлось в

их Запасах. Появились и печенье, и шоколад, и шпроты, а командир, порывшись в чемодане, извлек и положил на стол лимон. Все уже знали грустную историю молодой женщины. Старшина Донцов расспрашивал Васю:

- Откуда же ты топал, тезка?

- Из Алексеевки, от бабушки.

Вася сосредоточенно набивал рот булкой, обмакивая куски ее в масло, светившееся на дне банки, где только что были шпроты.

- А зачем в такое время ушел от бабушки?

- Умерла. - Мальчик вздохнул, перестал жевать, и крупные слезы скатились на кончик маленького носа. Губы задрожали. Вася снова заплакал, как тогда в лесу. Он отвернулся от еды.

Все принялись утешать мальчика. Показывали оружие, бинокль, кто-то принес ему штык от английской винтовки в лакированных ножнах. Вася успокоился лишь тогда, когда этот великолепный меч прикрепили к его поясу. Никто его больше не расспрашивал, но он, выдернув и снова вложив в ножны свое оружие, сурово сдвинул брови и сказал:

- Папу убило бомбой на паровозе. Папа был самый лучший машинист. Мама в речке утонула, когда мы от фашистов убегали. Я два дня шел к бабушке. А бабушка умерла... Я всех их убью!

Командир потрепал мальчика по голове:

- Будешь у нас жить, Василий Петрович. Краснофлотцем будешь. Донцов, обратился он к старшине, - завтра же экипировать хлопца. Перешить там что-нибудь, бушлат чтобы, бескозырка...

- А клеш? - сказал Вася.

- Ну, конечно, и клеш. Без клеша - какой моряк.

- Воздух! - крикнул снаружи наблюдатель.

Заревела сирена.

- Все наверх! - скомандовал командир, бросаясь к трапу.

На бронепоезд, прямо навстречу, над линией железной дороги шли три "юнкерса". Командир приказал в трубку:

- Полный вперед!

Разрывы бомб грохнули позади. Зенитчики ударили по самолетам, и "юнкерсы" скрылись. Но через несколько минут они, выскочив из-за деревьев, снова с воем пронеслись над бронепоездом, обдав его градом разрывных пуль.

Поезд шел по узкому лесному коридору, стены деревьев затрудняли зенитную стрельбу. Самолеты появлялись внезапно и, сбросив бомбы, сразу же исчезали. Так коршуны в степи охотятся за крупной дичью, остерегаясь ее зубов, надеясь улучить момент, чтобы ударить клювом в затылок.

Сквозь смотровые щели в броне Зина видела, как

краснофлотцы быстро работали возле зенитных орудий на площадках. Щелкали замки, гремели выстрелы, гильзы со звоном вылетали на рубчатый железный пол и дымились. Кто-то упал, должно быть раненый; его заменил другой моряк.

Наконец самолеты отстали, все стихло, только стучали колеса и тяжело пыхтел паровоз, преодолевая подъем.

- Ну, вот и все. - Зина с облегчением опустилась на ящик и погладила по голове примолкшего Васю. - Прогнали их. А ты испугался?

- Я фашистов не боюсь, - ответил мальчик.

Глядя на него, Зина подумала о Шурике и Кате, которые, наверно, ожидают маму, пристают к бабушке с расспросами. Она уже сама с нетерпением ждала часа, когда слова вернется домой. А бронепоезд, как назло, шел медленно.

3

Генерал фон Готлиб, командовавший немецкими войсками на этом участке, как и предполагал Лукомцев, начал решительно теснить дивизию. Многочисленные танки, о которых Семечкин говорил Зине, поддерживаемые самолетами десанты автоматчиков на бронетележках, летучие отряды мотоциклистов все сильнее наживали на ополченцев. Немцы не жалели боеприпасов, их артиллерия и минометы пахали, пахали и пахали землю, занятую дивизией. Самолеты, выстраиваясь "каруселями", могли час за часом швырять бомбы любых калибров или, опускаясь до бреющего, поливать траншеи пулеметным огнем. Удержаться в этом пекле было нелегко. Приходилось медленно отступать от разрушенных, разбитых позиций к новым, более или менее подготовленным. Так же, видимо, поступали и соседи - справа и слева. Следовательно, даже если и удержишься - попадешь в окружение. Окружения же боялись все. Лукомцеву нелегко было слушать каждый вечер голос Астапина в телефонную трубку. Каждый раз приходилось называть новую позицию своего КП. На подступах к Вейно батальоны, казалось, закрепились довольно прочно - в кустарнике перед шоссейной дорогой. Бойцы уже знали вражескую тактику, знали, как, уперев автоматы в животы, фашисты будут идти в полный рост почти до самых окопов, как потом офицеры, размахивая парабеллумами, будут орать "Форан!" и как, сбившись в кучу, солдаты упрямо полезут на брустверы.

Бойцов уже не пугали ни треск автоматов, ни эти крики "Рус, сдавайс", ни упрямство наступающего врага. Они напряженно, но стойко молчали, подпуская немцев все ближе. Бой грудь в грудь был не так страшен. Лишь одно выводило из себя: окружение, обход.

В девятой роте, которая за ночь успела вырыть в сухой земле окопы в полный рост, в бывшей роте Кручинина, находился комиссар полка. Эту боевую роту по-прежнему ставили на самые ответственные участки. Баркан стоял в стрелковой ячейке рядом с командиром роты Марченко, грустно улыбался, глядя на молоденького лейтенанта и, когда тот порывался было подать команду, мягко останавливал его:

- Рано, дружок, рано. Бить надо только в упор. Обождем еще минутку. Позиция была удобная, Баркан видел, как суетятся немцы, двигаясь по открытому месту к кустарнику. Уже не было того, как было совсем недавно, не было эффектных "психических" атак - большие потери научили врага бояться смерти. Да, немцы суетились, сгибали спины, готовые каждую минуту шлепнуться наземь.

Взлетели две зеленые ракеты: это был сигнал комбата. Фланговым огнем ударили полковые пушки. Немецкие цепи тотчас смешались. Солдаты дружно поворачивали назад; лишь небольшие и группки, помня приказ о том, что из-под огня выходить надо только броском вперед, прорвались к траншеям. Но здесь их встретили гранатами. А затем девятая рота, видя свой успех, решительно вырвалась на бруствер и ударила в штыки.

Видимо, столь же безуспешно атака фашистов прошла и на других участках, потому что противник, отступив, свою попытку не возобновлял. Это было против обычая. Обычно немцы лезли и лезли, пока не добивались успеха.

Обходя траншеи, шутя с бойцами, Баркан повстречался с Бровкиным.

- Василий Егорович, привет! Скольких уложил-то, старый солдат?

- Не считал, товарищ комиссар, горячка была.

- История подсчитает!

Это сказал недавний экономист - рядовой Селезнев. Он достал и надел на нос пенсне, на время боя аккуратненько уложенное в футляр.

- Так, пожалуй, наш Василий Егорович и медаль заработает. "За отвагу", - вставил Козырев.

- То-то, брат... Практика! - Бровкин был доволен. Он хлопнул Козырева по спине.

"Взрослые люди, - думал Баркан. - А тут стали как ребятишки. Чему радуются? Тому, что уложили сегодня несколько десятков немецких солдат, несколько десятков людей. Но ведь и я этому радуюсь, и я готов всех тут обнимать, хлопать по плечам, по спинам. Все мы, конечно, не столько смерти тех, оставшихся на поле, радуемся, сколько радуемся своей жизни, тому, что мы

живы, тому, что враг не прошел, что будут, значит, живы и наши дети, наши жены, матери, отцы, тому, что будет жив Ленинград". "Можешь ли ты, спросил он самого себя, - можешь ли ты пожалеть перебитых сегодня немцев? Можешь ли вспомнить о том, что и они люди, что и у них есть дети, жены, отцы, матери, которые ждут своих родных домой?" "Нет, - себе же ответил Баркан. - Нет. Пока нет. Может быть, когда-нибудь, когда фашизма не станет на земле, мы вспомним о тех потерях, которые человечество понесло от войн, затеянных империализмом. Может быть. Но пока надо убивать, убивать и убивать. Если хочешь жить, если хочешь отстоять свою Родину и построить в ней социализм".

Немец все-таки оказался себе верен. Передышка была очень недолговременной. Во второй половине дня противник обрушился на соседнюю с девятой восьмую роту. Фланг слева оголился. Баркан запросил указаний от командира полка, но связь со штабом была нарушена. Сидели, ждали ночи, чтобы произвести разведку. Разведчики, пошарившие в ночной темноте, установили, что сосед справа тоже отошел, а позади расположения роты на шоссейной дороге стоят немецкие танкетки.

Ночь была темная, безлунная, только небо вспыхивало на миг артиллерийскими зарницами. Командир роты и комиссар полка, накрывшись плащ-палаткой, долго рассматривали карту при свете ручного электрического фонарика. Решили пробираться через ноле дневной битвы, - единственное направление, где могло не быть немецких засад. В случае удачи - через болотце в лес, а там - обходом на Вейно, куда, по предположению Баркана, отошел полк.

Спешно похоронили убитых, и сорок "четыре человека, оставшиеся от роты, в полной тишине покинули траншеи, чтобы двинуться во мрак. Шли осторожно. Только жнивье шуршало под догами. Раненых несли на шинелях.

Когда вошли в лес, уже начинало светать, сонные птицы с шумом вырывались из-под ног, заставляя отряд замирать на месте. Один из раненых заметался на самодельных носилках, застонал, тело его дергалось, он словно хватал что-то, видное только ему, но недоступное, уходящее. По лицу шла судорога, и стиснутые веки мелко дрожали.

- Кончается, - сказал Бровкин.

- Опустите, - распорядился Баркан.

Бойцы положили раненого на землю и сначала один, за ним другой, третий сняли пилотки.

"Потом разберемся, лотом подсчитаем, - снова подумал Баркан. - Может быть, найдутся такие, которые, не понюхав

пороху, не пройдя по болотам, предъявят счет не одному этому молоденькому командиру, Марченко, но и ему, комиссару Баркану. Конечно, счет не только за убитых немцев, "сыновей, мужей, отцов", а и за этого умершего бойца. Может быть, может быть. Но пусть-ка они сами сначала повоюют".

Снова пробирались сквозь чащу, держа курс на Вейно, брели болотами, вязли во мхах. И в тот момент, когда трудный путь остался уже позади, когда казалось, что еще две-три сотни метров - и на открывающейся впереди просеке будут свои, - кругом затрещали автоматы, между деревьями замелькали немецкие мундиры. В первую же секунду разрывом мины наповал сразило Марченко. "Но это ничего не значит. Счет ему предъявят и мертвому. Только захоти".

Баркан подумал об этом мельком, совсем мельком. Раздумывать было некогда.

- Ребята, оставьте нас, бегите, - просили кругом раненые.

- Миша, Миша, - шептал один из них товарищу, - уходи, браточек милый. Жинке моей напиши, адрес у меня тут, на конверте. Пусть к матери, в деревню, едет. Уходи, Миша. Вставь мне в лимонку детонатор. Дай сюда...

Другой раненый сам закладывал в гранаты взрыватели и тоже просил:

- Уходите, ребята, уходите!

- Никуда мы не уйдем! - закричал Козырев. - Вы что, за гадов нас считаете, за предателей?

Впервые в своей жизни Баркан ощутил такую невероятной тяжести моральную ответственность; он не знал, на что решиться. А тот кто только что просил друга написать жене, поднялся с разостланной шинели на ноги, схватился за молодую осинку и с криком "Прощайте, ребята!" пробежал несколько шагов. Немецкие пули скосили его, гранаты в руках взорвались.

- Вперед! - закричал потрясенный Баркан. - На врагов Родины! Ура!

Порыв обреченных был так внезапен и яростен, что немцы опешили. Минуты их замешательства было достаточно, чтобы Баркану и его бойцам вырваться из кольца. Отходя, бойцы швыряли гранаты, били из винтовок. Деревья скрыли их, и немцы уже не рискнули преследовать.

Остановились только где-то в глухой чаще.

Баркан воспаленными глазами оглядел группу, подсчитал, сколько же осталось. Семнадцать. Семнадцать с ним вместе. Это были те самые ленинградцы, которые еще несколько недель назад радовались гигантскому генератору, построенному для мощной гидростанции страны, изобретали приспособления, с помощью

которых на простом зуборезном станке за смену можно было изготовить деталей в десять - пятнадцать раз больше, чем обычно, насаждали парки, возводили монументальный Дом Советов на Московском шоссе, строили корабли, паровозы, блюминги. Это были те самые ленинградцы, что в выходные дни загорали на пляже у Петропавловской крепости, ездили за город, по вечерам сиживали с газетой в руках у настежь распахнутого окна, за которым двумя потоками по тротуарам не спеша текли толпы таких же, как и они, мирных граждан. И вот они сейчас - ожесточенные, полные ненависти, пролившие кровь солдаты. Кто в том виноват, с кого ответ требовать?

Все опустились на землю. У Баркана в кисете был трубочный табак. У кого-то нашлась в кармане газета. Кисет пошел по рукам, скручивались большие неуклюжие самокрутки.

Жизнь оставалась жизнью.

Целыми днями Лукомцев разъезжал по фронту дивизии, которая, отойдя от Вейно, снова заняла оборону. Однажды, встретив в лесу нескольких бойцов, отбившихся от своей роты, он по возвращении в штаб раскричался:

- Что это за войско у нас с вами, майор, что за войско? Какой-то бродячий цирк, а не дивизия!

- Преувеличиваете, ей-богу, преувеличиваете, товарищ полковник, заговорил Черпаченко. - Скорее всего это не наши, а соседи болтаются по лесам. У нас же ополченцы, народ, сами знаете, какой.

- Чем утешаетесь! Соседи! Даже если соседи - нам с вами от этого не легче. Если сосед силен, то и ты силен. А сосед плох - и ты плох. Это же война. И я заявляю, что с каждым разгильдяем буду расправляться беспощадно.

В эту минуту в землянку вошел связной и остановился у двери.

- Чего тебе? - спросил Лукомцев.

- Задержан человек. Говорит, с пакетом. Лично командиру.

Появился боец в изодранной, до черноты грязной гимнастерке, заправленной в брюки, на которых не было ни одной пуговицы, они держались только потому, что были опоясаны телефонным проводом. На ногах у бойца разбитые, разинувшие полный гвоздей рот старые опорки.

- Разрешите обратиться?

- Что за вид! - рявкнул Лукомцев. - Кто вас послал?

- Комиссар батальона службы воздушного наблюдения, оповещения и связи политрук...

- Так передайте ему...

- Он в тылу у противника, раненый, товарищ полковник.

Лукомцев зло развернул замусоленный листок. Вертел его и так и этак и ничего не мог разобрать, кроме даты.

- Вы что же, одиннадцать дней доставляли сей, с позволения сказать, пакет? Ваша фамилия?

- Ермаков.

- Скажите прямо, Ермаков, откуда вы сбежали?

Из Ивановского, товарищ полковник, из немецкого плена.

- Как? - переспросил Лукомцев. - Откуда?

И Ермаков, лихой загуринский шофер, рассказал, как он пробирался лесом с бойцами четырнадцатого поста, как нарвались они на немецкий секрет и были схвачены, как прятал он записку Загурина сначала в голенище, а потом, когда немцы отняли сапоги, скрывал ее и между пальцами, и под мышкой, и во рту.

- Под конец я, товарищ полковник, не стерпел, кокнул ночью часового булыжником и дал с ребятами тягу. Да только вот растерялись, остался я один. Думал в Оборье пробираться, где рота стояла, да Оборье-то уже у немца. Вот нашел теперь вас... И правду вы сказали, сильно опоздал, не та дата получилась, товарищ полковник. За это винюсь. Виноватый, словом. Политрук мне наказывал, как можно скорее. А я...

- А как ты думаешь, что с твоим комиссаром?

- Думай не думай, товарищ полковник, раненый он. Хоть не сильно, а раненый.

Наутро Ермаков, подтянутый, выбритый, в новом обмундировании, явился за распоряжениями. Лукомцев с интересом оглядел его, внутренне усмехнулся тому, что голова у бойца под пилоткой обрита так же гладко и тщательно, до блеска, как у него самого.

- Вот что, - сказал он, - мне шофер нужен, товарищ Ермаков. Моего лихорадка стала трепать по ночам, да и стар он, устает. Мы ведь с ним уже давно вместе. Оба постареть успели. А ты - орел, ты молодой и здоровый. Пойдем-ка со мной!

Лукомцев повел Ермакова в глубь леса, где стояла его крытая черным лаком длинная машина.

- Такую барышню знаешь?

- "Студебеккерша". Верно, что барышня, для фронта она не больно подходящая, городская машинка. "Газик" бы вам, товарищ полковник, на том всюду проскочишь.

- А по-моему, - не согласился Лукомцев, - в руках хорошего шофера всякая машина хороша.

- Да это верно, это уж так. Но все-таки...

- Потом порассуждаешь, дружок.

Ермаков приложил руку к пилотке.

Минут через десяток он доложил, что машина к поездке готова. Но когда Лукомцев, собираясь испробовать искусство нового шофера, садился в автомобиль, в штабной лесок влетел всадник. На взмыленном рыжем коне гарцевал лейтенант в полной морской форме - в кителе, фуражке и брюках клеш. Он ловко спрыгнул на землю и вытянулся перед Лукомцевым.

- Делегат связи Балтийской морбригады лейтенант Палкин! отрапортовал, подавая пакет.

Пакетом сообщалось, что по приказу командования морская бригада прибыла для взаимодействия с дивизией.

- Вовремя, - сказал Лукомцев. - Очень кстати! Оставьте-ка своего буцефала, лейтенант, да садитесь ко мне. Где ваш штаб? Будете показывать дорогу.

"Студебеккер" рычал на подъемах и тихо, бесшумно пылил по ровному. Промелькнула деревня, за ней вторая, осталась справа арка с надписью "Совхоз "Ягодка", громыхнул гнилыми досками расшатанный мостик. Потянулось длинное село.

- Ирогощь, - сказал Палкин.

Ермаков не снимал руки с клаксона. В узкой улице машину затирало среди повозок и грузовиков. На повозках - раненые в окровавленных бинтах, на грузовиках - имущество, ящики боеприпасов. На обочинах дороги - пешая густая толчея.

- Экая ярмарка. - Лукомцев поморщился. - Что они думают? Что немцы, слепы, что ли?

И не успела машина проехать сотни три метров, как за домами ударили взрывы. Дым повис над деревней, люди бросились в канавы, бежали огородами, прятались за строения. Свистели осколки, со звоном отсекая провода телеграфных линий.

"Студебеккер" окончательно застрял. Лукомцев обернулся: как чувствует себя делегат связи? А Палкин сказал:

- Разрешите курить, товарищ полковник?

- Курите.

Лукомцев тоже достал свою носогрейку, и пока Ермаков, крича и негодуя, требовал освободить дорогу, он в зеркальце шофера наблюдал за моряком. Отвалясь на подушки рядом с встревоженным адъютантом, тот пускал струйками табачный дымок и аккуратно сбрасывал пепел за ветровое стекло.

- А знаете, товарищ полковник, - сказал моряк, указывая папиросой в небо, - они и самолет выпустили для корректировки.

Лукомцев поднял глаза: над деревней крутым виражом шел двухфюзеляжный "фокке-вульф".

- Не ваша ли комфортабельная машина, товарищ полковник, привлекла внимание этой "рамы"?

Глаза лейтенанта в зеркальце смеялись, но, как только Лукомцев обернулся к нему, лицо того мгновенно приняло строго официальное выражение.

- А вот и майор! - воскликнул Палкин, выбрасывая недокуренную папиросу.

На обочине дороги, между броневиком и крохотной песочного цвета машиной, стояли два командира. Один - комиссар второго СП Баркан, другой приземистый широколицый моряк, майор Лось, - командир морбригады. Он держал на руке планшет с картой. Баркан что-то отчерчивал на карте красным карандашом. Оба поприветствовали Лукомцева, когда он открыл дверцу.

- Хорош пример бойцам! - сказал Лукомцев. - Кругом мины рвутся. Почему не в броневике?

- Предпочитаю эту блоху. - Лось хлопнул ладонью по капоту своей машины. - Как-то неуютно в броневике, товарищ полковник. Убьют - и неба не увидишь.

Через несколько минут "студебеккер", а за ним машина Лося и броневичок Баркана пролетели арку "Совхоз "Ягодка" и остановились под яблонями, отягощенными желтыми спеющими плодами. Палило полуденное солнце, и разогретые яблоки источали густой крепкий запах.

- Вот здесь и потолкуем. - Лукомцев раскинул под деревом свою кожанку. - Прошу садиться.

Тучный Лось повалился на пестрый клевер: его томила жара. Баркан разложил карту. Адъютант приготовил блокнот.

Пока на картах решалась задача, делегат связи лейтенант Палкин занялся обследованием окрестностей. Возле покосившейся обомшелой избушки, без окон, которая притаилась в зарослях малины над ручьем, он увидел девушку в военной форме. Девушка сидела в холодке на чемоданчике и, опустив голову в колени, дремала.

Палкин постоял минуту, рассматривая белокурые вьющиеся волосы, спину, плотно обтянутую гимнастеркой, крепкие икры, охваченные голенищами брезентовых сапог, и окликнул:

- Сеньорита!

Девушка подняла круглое, розовое от сна лицо и, как ребенок, протерла кулачками серые с зеленцой глаза.

- Побриться? - спросила она. - Садитесь, - и указала на пенек.

- То есть? - удивился Палкин. - В этом палаццо парикмахерская?

- Парикмахерская здесь. - Девушка щелкнула пальцами по чемоданчику.

- Вы что же, бродячая парикмахерша?

- Почему бродячая? Политотдельская. Политотдела дивизии.

Палкин погладил свой подбородок:

- А разве мне уже повестка? Вчера только брился.

- Да нет, не повестка, а так, на всякий случай. Когда еще придется. Прыгаем с места на место, время такое. Садитесь.

Растирая мыло в чашечке, девушка усталыми глазами поглядывала на Палкина.

- Знаете, - сказала она, - хотелось бы выспаться на мягкой постели, под одеялом. Я ведь почти не сплю. Я трусиха. Всю ночь прислушиваюсь, все кажется, немцы близко.

Намыливая Палкину щеки, она продолжала:

- Давно прошу - дайте мне оружие, ну хоть какой-нибудь пистолетик. Не немцев, так себя убить в последнюю минуту.

- Я достану вам пистолет, только не себя убивать, конечно, - сказал Палкин. - Как вас величать?

- Галиной. Галина. Правда, достанете? Большое вам спасибо.

- Я достану вам, Галя, прекрасный пистолет. Вас, значит, в политотделе искать?

- Да, буду ждать, не обманете?

Вдали послышались автомобильные гудки. Сначала один, потом сразу два, наконец гудки заревели, не прерываясь.

Палкин вскочил:

- Пожалуй, меня! Добреюсь в другой раз. - Он пожал Гале руку. - Итак, ждите с подарком! - И, стирая платком с лица мыло, побежал через сад.

- А вас как зовут? - крикнула девушка вслед.

- Костя. Константин Васильевич Палкин.

Палкин не ошибся, его ждали.

Когда под яблоней работа пришла к концу, Лукомцев спросил!

- Где этот морской орел? Потрубите-ка! Ехать надо.

Шоферы стали сигналить, а Лось усмехнулся:

- Между прочим, полковник, Палкин - любопытный человек. Я нарочно вам такого послал, чтобы не посрамить бригаду. Своенравный, но молодец!

И майор стал рассказывать, как Палкин действовал вместе с десантом на одном из занятых немцами островков в Финском заливе.

- Я приказал ему зацепиться за берег и обеспечить высадку главных сил. Съезжаю на берег, гляжу - а он уже чуть не половину острова занял и штурмует поселок в глубине. "Кто, говорю, приказал?" - "Обстановка распорядилась, товарищ майор".

- Молодец, - сказал Лукомцев. - Хороший задаток.

Ему нравились и этот толстяк майор, и Палкин, и все моряки,

подтянутые, бодрые, дисциплинированные.

Он добавил:

- Приятно сражаться бок о бок с балтийцами!

Появился запыхавшийся Палкин. Лось нахмурился и строго сказал:

- Ждать заставляете.

- Прошу извинения, брился.

- Не вовремя. Наверное, парикмахерша приглянулась...

- И это есть, товарищ майор.

Все улыбнулись откровенности лейтенанта.

По дороге в штаб из коротких замечаний Лукомцева, обращенных к адъютанту, Палкин понял, что совещание под яблоней касалось операции, рассчитанной на вытеснение немцев из Вейно. Командование хотело вернуть железную дорогу Кингисепп - Гатчина.

Глава третья

Лукомцев и Черпаченко в тени берез сидели над картой. После вчерашнего боя, закончившегося тем, что дивизия совместно с морской бригадой выбила немцев из окончательно разрушенного Вейно и тем самым отняла у противника важнейшую рокадную дорогу, Лукомцев перенес свой командный пункт к самой станции, в эту березовую рощу.

- Не по уставу дислоцируемся, - возражал Черпаченко против слишком близкого расположения штаба к передовой.

Но Лукомцев, бывший в отличном настроении, ответил на это полушутливо:

- И человеческий мозг, майор, не случайно в голове, расположен, как бы это выразиться, в крайней точке организма, в непосредственной близости от глаз и ушей: чтобы мгновенно реагировать на восприятие. А представьте, был бы он в животе - пока туда дойдут сигналы!

Стремительный захват Вейно, телеграмма Военного совета фронта, поздравившего дивизию и морбригаду с успешным выполнением задачи, вызвали подъем во всех подразделениях.

- Заметьте, - сказал Лукомцев своему начальнику штаба, - под Сольцами противник не только задержан, по и отброшен, выбит из города. Луга держится. Мы задачу выполняем, враг не прошел. Фронт, следовательно, выровнялся. Может быть, стабилизация, а?

Осторожный в своих заключениях, суховатый, приверженец точных расчетов, майор Черпаченко на этот раз затруднялся высказать определенное мнение.

- Простите, полковник, я хочу взять вопрос несколько иначе, только с военной точки зрения. Противник наступает, углубляется на нашу территорию. От этого он не крепнет, он

слабеет...

- Вы правы, - перебил Лукомцев, - он слабеет, но не потому, что влезает далеко в нашу страну и растягивает коммуникации, а потому, что мы его изматываем. Посчитайте-ка вы, любитель расчетов, во что обходится ему Вейно? А ведь это в общем плане войны - рядовой пункт!

- Так, бесспорно так. Но военный потенциал гитлеровцев...

- Я говорю - сегодняшний потенциал. В ходе войны возможна потеря еще ряда важных жизненных центров...

- К сожалению, майор, не исключено.

- А Ленинград? - тихо сказал Черпаченко.

- Не советую даже и думать так, слышите? В домах воевать будем, дворцы станут дотами. Нева, черт возьми, - противотанковым рвом! Нет, это немыслимо - Ленинград!..

Лукомцев обернулся на шаги за спиной. Подходил Палкин.

- А, лейтенант! - крикнул полковник, обрадовавшись случаю, чтобы отвлечься от того, о чем говорил Черпаченко. - Очень кстати. Мы здесь в донесении наверх хотим отметить и ваших орлов. Отлично дрались. Садитесь.

- А я как раз со сведениями о наиболее отличившихся наших людях. - И Палкин раскрыл свою полевую сумку. - За подписью комбрига.

- Превосходно, превосходно. - Лукомцев просматривал аккуратно заполненные листы с печатями. - Начальник штаба, включите в донесение целиком! Теперь задача - укрепляться и укрепляться. Станцию немцы захотят во что бы то ни стало у нас отбить. Мы перерезали им дорогу, шутка ли единственная рокада. Без нее у них никакого маневра по фронту.

- Работы идут непрерывно, - сказал Черпаченко. - Кроме боевого охранения, все копают.

- И у нас тоже копают, - вставил лейтенант.

- А главное, майор, разведка, - продолжал Лукомцев. - Разведку надо улучшать самым решительным образом. По существу, ее и нет. Разве это разведка - ползание в нейтральной зоне? Мы должны знать, что думает немец. Займитесь, майор. А вы, лейтенант, как ваши дела? Как вам нравятся ополченцы, наш мирный народ? Или для моряка пехота - явление малоинтересное?

Палкин только что думал о круглолицей парикмахерше политотдела, вел с ней мысленно разговор о том, что в жизни человека огромную роль может сыграть удачная встреча. Поэтому он смущенно улыбнулся и поспешил ответить:

- Что вы, товарищ полковник, у вас в дивизии замечательные люди!

Неожиданно но листве берез застучали крупные капли дождя. Юго-западный ветер пригнал долгожданную тучку, Лукомцев снял фуражку.

- Говорят, лейтенант, дождевая вода полезна для волос? - Он погладил ладонью свою лысую, будто полированную голову. - Как вы считаете?

- Товарищ полковник, я моряк, - скромно ответил Палкин, - специалист только по воде морской. Да вы дипломат!

Лукомцев рассмеялся.

Во втором полку людей в разведывательный взвод отбирал Баркан. Как-то рано утром к нему явился Бровкин.

- Присаживайся, отец, - пригласил комиссар, указывая на ящик из-под снарядов. - Что скажешь?

- А то скажу: не рота у нас стала, а... при Кручинине, вечная память ему, какой народ у нас был. А теперь?

- Это ты напрасно, старик, напрасно. Пополнение-то откуда пришло? С наших же, с ленинградских заводов.

- Пополнение! Его тоже не без ума распределять надо. Был у нас кулачок крепкий, те семнадцать, что из окружения вырвались, - всей роте краса. Так вы же и растрепали всех - кого куда. Ученый Фунтик, землевед, где? Связным в штабе полка. Экономист заводской, Селезнев? Опять же в штабе, у вас, переводчиком. Так и все.

- Обожди...

- Да чего ж тут! Один Бровкин остался. При новобранцах дядькой.

- Тебе и полагается учить молодых, ты солдат старый, коммунист, участник гражданской войны. Передовой человек.

- Вот я и пришел вперед проситься.

- В разведку, что ли? То-то, я гляжу, на роту начинаешь жаловаться, к чему бы, думаю. Вот в чем дело, оказывается.

Бровкин зашевелил усами.

- А годы? - продолжал Баркан.

- Что годы! Ты меня все отцом называешь. А через что? Через бороду. А мне всего-то сорок восемь. У меня сыну еще только семнадцать.

- Так это же младший!

- Ну и что такого - младший! Старший тоже молодой, вроде тебя, ему через год тридцать.

- А как старуха на это дело посмотрит?

- Что ей смотреть? Она, поди, смотрит да и говорит: тьфу, старый хрен, в тылах околачивается! Словом, комиссар, не ломай дружбу, пиши: Бровкина в разведку, иначе не уйду.

- Батькин приказ, ничего не поделаешь! - Баркан засмеялся и

пометил в списке: "Бровкин".

Бровкин вышел из землянки, но через минуту вернулся, хитро улыбаясь:

- Теперь скажу тебе по секрету: не сорок восемь, а пятьдесят три мне, Андрей Игнатьевич! - ухмыльнулся и хлопнул дверью, обвалив с кровли пласт земли.

Прошло три дня. Бровкин начал уже беспокоиться, сожалея, что назвал комиссару свои настоящие годы, но тут его вызвал командир роты и сказал:

- С вещами в штаб полка. Будь здоров, жаль расставаться с тобой, Бровкин, но приказ!

Баркан встретил улыбкой:

- Ну, батька, пляши!

- Письмо?

- Чище. Позови-ка, - приказал комиссар связному, - позови-ка Димку.

- Сын? - Бровкин взволновался.

Вбежал светловолосый худенький паренек, веснушчатый, веселый.

- Ах, паршивец! - обнимал его старый токарь. - Куда же тебя черти-то принесли, сидел бы с маткой на крыше - город берег.

- Матка и прислала. Сходи, говорит, к отцу, молочка вот снеси да пирог с картошкой.

- Ну давай, угостим комиссара.

- Да нету, батя, ничего. - Димка засмеялся. - Я ведь целую неделю сюда добирался.

- Съел? Вот же как получается, товарищ комиссар, - сказал Бровкин, - с отцом бери уж и сына. Обожди, еще старуха притопает, она, ты сам знаешь, тоже вострая.

- Сын твой будет связным в роте, - объявил Баркан. - В огонь побереги пускать, осмотреться дай.

Первую боевую задачу полковой разведке поставил сам Лукомцев. Он долго сидел с разведчиками, рассуждал о ними о жизни - по-дружески, просто. Он рассказал им о том, что надо проникнуть в расположение врага, выведать огневые позиции его тяжелой артиллерии, понаблюдать за подходом свежих войск, которые, без сомнения, перебрасывались немецким командованием для нового удара на Вейно.

Разведчики двинулись на рассвете, двадцать человек, вооруженных автоматами и гранатами. Через нейтральную зону они ползли на животах, благополучно обошли немецкое боевое охранение, миновали замаскированные кочками холмики дзотов и, когда совсем рассвело, оказались за линией фронта, в вековом сосновом лесу.

- Неделю проплутаешь, ничего не разведаешь, - пробурчал Козырев.

- Давайте сюда, - позвал Бровкин, - здесь дорога.

Сверились по карте, лесная дорога вела в деревню Лиски, вокруг которой, по предположениям, концентрировалась немецкая артиллерия. Решили держаться дороги, а там - как дело покажет. Дорога вывела разведчиков на поляну, покрытую горелыми пнями и кустами можжевельника, которого в этих местах было великое множество. За поляной дорога снова исчезала в лесу. Разведчики прислушались. Все спокойно, только далекие выстрелы - редко, неторопливо - да свист каких-то осенних пичуг. И эти выстрелы, нарушающие торжественный покой леса, и эти пичужки, и напряженность обстановки напомнили Бровкину недавние дни. Не так ли шла девятая рота, вырываясь из кольца вместе с комиссаром полка Барканом? И тогда и сейчас линия фронта была позади, и тогда и сейчас неизвестно было, что станет с ними через минуту, и тогда и сейчас кругом бродили таинственные шорохи, возвещая опасность.

- Пошли, но только не кучей. Рассредоточиться, - приказал командир, выводя бойцов из-за деревьев на поляну.

Когда достигли середины открытого пространства, впереди, испугав неожиданностью, застучал пулемет, пули шипящим потоком хлынули в можжевельник.

- Ложиеь! Назад! - закричал командир, сам бросаясь плашмя.

Стали отползать к лесу. Но вокруг уже поднялся переполох, кричали и бегали немцы. Каждый понимал, что разведка провалилась, задачи им не выполнить, немцы сейчас наводнят лес патрулями, устроят облаву, может быть даже с собаками: говорят, они собак вовсю используют в армии.

Заметая следы, попали в болото. Оно было топкое, тинистое, при каждом шаге со дна поднимались пузыри и, лопаясь, источали зловоние. В воде росла темная и грубая, как жесть, трава. Бойцы в кровь изрезали об нее руки.

Брели болотом до поздней почи и вышли возле железнодорожного полотна неподалеку от Вейпо. Вернулись в полк измученные, обескураженные неудачей. Никто ничего не сказал им в укор: ни командир, ни комиссар. Напротив, Баркан поздравил с благополучным возвращением. Но разведчики понимали, что все это для их утешения.

Бровкин и Селезнев, просушивая у печки в землянке свою одежду, рассорились.

- Какой у вас опыт? - протирая нервно дрожащими руками пенсне, говорил Селезнев. - Опыт времен каменного века!

- Вот именно, - ввернул Козырев. - Никакого опыта, одна борода.

- Две войны в разведке! - кричал Бровкин, стуча кулаком об ладонь, но не находил должных, увесистых слов для оправдания неудачи.

- Разве так организуют разведку? - продолжал Селезнев. - Потащились двадцать человек. Как это еще обоза с собой не взяли! Надо было на такое дело двоим идти, троим!

- Батя же все может, - подогревал спорщиков Козырев. - Он третью войну...

Но Бровкин Козырева уже не замечал, он яростно нападал на Селезнева:

- Рассуждает! Да ты в армии-то когда-нибудь служил? Твое дело книги-бумаги, таблица умножения, ноль-ноль восемь...

- Ну знаете, товарищ Бровкин, только потому, что вам почти сто лет, я воздержусь... - Селезнева трясло от возмущения. - Что значит "ноль-ноль восемь"! Это вы от неграмотности так говорите. - Он надел свою недосушенную одежду и вышел из землянки.

Вновь наступившее на участке дивизии затишье позволило Лукомцеву организовать учебу штабных командиров. В течение нескольких дней он и майор Черпаченко у развешанных карт разбирали проведенные бои. Вместо ящика с песком в лесу был выбран песчаный участок, на котором попеременно возникали рельеф местности и обстановка, характерные то для района Ивановского, то для участка Юшков, то для самого Вейно. Расставлялись макеты огневых средств, отмечались позиции противника, свои рубежи. Штабные работники действовали здесь и за командиров пойти за, командиров батальонов и полков.

На занятиях бывал частенько и делегат связи от морской бригады лейтенант Палкин. Он увидел, что тактика пехоты совсем не так проста, как ему казалось сначала. Иной раз, выслушав объяснения Лукомцева или Черпаченко, он думал: "Все ясно", но когда кто-либо из командиров начинал составлять план боя и отдавал боевой приказ, а руководитель занятия тем временем вводными задачами усложнял обстановку, Палкин чувствовал, что на месте этого командира он бы растерялся, и с уважением посматривал на окружавших его работников штаба дивизии.

Как-то вечером Лукомцев, пришедший к "ящику", чтобы подготовиться к очередному занятию, с полчаса наблюдал за Палкиным - как тот ползал по песку, сосредоточенно переставляя веточки, обозначавшие орудия и пулеметы, углублял финским ножом траншеи, чертил и перемещал на песке рубежи.

- Моряк, - наконец окликнул Лукомцев, - а, кажется, в пехоту

записался?

Смущенный Палкин вскочил:

- Простите, товарищ полковник. Я тут, может быть, напортил?

- Напротив, лейтенант, мне ваш интерес к военной науке весьма нравится. Как раз вы мне и поможете.

- Слушаю, товарищ полковник.

По указанию Лукомцева Палкин разровнял песок, возвел железнодорожную насыпь, натыкал веток, обозначавших лес, прорыл овраги, двумя спичечными коробками изобразил деревню.

- Мы должны с вами атаковать вот эту деревушку, - объяснял Лукомцев, выбить из нее противника, и тогда оборона его нарушается на всем участке. Видите? Мы загоняем его в тот лес, а в лесу немец воевать не умеет.

- Товарищ полковник, может быть, я суюсь не в свое дело, но почему вы все время отрабатываете наступательные темы? Мне кажется, обстановка такова, что надо бы укреплять оборону.

- Замечание правильное, дорогой лейтенант, мы оборону и укрепляем. Но обороняемся мы для того, чтобы все-таки наступать. Как же можно жить и воевать без перспективы активных действий?

- Это верно.

Палкин сел на Пенек, закурил и незаметно для себя начал напевать сквозь зубы. Лукомцев, поглядывая на учебный участок, делал записи в тетради.

- Что вы там мурлычете, лейтенант? - спросил он неожиданно. - Между прочим, я заметил - вы всегда что-то напеваете.

- Неудачные попытки, товарищ полковник, у меня голоса нет.

- Ну, а все-таки, каков ваш репертуар?

- Мелочишки, товарищ полковник. Все безголосые обычно джазовыми песенками пользуются. Сравнительно легко, и девицам нравится.

После некоторого молчания Лукомцев снова сказал:

- Лейтенант, а не хотите ли вы в пехоту перейти, ко мне, например, адъютантом? Я бы поговорил с вашим начальством.

Палкин словно и не удивился такому предложению.

- Нет, - сказал он просто. - Очень вам благодарен за доверие, товарищ полковник. На суше я временно, и, как только представится возможность, сразу же вернусь на эсминец. У моряка уж душа такая, он даже если и умирать, то на море предпочитает. Знаете: "К ногам привязали ему колосник..."

Но как бы ни любил Палкин море, его интерес к жизни дивизии не ослабевал. Он подружился со многими командирами, ездил в полки, в батальоны, даже вступал там в споры по

вопросам тактики. Через несколько дней после разговора с Лукомцевым он по дороге из штаба своей бригады заехал в один из батальонов третьего полка. Комбат, хорошо знавший Палкина, был расстроен только что случившимся ЧП - чрезвычайным происшествием, суть которого заключалась в следующем. На правом фланге, где йз-эа топких болот не было непосредственного соприкосновения с противником, стояла деревня Сяглы. Наши позиции располагались от нее километрах в двух, примерно столько же было и до немецких. Разведчики из рот и батальонов третьего полка, занимавшего там оборону, пробирались в Сяглы ежедневно. Наблюдения их кое-что давали, разведка всегда благополучно возвращалась. Но вот неожиданно разведчики из Сягл не вернулись. Бойцы, отправившиеся на поиски, нашли их убитыми. На следующий день история повторилась, погибли еще два разведчика. Обстоятельства дела установить не удалось, хотя командир дивизии, узнав об этом, выслал туда специальную комиссию. Комиссия побывала с Сяглах, но тоже никаких следов не обнаружила. Кто стрелял? Немцы далеко. Может быть, предатель?

Палкина потянуло в Сяглы. "В течение двух-трех часов, какие там пробуду, - думал он, - вряд ли я кому понадоблюсь". Договорившись с командиром батальона, который особого значения его затее не придал, Палкин, вооруженный, кроме пистолета, еще и автоматом и гранатами, отправился в злополучную деревню. Там он заглянул почти во все дома и тоже ничего не нашел. Дома стояли пустые, с разбитыми окнами, сорванными дверями, перевороченными остатками пожитков спешно ушедших жителей.

Тогда, выйдя на окраину деревни с немецкой стороны, Палки и засел в бане на огороде. В бане аппетитно пахло дымком, полок и лавки, выскобленные ножами, сверкали березовой белизной, за каменкой потрескивал сверчок. Все было по-домашнему уютно, располагало к отдыху. Палкин снял автомат и лег на лавку возле окна, откуда открывался вид на поля перед деревней, вплоть до немецких позиций. Тишина успокаивала его, сверчок навевал дремоту. Как сквозь сон проплывали двадцать шесть лет жизни - школьные годы, завод, краснофлотская служба, и, наконец, когда он стал вот лейтенантом, командиром, когда можно было задуматься над устройством собственной жизни, - вдруг война. А теперь, может быть, жизни-то больше и не увидишь: ударит снаряд в ту избушку и конец, мир праху твоему, Костя Палкин, Константин Васильевич, как крикнул он тогда белокурой девушке Гале. Палкин не любил бойких девиц, знающих все, шумных и беспокойных. Галя, по его представлениям, была полной

противоположностью им, скромная и простая. Его волновали ее усталые глаза, а слова: "Выспаться бы мне..." - до сих пор звучали в ушах. Палкин размечтался, и вот он уже явственно видит, как девушка засыпает на его руке, медленно закрывая серые свои глаза с зеленцой. Тихо, чтобы не разбудить, он касается губами чистой и гладкой ее щеки.

При этой мысли Палкин вскочил с лавки. Казалось, прошла минута глянул на часы: да он уже почти час здесь! - надо возвращаться рекогносцировка успеха не принесла. Выглянул в окно и отшатнулся: метрах в ста, на соседнем огороде, за такой же прокопченной банькой, прислонясь к стене, стоял немецкий солдат с автоматом в руках.

На четвереньках выбрался Палкин из бани и через грядки побуревшего гороха пополз в обход соседнего огорода. Он добрался до баньки со стороны, противоположной той, где прятался фашист. Обойдя ветхое строеньице, выглянул из-за угла и увидел, что немец тоже выглядывает, но в другую сторону, - только бритый затылок розовеет из-под пилотки. Палкин прыгнул, гитлеровец успел лишь обернуться и в страхе закрыть глаза, как приклад автомата рассек ему лоб. Солдат рухнул в сухую крапиву. Палкин ударил еще раз и, вытерев приклад о потрепанный мундирчик солдата, хотел было приступить к обыску, но где то совсем близко послышались голоса и шаги. Он выглянул из-за угла так же, как до него делал это убитый солдат, и шагах в пятидесяти увидел немцев - их было десятка полтора. Шли они прямо на баню.

"А ну, промажь, а ну, только промажь!" - храбрясь, бормотал в азарте Палкин, готовя "лимонки". Не показываясь из-за угла, он одну за другой швырнул две гранаты навстречу гитлеровцам. Но пока гранаты, пошипев на земле, разорвались, немцы успели разбежаться и лечь. Палкин понял, что упустил момент, что силы теперь слишком неравны и надо уходить как можно быстрее. Немцы же, подозревая, видимо, солидную засаду, сами пустились наутек через огороды в поле. Раздирая мундирчики, они перепрыгивали через обвитые колючей проволокой изгороди, путались ногами в сухих стеблях гороха и жестких огуречных плетях, спотыкались.

Тут Палкин, не теряя времени, изобразил засаду автоматчиков. Присев на колено и уперев оба автомата - свой и немецкий - в живот, он выпустил по убегавшим все патроны, переменил магазины и снова стрелял, пока немцы не вышли за пределы досягаемости автоматного огня.

Вдалеке теперь маячили, удирая, только девять немцев. Значит пятеро или шестеро остались тут. Палкин прошел по

огороду отыскал троих. Один из них оказался ефрейтором, на поясе его в черной грубой кобуре лежал парабеллум.

- Это не подарок. - Палкин вздохнул, взвешивая на ладони тяжелый пистолет.

Он еще был в деревне, когда в воздухе провыла мина и рванула возле церкви. Затем мины посыпались одна за другой.

"Добежали, значит", - подумал он и прибавил шагу.

Возвратясь в батальон, Палкин сдал удивленному комбату кучу оружия и ворох немецких документов, а когда рассказал всю историю, то поспешил в штаб дивизии.

Только из очередного донесения командира полка Лукомцев узнал о прогулке морского лейтенанта с изыскательскими целями в загадочную деревню и о сражении, которое он там затеял.

- Ах, Палкин, Палкин, - говорил Лукомцев, восторгаясь лейтенантом. Что за черт этот Палкин!

На другой день Палкин, ездивший верхом по вызову Лося в штаб морской бригады, возвратился на немецком мотоцикле. Его рыжий иноходец, прядая ушами и всхрапывая, испуганно рысил позади, привязанный длинным поводом к багажнику. В коляске лежал раненый немец.

- Прекрасная машина, - заявил Палкин обступившим его командирам. - И сравнительно недорого - четырнадцать копеек. Семь копеек, кажется, патрон стоит?

Пленного отвели в штаб. Пригласили и лейтенанта.

- Этот ганс, товарищ полковник, задумал проскочить на Ивановское! объяснял Палкин. - Это же наглость! Совсем завоевателями себя чувствуют! Решил срезать петлю дороги и махнул через наше расположение! Летит на полном газу и не видит, что я еду. Приветствовать бы должен, раз уж так, лейтенанта по международному обычаю.

В сумке мотоциклиста, вскрытой Селезневым, находились документы, касавшиеся перегруппировки немецких войск. Оказалась там, между прочим, копия приказа самого командующего северной армейской группой немцев, который требовал, чтобы с Вейно любой ценой было покончено в три дня.

- Так я и предвидел - зловещее это затишье, - сказал Черпаченко. Товарищ полковник, прикажете созвать командиров полков?

4

Утром второго дня, после того как был схвачен связной с документами, гитлеровцы начали наступление по всему фронту участка. В течение этого же дня немецким танкам удалось вновь перерезать железную дорогу левее Вейно.

Лукомцев приказал загнуть левый фланг дивизии внутрь,

чтобы предотвратить угрозу обхода.

В этой напряженной обстановке погиб от разрыва снаряда комиссар дивизии, и на его место получил назначение Баркан. Прибыв в штаб, Баркан сразу же хотел пройти к командиру дивизии, чтобы с первой минуты определить отношения. Его терзали сомнения. Справится ли он, гражданский человек, едва успевший освоиться со своей ролью комиссара полка. А тут уже дивизия! Он понимал, конечно, что не обладает ни военными знаниями, ни опытом, которые можно было бы поставить вровень с опытом и знаниями старого, знающего полковника. Успех его деятельности зависел, во всяком случае на первых порах, от того, как примет такое назначение полковник.

На нетерпеливые вопросы Баркана ему наконец ответили, что Лукомцев только что заснул после бессонной ночи.

Баркан не захотел тревожить полковника и, медленно шагая между берез, пошел в землянку своего предшественника. В землянке он присел на табурет возле дощатого столика и огляделся. Все там напоминало о прежнем хозяине. Человека уже не было, но вещи его по-прежнему жили. Постель с плюшевым одеялом, примятая подушка, мыльница, зубная щетка над голубеньким умывальником, просыпанный зубной порошок. Книги с закладками на столике. Коверкотовая гимнастерка, аккуратно развешенная на плечиках. На столе фотография полной скучающей женщины. Он вспомнил Соню. Как-то она теперь? Одна, беременная. Кроме письма, привезенного женой Кручинина вместе с шоколадом, он получил от Сони еще только два. Редко пишет. А может быть, не доходят? Охваченный думами, Баркан задремал: двое суток он непрерывно был в боях.

Очнулся от сильного шума наверху. В первый момент никак не мог понять, в чем дело, но, услышав дробь пулемета, выбежал из землянки. Роща наполнилась суматохой, среди деревьев метались бойцы, командиры.

Баркан остановил сержанта, пробегавшего мимо с гранатой в руке:

- В чем дело, сержант?

- Немцы, товарищ батальонный комиссар! Прорвались!

Озираясь по сторонам, Баркан выхватил из кобуры пистолет,

В эту минуту он услышал:

- Занять места! Вызвать всех из второго эшелона!

Это был голос Лукомцева, голос повышенного тона, но достаточно твердый для такой обстановки, отрезвляющий. Заметив Баркана, полковник ему улыбнулся:

- Вот при каких обстоятельствах вам приходится вступать в новую должность, комиссар. На наш командный пункт прорвалась

диверсионная немецкая группа.

Баркан видел, как около полусотни бойцов и командиров заняли стрелковые ячейки, заблаговременно возведенные вокруг КП дивизии. Появились два-три пулемета; номерами к ним встали штабные командиры. Пулеметы заработали. В ответ еще гуще засвистели немецкие пули.

- Нагнитесь! - крикнул Лукомцев, схватив Баркана за плечо, и сам спрыгнул в окопчик.

За ближними деревьями тотчас появились немецкие солдаты. Подбадривая друг друга, они, по обыкновению, кричали: "Рус, сдавайс!".

На командном пункте установилась тишина, как будто бы никого здесь и не было. Лукомцев приподнялся, выглянул из окопчика. Баркан тоже поднялся рядом с командиром дивизии. В соседнем окопчике, прикрываясь большой еловой веткой, стоял Черпаченко. Рука его была отведена назад.

Не ожидая вопроса, Лукомцев объяснил:

- Оборону командного пункта возглавляет начштаба. Все остальные в этой операции - бойцы.

Когда фашисты несколькими группами выскочили из-за берез, рука Черепаченко сделала резкий взмах, и находившийся с ним в окопчике командир разведки крикнул: "Огонь!" Под новым ливнем пуль немцы остановились, попятились за деревья. Их бесприцельная стрельба не приносила ущерба. Но вскоре из лесу начали бить два миномета.

- Вот это хуже. - Лукомцев нахмурился. - Окопчик - плохое укрытие от мин.

Но Черпаченко, выскочив на бруствер, уже скомандовал: "В атаку!" К удивлению Баркана, со всеми бросился вперед и командир дивизии. Баркан обогнал полковника, стараясь заслонить его собой. Среди старых узловатых берез началась рукопашная схватка. Защитники командного пункта настигали гитлеровцев одного за другим. Шофер Ермаков придавил к стволу березы рослого рыжего солдата в зеленой маскировочной одежде и остервенело бил промасленным кулаком по его лицу.

Лукомцев остановился. В это время из-под куста выскочил немецкий офицер с поднятым парабеллумом. Баркан не целясь выпустил в немца почти всю обойму своего пистолета. Лукомцев только удивленно повел бровями.

Тем временем подошло подкрепление из второго эшелона дивизии и охватило рощу полукольцом. Окруженные немцы сдавались, поднимая руки.

- Умело действовали, майор! - заметил Лукомцев подошедшему Черпаченко. - Адольф Гитлер потерял не менее

роты. А вам, комиссар, советую, когда идете в атаку, берите винтовку со штыком. Но вообще в атаку вам ходить не полагается.

- А вам?

- Мне? - Лукомцев снял фуражку и потер ладонью голову. - Мне тоже.

В это время подбежал адъютант:

- Товарищ полковник, у аппарата генерал Астанин.

Лукомцев поспешил в землянку, взял трубку у связиста. Астанин говорил:

- Слушай, сейчас к вам отправлен приказ фронта, но я тебя прошу не дожидаться пакета, повторяю устно: сделай все возможное, чтобы не дать противнику оседлать шоссе. Считаю, что для этого необходимо занять рубеж Чернево - Корчаны.

- Значит, отойти?

- Да, отойти, но не выпустить немцев на шоссе!

В первую минуту Лукомцев хотел было запротестовать. Оставить Вейно, где положено столько сил, где фронт уже начал стабилизоваться... Но шоссе, но немцы, выходящие в обход дивизии на Ленинград...

- Что ж, - сказал он, - приказ есть приказ!

Он обернулся к безмолвно ожидавшему Черпаченко; насупленный, злой, с минуту разглаживал ладонью бритую голову, наконец сказал:

- Задача: не дать выйти на шоссе. Оставить артиллерийский заслон против танков. Отходить скрытно. К утру занять рубеж Чернево - Корчаны. Подготовьте приказ, майор.

Глава четвертая

1

Лесными дорогами, лесными тропами, с руганью, с проклятиями шло сумрачное войско. Пробираясь по рытвинам в "студебеккере", Лукомцев был удручен душевным состоянием бойцов. Русский человек даже в самый трудный, в самый тяжкий час не теряет оптимизма. Что же тут случилось? Ну отходим, отступаем... Не конец же это всему. Закрепимся, поднаберемся силенок - и вновь ударим, да еще как ударим. Нет, не годится падать духом, не годится. Он вылез из машины, чтобы побеседовать с людьми. Пройдя несколько шагов на затекших, непослушных ногах, комдив услышал впереди звон гитары и очень обрадовался. Человек пел, по, что пел, разобрать было невозможно, слова тонули в дружном хохоте, гулко отдававшемся в лесу. Лукомцев ускорил шаг и за поворотом дороги увидел большую группу бодро шагавших бойцов. В центре, на рыжей лошадке, ехал морской лейтенант Палкин. Он подыгрывал на

гитаре и чистым, сильным голосом на мотив, схожий с детской елочной песенкой "Трусишка зайка серенький", повествовал слушателям о необычайных и до крайности легкомысленных похождениях новгородского купца Садко на дне моря.

Завидев командира дивизии, бойцы расступились. Лукомцев подошел к стремени всадника:

- Лейтенант! А вы говорили - голоса нет. Да за вами, что ни день, все новые и новые таланты открываются.

Палкин спрыгнул с коня и вытянулся перед Лукомцевым:

- Товарищ полковник...

Лукомцев взял его за локоть и сказал вполголоса:

- Но что это, слушайте, за песня такая? Это же энциклопедия похабщины!

- Морская песенка, товарищ полковник. Баллада, - не сморгнув глазом, ответил Палкин. - В подлинных архивов известного деятеля средневековой торговли.

Посмеявшись, Лукомцев уехал, а Палкин продолжал бренчать вое. Бойцы хохотали. Качаясь и скрипя, его лошадку обогнал грузовик. Палкин услышал девичий голос:

- Товарищ лейтенант! Константин Васильевич!

На грузовике, среди ящиков с бумагами, сидела Галя. Да, та самая Галя, чудесная парикмахерша. Грузовик еле тащился. Палкин пустил своего рыжего рядом с грузовиком.

- Куда вы пропали? Я все ждала - вот, думаю, придете добриться, а вас и след простыл. - Девушка радостно смеялась. - И пистолета обещанного нет.

Палкин смутился:

- Даю слово...

Но слово это было заглушено разрывом мины, ударившей совсем близко. Разрыв всех ошеломил: стреляли навстречу движению колонны, оттуда, куда они шли. Что же такое? Неужели окружение? Или десант в тылу?

Пришпорив коня, Палкин поскакал туда, где лес редел и уже открывались поля с желтыми, перезревшими овсами. Среди овсов темнела соломенными крышами небольшая деревенька. Миномет бил именно оттуда, из-за этих старых крыш.

На опушке, перед овсами, за пестролистым осенним кустом калины стоял Баркан и посматривал, то в бинокль на деревню, то на раскрытый планшет с картой. Немцы из района Вейно прорваться сюда еще не могли. Кто же это парашютисты? Или диверсионная группа, просочившаяся лесами со стороны Маслогостиц?

Увидев рядом с Барканом Юру Семечкина, Палкин отвел его подальше от комиссара и стал что-то доказывать. Семечкин

понимающе кивал головой в каске, поминутно поправлял сумки с гранатами, подтягивал многочисленные ремни и брался за кобуру с пистолетом. Потом оба исчезли в лесу.

Когда подъехал Лукомцев, в деревню уже был отправлен отряд пехотинцев, а в объезд, проселочной дорогой, двинулись два броневичка. Лукомцев и Баркан с лесной опушки наблюдали в бинокли за действиями бойцов. Их каски еще мелькали на полпути к деревне, а там, среди тихих изб, раздались вдруг взрывы гранат, посыпались автоматные очереди; вскоре зазвучало далекое, нешумное, но достаточно выразительное "ура", и все вновь умолкло. Лукомцев вопросительно посмотрел на Баркана.

- Вы уверены, что там немцы, комиссар?

- Собственными глазами видел в бинокль, товарищ полковник.

В деревню отправились два штабных командира, и вскоре над избами взвилась зеленая ракета - условный сигнал: все в порядке, путь свободен.

Лукомцев сел в машину и пригласил с собой Баркана.

Доехать до деревни было делом минутным: "студебеккер" с ревом влетел в улицу. Там на бревнах сидели Палкин, оба штабных командира и еще какие-то два оборванца, и все курили.

Товарищ полковник, это же мой политрук! - крикнул Ермаков и, выскочив из машины, бросился на шею одному из оборванцев.

Другой незнакомец, приветствуя начальство, вытянул руки по швам.

- Кручинин! - воскликнул Баркан, раскрыв объятия. - Жив!

- Товарищ полковник, товарищ полковник! - теребил Ермаков Лукомцева. Это же и есть Загурин, комиссар нашего батальона. Это от него я к вам одиннадцать дней шел с пакетом.

- А! - Лукомцев пожал руку Загурину. - Не с того ли вы света, друзья мои? Вид совершенно загробный. Здравствуйте!

- Здравствуйте и вы, Кручинин! Ну, приводите себя в порядок, постарайтесь отдохнуть, насколько это сейчас возможно, и прошу ко мне - с рассказами. Но что же здесь произошло?

Он вопросительно оглядывался. И тут только увидел за бревнами несколько немецких трупов, а поодаль - два грузовика, крытых брезентом.

- Лейтенант Палкин... - начал было Семечкин.

- Ах, Палкин! Догадываюсь! - перебил Лукомцев. - Все ясно. Морской орел взял несколько пулеметов, гаубицу, ворвался в деревню с фланга, с фронта, с тыла, окружил и уничтожил... Так, что ли?

Все засмеялись, ища глазами "морского орла". Но "орел" уже мелькал в конце деревенской улицы, делая перебежки от избы к избе. За крайней избой он окончательно исчез из виду. Никто его действиям не удивился. Палкин есть Палкин.

- Одиннадцать гитлеровцев мы с Палкиным уложили, - принялся рассказывать Семечкин, необычайно гордый удачной операцией. - А этих ребят, - он указал на Кручинина и Загурина, - нашли в грузовике. Связанные были.

- Что же так? - Лукомцев повернулся к недавним пленникам.

- Схватили они нас, - смущенно сказал Кручинин. - Уж совсем тут недалеко, на дороге. Мы думали, свои едут, не поостереглись.

- А это еще что? - Лукомцев насторожился.

С того конца деревни, куда ушел Палкин, послышались пистолетные выстрелы.

Поспешили туда и за крайней избой увидели квадратную яму, какие роют для зимнего хранения картофеля. В яме шла борьба: Палкин ломал руки здоровенному немцу в тугом новом мундире.

- Офицер! - крикнул Баркан и бросился на помощь Палкину.

Немца связали.

- Я же чувствовал, что где-то должен быть если не офицер, то, во всяком случае, унтер, - объяснял Палкин. - Не могли же одни солдаты вырваться так далеко вперед. И вот пошел обследовать избы.

Ночью вступили в Корчаны. Полки развернулись вокруг села приступили к строительству оборонительной линии с обеих сторон дороги на Чернево.

Перед рассветом Лукомцев вышел из палатки. Стояла ясная, полная луна, тени ветвей скрещивались на земле, лежали на ней сидим четким кружевом. Было очень тихо, только отчего-то шуршала осенняя трава да шелестели падающие листья.

Лукомцев закурил, прошелся, разминаясь после напряженной работы. В кустах захлопал крыльями испуганный тетерев, под старой сосной послышалась какая-то торопливая возня.

- Кто здесь? - негромко сказал Лукомцев, настораживаясь.

Сбросив с себя одеяло, с земли приподнялась темная фигура.

- Это я, лейтенант Палкин, товарищ полковник. Что-то не спится. Бывало, возле пушек спал, а сейчас мертвый штиль - и вот ворочаюсь.

Лукомцев присел на пенек под сосной.

- Смотрю на луну и вспоминаю сына, - сказал он, помолчав. - У меня сын был, немногим моложе вас. Когда учился в школе, он увлекался астрономией и все, бывало, мастерил из увеличительных стекол телескопы. Разбудит ночью: посмотри, отец, какие на луне громадные ямы. Таких ведь у нас на земле нет. Да, лейтенант, погиб мой Костюха в первый же день войны. Он на границе служил.

- Тезка, - сказал Палкин.

- И вы - Константин? Вот как. А то я все: Палкин да Палкин.

Еще помолчал полковник, потом спросил:

- Скажите, почему вы всегда лезете в пекло, порой даже безрассудно, я бы сказал? Вы грамотный командир, думающий. И вам понятно, что удаль для командира не основное качество. А если строго говорить, то ваше дело осуществлять связь бригады с дивизией. Смерти вы ищете, что ли?

- Пистолет ищу, товарищ полковник. Сущая, конечно, глупость, понимаю. Но вот так, врать не буду.

- Что-что? Что вы ищете?

- Пистолет, говорю, ищу, товарищ полковник. Маленький такой, красивенький пистолетик.

- Н-да... - неопределенно протянул Лукомцев. - Только я вам, понимаете ли, не очень что-то верю! Кокетничаете вы сами с собой. Ах, юноша, юноша. Ну скажите, зачем вам пистолет? Мало вам одного? Обеими руками, что ли, стрелять хотите?

- Девушке обещал.

Лукомцев потер ладонью голову:

- Какие странные подарки. Я цветы в свое время дарил, впрочем, был случай в восемнадцатом году: плитку конопляного жмыха преподнес. Скажу вам - фурор произвела.

Снова было слышно, как шуршит трава и шелестят листья. В палатке кашлял Черпаченко. Его тень появлялась и исчезала на слабо освещенном изнутри полотне. Он, наверно, все еще размышлял над картой, добиваясь от нее разрешения томивших его вопросов. А он, Лукомцев, с каждым днем все отчетливее ощущал почти физически, плечом, окружавших его людей. И

кардинальный вопрос - может ли дивизия ополченцев стать боеспособной в современной войне, то есть выдерживать столкновения с германской армией, был решен для него утвердительно протекшими боями. А ведь он, Лукомцев, отказывался было от дивизии, просился делать все, что угодно, только бы не командовать ополченцами. Член Военного совета фронта дивизионный комиссар сказал ему тогда: "Вы должны гордиться, полковник. Вы поведете в бой ленинградцев, людей, которых водили в бой вожди нашей революции. Надеюсь, вы это помните?". "Помню, - ответил Лукомцев, - я и сам был в их рядах. Помню и Пулково, и Красную Горку, и Псков, и Ямбург. И Юденича, и немцев".

Палкин, тоже задумавшийся, вздохнул. Лукомцев обратился к нему:

- Ну и что же, хорошая это девушка? Где она?

- Она здесь, в дивизии. Хорошая.

- В дивизии? - Лукомцев снова погладил ладонью голову. - Вот видите. Это вам не игра в бирюльки.

Слова Лукомцева Палкин понял как порицание ему и промолчал. Лукомцев тем временем поднялся с пенька и пошел к палатке. У входа он неожиданно обернулся и резко бросил:

- Подойдите сюда!

Палкин подошел.

- Возьмите! - Лукомцев протянул ему металлический предмет, сверкнувший в лунном луче. - И больше не лезьте туда, куда не надо.

Палкин не успел ответить, как Лукомцев уже скрылся в палатке. Сначала под луной, потом включив карманный фонарик, молодой моряк долго рассматривал его неожиданный подарок. Это был крошечный серебряный пистолетик с перламутровой рукояткой, которая казалась прозрачной. На левой ее стороне зеленым светом от фосфора теплились циферблат и стрелки миниатюрных часов.

Утром, когда пригретый солнцем Палкин наконец уснул, мимо него в палатку Лукомцева прошли Загурин и Кручинин.

В том, всей дивизии памятном бою под Ивановским Кручинина оглушило миной. Кручинин даже не слышал взрыва, лишь почувствовал удар в затылок. Как падал на землю - это уже было за пределами памяти.

Очнулся лежа на боку. В почти черном небе мерцали чистые, яркие звезды и тянулся седоватый дымок Млечного Пути. Кручинин долго смотрел на Большую Медведицу, она Полярную звезду? Он боялся шевельнуться: тупая назойливая боль, начинаясь в затылке, текла вдоль спины и растворялась в

пояснице. Боль шла волнами, с каждым толчком крови. Осторожно, как стеклянную, поднял Кручинина правую руку, потрогал ею затылок: какая-то теплая опухоль. Ощупал шею, плечи - цел, ран нет. Очевидно, ударило чем-то - или взрывной волной, или комком земли. Повернулся с бока на живот. Боль в затылке от этого не увеличилась, зато она возникла в правом колене. Потрогал колено - мокро, значит, кровь.

На все эти несложные движения ушло немало сил: Кручинин притих, положив голову на руки, и задремал. Проснулся от холода. Над полем крутил ветер, должно быть, приближалось утро. Звезд уже не было, ветер нагнал облака, и небо затянуло. В стороне то возникала, то затихала винтовочная стрельба. "Надо уходить, - подумал Кручинин, припоминая обстановку, - может быть, немцы рядом и утром возьмут в плен. Но как идти и куда идти? Где наши? Взяли мы Ивановское или нет? Вернее все-таки не в Ивановское ползти, а назад от него". Кручинин поднялся на руки и на левое колено. На правое, больное, не обопрешься. Надо было передвигаться именно на трех точках, лишь слегка отталкиваясь внутренней частью ступни правой ноги. Кручинин прополз несколько метров и остановился. Прекрасным ориентиром были бы звезды, но облака делались все плотнее, все гуще, на прояснение надежд не было. Кручинин начал припоминать расположение недавно виденных созвездий. Но в голове отвратительно шумело, и думать было трудно. Он перебирал в памяти все известные ему способы определения стран света. Вспомнил даже рассказ одного раненого, как тот, оказавшись в таком же положении, полз на крик петухов, рассуждая, что там, где немцы, петухов уже нет.

Двигался наугад и, когда добрался до шоссейной дороги, понял, что сбился: перед позициями полка никакого шоссе не было. Куда теперь поворачивать, уже неизвестно совсем. Назад ползти - поздно, вот-вот рассветет, на открытом поле будешь виден со всех сторон. Решил пересечь дорогу - за ней темнела роща, в которой можно, по крайней мере, скрыться на день.

За дорогой пошло колючее жнивье, путь стал еще тяжелей. Кручинин обернул одну ладонь носовым платком, другую - пучком соломы.

Было почти светло, когда он достиг наконец лесной опушки и, измученный, забрался в густую ракитовую заросль. Там он раскрыл сразу два индивидуальных пакета, какие у него были, промыл остатками чая из фляги рваную рану на колене, плотно забинтовал ногу и сразу же уснул.

Сколько часов спал, Кручинин сказать не мог. Пожалуй, не меньше суток, потому что, когда проснулся, так же, как и

накануне, занималась заря. Было холодно, хотелось есть и пить. Пополз в глубь леса по кочкам, усыпанным брусникой и гоноболью, среди которых прятались подосиновики. Утолив жажду несколькими пригоршнями ягод, он набрал небольших крепких грибков, попробовал есть их сырыми; это была никудышная еда. Надо бы забираться еще дальше в чащу, развести там костерок из самых сухих сучьев, чтобы давали как можно меньше дыму, и испечь собранные грибы на огне. Так он и сделал. Затем, еще поев ягод на закуску, ощутил некоторый прилив сил и снова принялся за определение того, где же он находится. По солнцу получалось, что уполз он почти в противоположную сторону от своих позиций влево от Ивановского, и теперь ему придется проделать путь обратно. Захотелось осмотреть с опушки окружающую местность чтобы наметить кратчайшую дорогу. Жаль только, что никак не влезть на дерево. А еще больше пожалел он, что потерял полевую сумку а картами и бинокль. От сумки остались одни обрывки ремешков, на поясе от бинокля и того не осталось - пропал вместе с футляром.

Огибая поросшую папоротником моховую яму, Кручинин дернулся от неожиданности: под перистыми листьями он увидел лицо человека. Схватился за кобуру, но пистолета в ней не было - выронил, должно быть, когда оглушило. Да пистолет был бы и ни к чему сейчас: человек в папоротнике лежал, закрыв глаза, и не шевелился, возможно, что это уже мертвец.

Кручинин подполз к нему. На петлицах гимнастерки - три кубика, на рукавах - звезды: политрук. Вынул из его кобуры пистолет и переложил к себе. Осмотрел человека, потрогал руками. Нет, не мертв. Видимо, он в горячке. От гноившейся на икре раны раздуло всю ногу. Кручинин вывернул карманы гимнастерки раненого, нашел: партбилет и командирское удостоверение. Документы свидетельствовали, что это политрук Загурин, комиссар батальона ВНОС. Одно оставалось неизвестным: как же он сюда попал, в тыл к немцам?

Кручинин прежде всего решил промыть и перевязать рану политруку. Он встряхнул его фляжку - булькает. Осторожно отвернул пробку, хлебнул глоток и поперхнулся, не в состоянии перевести дух. Так сидел минуту-другую, обливаясь слезами. Наконец охнул: "Спирт!"

Спирт редко бывает некстати. А тут он оказался кстати вдвойне. Во-первых, после второго хорошего, глотка по телу Кручинина пошла приятная теплота, и прибавилось сил. Во-вторых, спирт очищает раны.

Сделав политруку перевязку старым бинтом, смоченным в

спирте, Кручинен набрал затем полную фуражку ягод, раздавил часть из них в стаканчике от фляжки и принялся вливать сок в рот Загурипу. Загурин давился, кашлял, но глотал.

Вечером Кручинин снова поил раненого соком. И снова испек для себя грибы.

Наутро раненый заворочался, открыл глаза, сел, но опять повалился. Заметив Кручинина, он с криком "Эй, кто тут?" стал шарить в расстегнутой кобуре.

- Свой, - успокоил его обрадованный Кручинин и сел рядом.

Разговорились. У комиссара нашелся табак, принялись курить и раздумывать.

Выздоровление Загурина пошло быстро. На третий день он уже сам собирал ягоды и грибы. Он не ползал, как Кручинин, а поднялся на ноги, охал, хромал, кусал губы от боли, но все-таки ходил. На третий день он стал помогать и Кручинину становиться на ноги. По временам оба слышали недалекий шум боя, понимающе глядели друг другу в глаза, и однажды, когда Кручинин уже мог мало-мальски ходить, Загурин сказал:

- Надо пробиваться к своим. Так долго не проживешь.

По карте, которая была у Загурина, они разработали маршрут я с наступлением сумерек пошли. Под утро пересекли можжевельник, в котором контузило Кручинина, и подошли к лесу - первоначальному району расположения дивизии. В лесу было тихо.

- Где-то здесь наши, - сказал Кручинин. - Как бы только не подстрелили.

Причина тишины вскоре выяснилась: окопы были пусты, дивизия ушла. Куда? Это были дни, когда ополченцы сами наступали, вели бои против Юшек. Но Кручинин, разумеется, этого не знал. Оба решили, что дивизия отошла от Вейно, что, возможно, даже и Вейно в руках немцев. Надо было прорываться вправо, чтобы обогнуть Вейно и выйти на шоссе к Ленинграду где-нибудь возле Оборья. Это значило - идти путем, который Загурин наметил когда-то бойцам четырнадцатого поста.

Начались многодневные блуждания по лесам. Чтобы сократить путь, шли на гул артиллерийской канонады. Но этот ориентир был слишком непостоянен стрельба слышалась то слева, то справа, то позади.

К концу первой недели прибрели в крошечную - домов в десять - лесную деревушку, стоявшую в такой глуши, что ни наши войска, ни немцы ею не интересовались. На картах она была помечена как "сарай". Деревушка стояла пустая: узнав о приближения немецких войск, жители ее собрали свой скарб и ушли; одни спрятались в окрестных лесах, понастроив землянок,

другие махнули прямо в Ленинград.

Там, в этой заброшенной деревушке, Кручинин разболелся и слег. В деревне остались огороды, засаженные картошкой, огурцами, луком, сады с яблоками, пасеки с медом; на пруду плескались гуси и утки. Загурин принялся хозяйничать. Теперь он кормил Кручинина. Но, несмотря на обильные деревенские припасы, тот поправлялся плохо. Загурин ежедневно ставил новый диагноз: то воспаление легких, то паратиф, а заметив красное пятнышко на груди больного, решил, что у того и скарлатина.

- Очень просто, бывает она и у взрослых, - загорячился он, заметив улыбку Кручинина. - У меня брат заболел скарлатиной в восемнадцать лет.

Кручинин искренне смеялся:

- И почему ты в медицинский не пошел? Был бы не лесным бродягой, а врачом. Ездил бы сейчас с медсанбатом.

Однажды, тихим августовским вечером, Загурин вывел и усадил Кручинина на завалинку. Еле слышный ветерок тянул с лугов травяными запахами, ближний лес отдавал смолой и хвоей. Дышалось легко. Покой и мир спустились на деревню; наверно так бывало в лесных раскольничьих скитах.

И друзья не в первый раз заговорили о Ленинграде.

- Ты где жил? - спросил Кручинин.

- На Кировском, за площадью Льва Толстого.

- А я на Московском шоссе. Туда, знаешь, за "Электросилу".

- Семья у тебя в Ленинграде?

- В Ленинграде. Не захотели эвакуироваться.

Говорили о городе, о его красоте, о любимых местах, о женах о детях. Каждому хотелось рассказать о сокровенном, поделиться думами. Загурин сказал:

- Завидую тебе, ты командуешь ротой. А я прямо-таки рвусь на это дело, да не отпускают с политработы. Я же строевой лейтенант.

Кручинин открыл было рот, чтобы ответить, но в лесу послышался шум моторов. И едва они успели убраться с завалинки, как на опушку выскочили три мотоциклиста.

- Немцы! - шепнул Загурин, наблюдая из-за угла. Мотоциклисты остановились, дали несколько пулеметных очередей, прислушались и на малом газу стали приближаться к деревне.

- Уходим! - сказал Кручинин, дергая товарища за рукав.

- А как ты-то... сможешь?

- Уходим, давай скорей!

Загурин вбежал в дом, захватил фляжки, свою планшетку,

завернул в тряпку что было на столе съестного, и оба, укрываясь за домами, через огороды пошли к лесу. В глубине его остановились. Кручинин присел на трухлявый пенек передохнуть.

- Жгут! - сказал он, указывая на оставленную деревню, где над одним из домов уже взвился клуб черного дыма и взлетел язык длинного пламени.

Через несколько минут пылала вся деревня.

- Это у них, наверно, называется ликвидацией опасного очага, как ты думаешь? - Кручинин усмехнулся.

Ночь провели в лесу. Спали под деревом в углублении между корнями. Загурин согревал своим телом Кручинина, но и самому ему при этом было теплее.

Наутро снова началось блуждание по лесам и дорогам. И только много дней спустя товарищи пересекли фронт и вышли к своим далеко от расположения дивизии. Гимнастерки и брюки у них поистрепались в лесных чащах, не хватало пуговиц, но знаки различия советских командиров по-прежнему сохранялись на пропыленных петлицах.

Отдохнув у радушно принявших их артиллеристов, двинулись дальше. На попутных машинах их перекинули почти к самому Вейно, где должна была стоять дивизия. Оставалось одолеть с десяток километров пешком. Они шли взволнованные приближающейся встречей со своими, не зная, что дивизия в это время отходит к Корчанам, и когда на дороге появились два, как им показалось, трофейных грузовичка, Загурин поднял руку. Из машин выскочило более десятка немецких солдат, и через минуту Кручинин и Загурин уже лежали связанные на дне одного из грузовиков.

- Ясно, что хотели затащить к себе в штаб. Два языка, да еще командиры! - закончил рассказ Кручинин. - Ну, а остальное вы товарищ полковник, знаете сами.

Рассказывая Лукомцеву о своих злоключениях, Кручинин нетерпеливо ждал минуты, когда закончатся вопросы комдива. Когда он шел сюда, его встретил Юра Семечкин: "Слушай, забыл тебе вчера сказать, ведь Зина была в полку, с неделю прожила. Понимаешь, пришла в тот день, когда, как мы думали, тебя убило. Удивительное дело! Она так и ушла, уверенная, что ты погиб. Горевала очень. Ты сообщи ей, завтра же напиши о себе".

Зина была здесь!

Странное чувство испытал Кручинин. Там, в лесах, о Зине думалось как о чем-то прошлом, почти безвозвратно утраченном, отдаленном на тысячи верст. Но стоило пройти несколько десятков километров, пересечь линию фронта, оказаться среди людей, которые совсем недавно видели Зину, разговаривали с

ней, - и она настолько приблизилась, что вот еще минута - и он, кажется, сожмет ее в своих объятиях.

Разве можно ждать до завтра? Едва успев выйти из штабной палатки, Кручинин, не находя себе места от волнения, сел на пенек писать письмо.

- Уже с полкило, - заметил Загурин, у которого Кручинин требовал все новые листки бумаги. - Придется отправлять посылкой, на вес.

Около двух недель Загурин и Кручинин пробыли в медсанбате. Выписались почти одновременно. Когда Кручинин прибыл в штаб, он встретил там Загурина.

- Поздравь, - сказал Загурину радостно, - дают батальон в том же полку, где моя рота. Во втором стрелковом. Прежнего комбата переводят в штаб полка.

- Счастливец! - Загурин не скрывал зависти. - Рад за тебя. Пожелай и мне успехов. Ухожу. Надо являться в часть.

И тут только Кручинин заметил, что Загурин уже туго затянут ремнями и за плечами у него рюкзак.

- Уходишь?

Даже слов больше не находилось, так это было неожиданно. Сдружились, столько испытали вместе, сделались друг для друга необходимыми, и, когда все препятствия позади, - вдруг расставание... Они постояли с минуту, крепко обнялись, и Загурин, слегка прихрамывая, ушел по лесной тропинке.

Кручинин в тот же день выехал на штабном мотоцикле в полк принимать батальон.

- Хорошая машина, - сказал он водителю, мягко покачиваясь в коляске. Вижу - трофейная, я с ними встречался, с целой сотней.

- Трофейная, - подтвердил водитель, - морской лейтенант Палкин привел вместе с хозяином.

Кручинин хотел расспросить, кто такой Палкин, на пару с Юрой Семечкиным выручивший его из немецких лап, но на дороге появилась группа бойцов, водитель затормозил машину и медленно въехал в коридор, образовавшийся после того, как люди расступились на обе стороны дороги. В ту же минуту Кручинин услышал возглас: "Товарищ инженер!" - кто-то кинулся на него, обнял за шею, щекоча лицо жесткой бородой.

- Что такое? - растерялся Кручинин. - Кто это?

- Товарищ старший лейтенант! Командир! Откуда же ты? Жив? - кричал бородач прямо в ухо.

Наконец Кручинину удалось высвободиться, и он узнал Бровкина.

- Василий Егорович! Ты?

- Я!

- А рота наша как?

- Рота! - Бровкин махнул рукой. - Номер только и остался один: девятая. А все в ней новые. Старых десятка полтора было, так командование и тех растащило - кого куда, на всякие должности. И я теперь не там. В разведке я. А ты куда же пойдешь?

- В полк возвращаюсь. В третий батальон, командиром.

- Ах ты, сокол наш! - ахнул Бровкин. - Ну, ежели так, жди, вечерком забегу, там я фляжечку храню, знаешь, этого самого...

Кручинин улыбнулся, мотоцикл застучал, помчался дальше, вскидывая и взвихряя осенний лист, густо устилавший дорогу.

В батальоне Кручинина встретили, как встречают старых друзей. Особенно радовалась его возвращению Ася Строгая. У нее словно груз с сердца упал. Она так и не могла простить себе, что не уследила за командиром под Ивановским, и постоянно укоряла себя этим. Да и теперь, видя похудевшего, осунувшегося комбата, она все еще чувствовала за собой вину - все, мол, из-за нее: не доглядела. Она считала себя обязанной заботиться о нем неусыпно. Но Кручинин сразу же взялся за дело и целыми днями пропадал в ротах. Ася видела его редко, урывками и была этим очень огорчена.

8

Пользуясь одной из передышек между боями, Палкин отутюжил брюки, свой морской китель, начистил ботинки и, как всегда, верхом отправился к Вороньему озеру, туда, где в прибрежных дачках размещался политотдел дивизии.

- Галя? А у нас ее уже несколько дней нет, - сказали ему там. Видите, все бородами обросли? Ушла. Подала заявление и ушла в санбат, санитаркой.

Палкин поехал разыскивать санбат. Найти его было не так-то просто. От частых воздушных налетов санитарные палатки прятались в стороне от дороги, далеко в лесу.

- Опять Яковлеву? - удивилась пробегавшая мимо сестричка, когда к ней обратился Палкин. - Какой спрос! Второй вы сегодня. Но только опоздали. Первым муж приехал. Вон сидит с газетой.

Палкин растерялся: муж? Такая возможность ему даже и в голову не приходила. У Гали, у милой девушки Гали... и вдруг - муж! Это слово в применении к ней показалось Палкину до крайности несуразным. Оно больно ущемило сердце. Хорошие, спокойные чувства, возникшие в эти короткие недели, бурно запротестовали в нем... "Вот тебе, Константин, - с горечью сказал он самому себе, - вот оно как получается!"

Палкин повернулся и, сделав вид, что такого рода подробности его не интересуют, пошел обратно к дороге.

- Может быть, ей передать что-нибудь? - спросила вслед сестра.

- Почему - передать? - вдруг обозлился он. - Я и сам могу!

Преисполненный внезапной решимостью, Палкин уселся на моховую кочку. Вскоре ему захотелось увидеть поближе, каков этот Галин избранник. Он подошел.

- Жену поджидаете?

- Да, жену.

Человек с газетой поднялся ему навстречу. Это был молодой танкист, лейтенант. Он чем-то даже напоминал Галю, такой же круглолицый, сероглазый.

- Жду больше часа...

- Говорят, уехала за ранеными.

- Да, у нас бывает... - произнес Палкин неопределенно и сурово.

- Мы с первых дней войны не виделись, - продолжал танкист. - Только вчера узнал ее адрес. Командир свою "эмку" дал съездить, повидаться. Мы здесь недалеко стоим, почти соседи с вами. Вы из Лосевской бригады?

- Из Лосевской.

- Знаменитая! - сказал танкист с заметным восхищением.

Палкин разглядывал его скептически. "Нет, дружок, ты не соперник мне. Познакомились, должно быть, на танцульке. Ты еще и не знаешь ее, как я знаю". И, сам не ведая почему, вдруг вынул из кармана сверкающий пистолет и подбросил его на ладони.

- Привез подарок вашей жене. Давно просила.

- Ну и штука! - воскликнул танкист, рассматривая серебряную игрушку, чистый переливчатый перламутр ее рукоятки.

Прижав к уху, он прислушался к ходу крошечных часов.

- Генеральский! Заказной. Вот немцы!..

- Это английский, - нарочно, чтобы смутить лейтенанта, соврал Палкин.

Разговор прервался. Сигналя, прямо по лесу к палаткам шла крытая санитарная полуторка. Палкин положил пистолет в карман и отошел в сторону. Танкист нетерпеливо зашагал навстречу машине.

- Принимайте! - крикнула девушка-шофер, выскочившая из кабинки. Она подошла к кузову и отдернула брезент: - Галочка, вылазь!

Но никто не отозвался. Только раненый стонал в машине.

Палкин прыжком взлетел в кузов. Там, освещенная тонкими солнечными лучиками, проникающими сквозь отверстия, пробитые в брезенте осколками, просунув левую руку в ременную

петлю поручня, стояла - вернее, уже не стояла, а висела - Галя. От затылка по шее, по спине, по знакомой Палкину выцветшей гимнастерке текла густая, застывающая кровь.

Палкин схватил Галю на руки и осторожно вынес из кузова. Он увидел белое, вытянувшееся лицо танкиста и крикнул:

- Врача!

- Не кричите, молодой человек, - сказал седенький старичок, вышедший из палатки принимать раненых. - Положите девочку.

- Так... - Он приставил стетоскоп и долго слушал сердце. - К сожалению, я уже не могу помочь.

- Ну что же это! - растерянно сказала девушка-шофер, которая привела машину. - Еще на спуске в овраг, у мельницы, я ей стучала, в кузов: "Не растрясло?" А она: "Спланировали. Все в порядке". Значит, ее ужо на повороте, где нас обстреляли немцы.

- А я думала - проскочили...

Палкин подошел к танкисту.

- Ну вот, - сказал растерянно. - Галя...

- Ничего, - ответил танкист с неожиданным спокойствием.

Палкину показалось, что тот даже улыбнулся. Что это? Кто такой перед ним? Смерть жены - это "ничего", малозначительный эпизодик? А танкист, повторив: "Ничего, не огорчайтесь", сделал несколько шагов в сторону и рывком выхватил из кобуры пистолет.

Палкин успел ударить танкиста ногой, рука с пистолетом дрогнула, и пуля прошла мимо; лишь от огня вспыхнул и тотчас погас клок его густых, таких же, как у Гали, светлых волос.

Палкин свалил его на землю. Танкист притих, из-под опущенных век по лицу быстро катились, догоняя одна другую, мелкие слёзины. И по тому, как безвольно лежал он на лесной траве, как страшился открыть глаза, Палкин почувствовал, насколько велико его горе.

Отпускать его одного было, видимо, нельзя. Палкин подвел "эмку", в которой приехал танкист, привязал к ее заднему бамперу своего коня за повод и сказал танкисту:

- Слушай-ка, садись, отвезу в часть. Только дорогу покажи.

Танкист не сопротивлялся, он, кажется, ничего не чувствовал и не понимал.

- Куда вы меня везете? - спросил он дорогой. - Мне в часть надо.

- Ты же на тот свет собирался, а не в часть! Вот отвезу подальше, набью по зубам и отпущу.

- Брось! - ожесточенно крикнул танкист. - Мне некогда, надо в часть, слышишь?

Палкин обернулся:

- Не ори. Я же тебе сказал: показывай дорогу!

Ехали медленно, чтобы конь поспевал за машиной. Приехав в танковый батальон, Палкин пошел к комиссару и все ему рассказал.

Комиссар пощипал пальцами переносье:

- Очень он ее любил, понимаешь. В танке портрет держит: "Вдвоем, говорит, вместе с жинкой в бой ходим!" Надо поприсмотреть за ним. А тебе, моряк, спасибо.

Прощаясь, Палкин вынул из бумажника прядь волос, которую успел отстричь у мертвой Гали, разделил ее на две части и большую протянул комиссару:

- Передайте ему.

- Зря, - сказал комиссар. - Расстраиваться будет. И тебе не советую. Сожги. Ты что, родственник? Нет? - Он снова пощипал переносье и решил: Хотя кто эти дела знает: что лучше, что хуже. Передам. Прощай, моряк. Прощай и еще раз спасибо.

Когда Палкин садился на копя, его остановил осиротевший танкист:

- Может быть, никогда и не встретимся больше, скажи хоть фамилию, как зовут-то тебя?

- Константин Палкин.

- А я Федор Яковлев.

Доехав до санбата, Палкин еще раз сходил к врачам: ему все никак не верилось, что Гали больше нет, и, еще раз услышав то, чего бы никак не хотелось слышать, не стал больше пи на минуту задерживаться в этом, таком неприветливом теперь, сумрачном и опустевшем лесу, пришпорил своего рыжего и поскакал в дивизию. Там ему сказали:

- Полковник приказал немедленно явиться.

Палкин зашел в палатку и рассеянно поздоровался.

Лукомцев молча протянул фронтовую газету. На первой ее странице крупными буквами был напечатан указ: "За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество наградить орденом Красного Знамени..." - и синим карандашом в длинном списке подчеркнуто: "Лейтенанта Палкина Константина Васильевича".

- Это вы сделали? - спросил взволнованно Палкин.

~- Дивизия, молодой человек, - нарочито сурово ответил Лукомцев. Дивизия, вот кто.

- Простите, товарищ полковник, - заговорил Палкин, смущаясь, - прошу не подумать обо мне плохо: дескать, заработал орден и бежать. Не зная о награде, я шел к вам... Хочу сказать, что уезжаю в бригаду... буду просить своего командира отпустить

на море.

- Что так? - насторожился Лукомцев.

- Я торпедист, товарищ полковник. Хочу действовать по специальности. А это возвращаю, спасибо, не пригодился.

И он протянул Лукомцеву пистолетик. Лукомцев не знал еще о том, что произошло в тот день, но почувствовал, что расспрашивать не следует.

- Хорошо, - сказал он, - езжай, спасибо тебе. - Подошел и обнял лейтенанта.

Лось тоже понял Палкина и, как ни жалко было ему расставаться со своим любимцем, отпустил его на море. Палкина назначили на торпедный катер. Но земля, на которой столько было пережито, цепко держала молодого моряка. Несколько раз он читал о себе в газетах. Описывали его старые дела - еще там, в дивизии. Приятные и грустные приходили тогда воспоминания. Однажды в небольшой, немногословной заметке его внимание привлекла фамилия: Яковлев Федор. Говорилось в заметке о том, что танковый экипаж лейтенанта Яковлева за неделю боев на подступах к Ленинграду подбил несколько немецких танков и истребил более роты гитлеровцев. Палкин вспомнил: "Федор Яковлев - это же Галин муж. Мстит, значит". И когда в один из осенних дней наблюдатель крикнул: "Справа по борту - дым!" - и катер развернулся перед немецким транспортом, Палкин, следя за ходом торпеды, тоже испытал небывалую до этого злую радость.

Вступление Кручинина в новую должность совпало с началом новых больших боев. Войска Вейнинского участка были влиты к этому времени в только что созданную Н-скую армию. Старый друг Лукомцева генерал Астанин стал начальником штаба в армии. Командующим же назначили неизвестного ему генерал-майора Савенко. Савенко тотчас приехал к Лукомцеву. Ему было лет тридцать семь - тридцать восемь, но, высокий, худощавый, гибкий, он казался еще моложе.

- Приехал посоветоваться, - сказал он просто после первых же приветствий. - Вы старый, опытный командир.

На Лукомцева Савенко произвел впечатление общительного, умного и культурного начальника. Завязался разговор над картами местности. Лукомцев начал рассказывать о давно вынашиваемой идее заходов в тылы наступающему противнику, с тем чтобы окружать, а затем и отсекать, обезглавливать его передовые части.

- Я часто слышу: вырвались из окружения. А по существу что было? Заслал немец нам в тыл автоматчиков, те стрекочут и, по сути говоря, без всякого вреда стрекочут. А ты сделай так: ах,

окружаете, извольте, пожалуйста! Отправь несколько мелких групп для уничтожения этих стрекотальщиков, а сам обойди немца по-настоящему и уничтожь его головную часть.

Савенко был полностью согласен с Лукомцевым.

- Но между прочим, - заметил он, - позиции нам все-таки придется еще раз переменить. Обстановка такова, что стабилизация фронта пока еще неосуществима. Главнейшей остаётся задача срывать попытки врага выполнить широкий маневр, прижимать его к магистралям, изматывать на каждом рубеже.

- Что, у нас не хватает сил, чтобы удерживаться на этих рубежах? спросил Лукомцев, не слишком-то осведомленный за последнее время о делах фронта и тем более всей Красной Армии.

- Как ни странно, не хватает, - ответил Савенко. - Готовились, готовились - и вот те на! Ни живой силы нет в резерве, ни техники. Но мы с вами не можем валить вину на кого-то. Мы большевики и обязаны действовать по-большевистски. Надо, дорогой товарищ полковник, на всю мощь использовать патриотический порыв наших людей.

Оба понимающе посмотрели друг на друга. Да, у немца почему-то оказалось больше танков, больше самолетов, но у них не было тех духовных сил в людях, какими располагали советские командиры. Это было испытанное оружие революции - духовные силы, силы людей.

"Большевики, по-большевистски, - раздумывал Лукомцев после отъезда Савенко, - сколько тонн динамита содержит каждое такое слово! Да, да, Савенко прав. Даже если и не будет никаких распоряжений и указаний свыше, каждый из нас в должную минуту отдаст их сам себе. Вот что значит по-большевистски".

Бои продолжались с еще большей ожесточенностью. Лукомцев стал молчалив и еще более угрюм. Наблюдая за ним, Баркан огорчался: сам не очень разговорчивый, он искренне полюбил такого же неразговорчивого полковника.

В дивизию стали приезжать делегации с заводов. Однажды приехали одни женщины. Со свойственной им прямотой они задавали вопросы, на которые трудно было ответить.

- Докуда же вы отступать-то будете? - говорила на митинге третьего батальона известная всему ее заводу, двадцать семь лет проработавшая табельщицей, крупная рослая женщина. - До Международного проспекта, что ли? Коли так, то и мы возьмем винтовки, драться пойдем. Неужели немца пропускать в город? Да провались мы все на этом месте, ежели так! - Губы у нее вздрагивали, вот-вот заплачет от злости.

Баркан успокаивал работниц. Но как успокоишь, когда за спиной уже видны парки пригородов, сверкает позолота дворцов, да и сам Исаакий серым, закамуфлированным куполом проглядывает сквозь деревья парков.

Женщины говорили, что они готовы работать круглыми сутками, приготовляя все, что необходимо бойцам, и требовали от них не отходить дальше, не пускать врага в город.

- Вот! - Пожилая табельщица вытащила из кармана сложенный в несколько раз лист шероховатой газетной бумаги с мазками клейстера на углах. - На заводских заборах наклеено. Читайте!

Бойцам уже было знакомо обращение руководителей обороны города ко всем трудящимся Ленинграда, напечатанное в газетах но они еще и чаще раз перечитывали призывные строки, которые звучали как набат.

- "Над нашим родным и любимым городом нависла непосредственная угроза нападения немецко-фашистских войск, - вслух читал в своем батальоне Кручинин. - Враг пытается проникнуть и к Ленинграду. Он хочет разрушить наши жилища, захватить фабрики и заводы, разграбить достояние, залить улицы и площади кровью невинных жертв, надругаться над мирным населением, поработить свободных сынов нашей родины..."

Близко гремели орудия, в гуле канонады, казалось, слышался шаг идущих немецких армий, и для каждого уже до реальности видна была и эта кровь на улицах и площадях, и повешенные на фонарях мертвого Невского, раздавленные танками дети и женщины на Международном проспекте. Это были жены бойцов, стоявших вокруг Кручинина в подавленном молчании. Это были их дети, их матери. Они ждали там, в совсем уже близком городе, решения своей судьбы, они уже, конечно, тоже слышали голос артиллерии.

Женщины утирали глаза. Кручинин не прерывал чтения:

- "Встанем, как один, на защиту своего города, своих очагов, своих семей, своей чести и свободы!.. Будем стойки до конца! Не жалея жизни будем биться с врагом, разобьем и уничтожим его..."

- Так что же вы скажете? - спросила одна из делегаток.

- Идите домой, - обратился к ним Кручинин. - И передайте: немцы в Ленинград не войдут. Большего за краткостью времени сказать не могу. Слышите, бой идет?

Не считаясь с потерями, гитлеровцы упорно приближались к Ленинграду. Им во что бы то ни стало нужен был Ленинград. Уже где-то в их тылах ожидали срока специальные команды для разграбления Эрмитажа, вслед за армиями шли составы железнодорожного порожняка, предназначенные под музейные

редкости. Уже ехали, из Берлина гестаповцы, на плане города уже были помечены здания и территории, где разместятся застенки и концлагеря; походные типографии на слоновой бумаге печатали пригласительные билеты на триумфальный банкет в гостинице "Астория", и геббельсовская пропаганда кричала об этом по радио на весь мир. А тем временем тысячи немецких солдат падали под русскими пулями, сотни танков превращались в груды лома, сотни "юнкерсов" пылали в воздухе и сыпались на землю. Немцы напрягали все силы, рвались к неисчислимым богатствам город, который после разграбления под названием "Пьеттари" должен быть передан финнам.

Известия о планах заранее торжествующего врага не столько подавляли, сколько ожесточали бойцов. И когда одним сентябрьским днем под оглушительный грохот артиллерии второй стрелковый полк ополченческой дивизии допятился до Пулковских высот и с них открылась панорама лежавшего вдоль Невы города, все поняли: дальше хода нет.

Спешно на склонах холмов под огнем врага стали копать траншея. Тут уже стояли скрытые зеленью парка тяжелые морские пушки. В сельских садах, за гребнем горы, прятались танки и минометы. На равнине перед Ленинградом желтели извилистые линии окопов, в которых еще работали люди. Из края в край, от Невы до залива, тянулись ряды кольев с колючей проволокой и горбились лобастые холмики дзотов. Да, это был последний внешний рубеж. Если не удастся задержать врага здесь, бои будут перенесены на улицы, рубежами станут Обводный канал, Нева...

Разведчик Бровкин, разыскивая комбата, поднялся к деревне на гребень высоты. За большим камнем с биноклем в руках там лежал Кручинин.

- Тоже копают? - спросил Бровкин, указывая в сторону немцев.

- Копают.

- А вы зачем меня звали?

- Сходи к минометчикам. Передай, пусть дадут огня по той вон лощине, видишь?

Комбат назвал квадрат на карте.

Бровкин спустился на противоположную сторону холма. Его окликнули. Оглянулся - никого, сплошные кусты. Но, зная и по стрельбе слыша, что где-то в кустах должны быть огневые позиции минометной роты, он пошел на голос прямо в густой желтолистый смородинник.

- Сюда, сюда! - снова позвали его. Он вышел к самым минометам и остановился пораженный.

- Василий Егорович, что замешкался?

На зеленом ящике из-под мин сидела худенькая женщина в рыжем плюшевом салопчике, с красным узелком в руках.

Все это было до крайности знакомо - и ворчливый тон, и рыжий салопчик, но слишком неожиданно в такой обстановке, чтобы сразу поверить в подобную возможность.

А маленькая фигурка поднялась навстречу, пошла:

- Столбняк тебя хватил, что ли? А может, не узнал?

Да, конечно, это была она, Матрена Сергеевна, его неугомонная старуха.

- Ну зачем же это ты пришла, Матрена Сергеевна? - упавшим голосом сказал Бровкин, обнимая ее за плечи. - Война ведь, стреляют. Не ровен час...

- Говоришь, сам не думаешь что, Василий Егорович. - Матрена Сергеевна отстранилась, не выпуская из рук своего узелка. - Без тебя слышу... эк расходились-то!

Она с минуту вглядывалась в заросли смородины, среди которых, не переставая, сухо и . Резко хлопали минометы.

- Нас этим, Васенька, не удивишь. Немец по городу из пушек стал бить, дырья в домах - хоть на тройке проезжай.

Твердые пальцы Бровкина деловито привычными движениями свертывали цигарку. Со стороны могло показаться, что старик спокойно выслушивает рассказ о чем-то весьма заурядном. Одни усы своим нервным движением выдавали его волнение. Известие об обстрелах Ленинграда не укладывалось в голове Бровкина. Развалины Вейно, десятки сожжённых деревень на пути - и то какая ото была тяжесть сердцу. Но Ленинград... Бровкин не находил слов. Он только бросил коротко: "Врешь", и то так просительно словно надеялся, что Матрена Сергеевна еще может улыбнуться а признаться, что пошутила. Но она ответила:

- Тебе бы так неправду говорить, Василий Егорович. Четвертого в ночь на Стремянной ударило, потом на Боровой. А вчера...

Матрена Сергеевна снова опустилась на ящик из-под мин и поднесла к глазам рукав своего рыжего салопчика.

- Ну что ты, что, Моть!

Бровкин присел перед ней на корточки. Слезы его старухи, скупой на проявление чувств, были сильнее всех иных доказательств. Теперь он готов был услышать все, что угодно, если могло быть что-либо еще страшнее сказанного ею.

- А вчера, говорю, пришла домой с работы, открываю дверь, батюшки-светы, - вновь заговорила Матрена Сергеевна, - вся штукатурка на полу, да на столе, да на комоде. И кровать завалена. В пятый этаж, над нами, угодило - к Нюре Логиновой. Двери у нее напрочь с петель, пол исковыряло, одежу - в клочья.

- А зеркало, трюмо, помнишь? - так осколочка нет, чтобы поглядеться, пыль одна. Хорошо, самой-то дома не было! Я уж ее к себе ночевать позвала. Разобрали мусор кое-как и легли.

- Василий Егорович! - Из-за кустов вышел Козырев. - Кажется, направлялись вы, Василий Егорович, к минометчикам с приказом комбата.

Бровкин растерянно вскочил:

- Обожди меня, мать, дело-то военное. Сейчас обернусь. Тишенька, и ты тут, сынок! - Матрена Сергеевна поднялась, чтобы обнять Козырева. - А Димка мой где?

- Димка! Вот там за горой воюет, в окопах сидит. Связным был, сейчас пулеметчик. К медали представлен. Кстати, Василий Егорович, не спешите, окликнул Козырев удалявшегося Бровкина, - приказание товарища Кручинина я уже передал.

- Бьют куда надо, по лощинке. Он мне сказал: "Бровкин там пошел, да жена его ждет, не надеюсь на него, беги ты, Тихон!"

- Как же это? - Матрена Сергеевна навострила на Бровкина сердитые глаза. - Командир приказ тебе дает, а ты...

Морщины возле ее губ стали резче, злым треугольником выступил вперед маленький острый подбородок, выцветшие серые глаза смотрели на супруга в упор.

- Я не лясы точить пришла. Я уйду, мне в ночную заступать.

- Я только про дело хочу поговорить.

- Знаем мы это ваше дело. Тут уже приходили.

- А ты не гавкай! "Приходили!" Не рад родному человеку.

- Зверь ты стал, Василий Егорович. А что говорили-то они тут? - строго спросила она.

- А ну их...

- Вот то-то и оно, Вася. Бабье сердце - оно как погода. То ему дождь, то вёдро, а то и закаменеет сердце-то. Смотри-ка сюда вот.

Бровкин исподлобья взглянул по направлению сухого желтого пальца Матрены Сергеевны. Он это и без нее видит уже второй день: тяжелый, покрытый серой краской купол Исаакиевского собора, многоэтажные корпуса жилых массивов, острогранная призма башни мясокомбината, черные трубы заводов, и кажется Бровкину в эту минуту, что среди них он видит и стеклянную крышу цеха, в котором работали они с Тишкой не так уж и давно.

- Не туда, ближе смотри, - сказала Матрена Сергеевна, заметив, что рассеянный взгляд старика блуждает по ленинградским крышам.

От поселка Автово до станции Шушары словно желтую ленту расстелили по лугам и огородам; тысячи людей копошились вдоль нее.

- Третьи сутки только, а земли, глины сколько повыкидано.

- Вот они, бабы! А ты говоришь: "Ну их!". Противотанковый ров копают, - сказал Козырев.

- Могилу! - твердо отрубила Матрена Сергеевна. - Немцу могилу. Забыл ты, Вася, как в девятнадцатом завод по гудку подымался ночью? Туча двигалась - Юденич-то. А как обернулось?

В памяти Бровкина вставали далекие дни. Дымные костры на заводском дворе, красные отсветы на лицах людей, на стволах винтовок, на штыках, на ремнях, опоясавших промасленные рабочие куртки. Горячие, короткие, отрывистые речи. Иван Иванович Газа - путиловский комиссар, отец Тишки Козырева - Федор, неразлучный дружок Бровкина, и она, Матрена Сергеевна, Матреша, в его потертой кожаной куртке, с аккуратно увязанным узелочком, который она все старается как-нибудь понезаметней сунуть ему в руки, напекла чего-то на дорогу.

И, словно не двадцать Два года прошло с того времени, Бровкин сказал:

- Опять ты с узелком своим! Что у тебя там, давай, разломим с Тишкой, да за дело нам браться, Матреша. Тебе в ночную, и нам в ночную.

Матрена Сергеевна обняла по очереди и старика и Тишку, отошла; поклонилась им издали и, уже не оглядываясь, поспешила прямо через луговину к шоссе, по которому торопливо сновали машины.

Глава пятая

В сентябре Ленинград стал во сто крат суровее и строже, чем те дни, когда ополченцы уходили на фронт. Газетные передовицы, призывы на стенах домов, неумолчный гул канонады твердили о том, что враг близко, что город обложен немецкими войсками, а только неширокая полоска суши вдоль правого берега Невы д0 Ладожского озера и водный путь через озеро соединяли еще Ленинград с Большой землей.

По вечерам город тонул в густой осенней темени. Не загорались и когда-то яркие огни в окнах Смольного. Все здание его было затянуто огромной маскировочной сеткой, движение по главной аллее закрыто, желтый липовый лист устилал асфальтовую дорожку. Жизни, казалось, здесь уже нет. Но через боковые проезды, тоже укрытые сетками, подлетали ко входам десятки машин, быстрым шагом проходили военные. Ленинград знал отсюда тянутся бесчисленные, телефонные и телеграфные нити r фронту, на оборонные заводы и, наконец, в Москву, в Кремль. Слово "Смольный" с новой силой возрождало героику минувших дней.

В уличных разговорах, в трамваях, в проходных заводов, по радио вновь слышались памятные старым питерцам названия: Гатчина, Красное Селе, Павловск, Поповка, Пулково, где снова, как и двадцать с лишним лет назад, развернулись жестокие бои. Снова из распахнутых ворот ленинградских заводов выползали тяжелые импровизированные бронепоезда.

Войска фронта вместе с населением города возводили за окраинами оборонительный барьер. Вверх по Неве поднялись серые узкие эсминцы, может быть, те самые, четкие контуры которых в былые майские и октябрьские вечера вспыхивали отраженным в невской воде пунктиром электрических лампочек, а днем покрывались пестрыми флагами. Теперь корабли, вскинув к небу жерла орудий, выбрасывали длинные языки слепящего рыжего пламени, и гулко катились громы их выстрелов над водой.

Где-то на взморье били из главных калибров "Марат", "Октябрьская Революция", форты Кронштадта, Красная Горка; били тяжелые железнодорожные батареи, гаубицы, скрытые на городских окраинах, били орудия армий, дивизий, полков.

С завода в ополченческую дивизию делегаты уже не ездили. Времени не стало для этого: цехи спешно перешли на выпуск снарядов и мин. Теперь из дивизии за боеприпасами приезжали прямо на завод. Бойцы рассказывали о том, как немцы тоже зарываются в землю, в блиндажи, в крытые окопы, в ямы и поры. Срок взятия Ленинграда, назначенный было Гитлером на 1 августа, затем перенесенный на 15 августа, а с 15 августа на 1 сентября, перестал упоминаться немцами вообще.

По захваченным в штабах германских частей оперативным документам, из показаний пленных, опубликованных в печати, вся страна знала о том, что немецкий генеральный штаб с самого начала военных действий ставил задачу: быстро, одним ударом, захватить Ленинград. Что же помешало гитлеровцам? То, видимо, что, добравшись почти до окраин Ленинграда, они потеряли на своем пути более двухсот тысяч убитыми и ранеными, потеряли почти полторы тысячи самолетов, сотни орудий и танков.

И вот теперь, в сентябре, когда ленинградские войска заняли позиции на внешнем обводе обороны города, полукольцом протянувшемся от Финского залива до Невы через Шереметьевский парк перед Автовом, через Пулковские высоты, Московскую Славянку, Колпино, Усть-Тосно, и, прикрытые огневым щитом ленинградской артиллерии, снова заставили немцев остановиться, перед германским командованием встал вопрос о подготовке нового удара на Ленинград. Для этого нужны были новые силы. Подтянуть их можно было только за счет

Западного фронта. Но там Красная Армия сама захватывала инициативу. Там, под Ельней, войска советских генералов разбили семь или восемь кадровых немецких дивизий. Обстановка складывалась так, что новое сражение под Ленинградом не сулило немцам даже спокойной зимовки, не говоря уже о победе до наступления зимы. Обескровленные, измотанные непрерывными боями, они залегали в оборону.

Немецкие листовки, обильно сбрасываемые с самолетов, кричали теперь о том, что город будет взят способом, от которого содрогнется мир.

С болотистой невской равнины бои перенеслись на Неву, в район Невской Дубровки; на равнинах же перед городом только артиллерия обеих сторон то методическим многочасовым обстрелом, то внезапным коротким и мощным огневым налетом напоминала о том, что по разбитым пригородным деревням, по безымянным речкам и шоссейным дорогам проходит рубеж, проходит линия фронта. На полях, где все еще торчали капустные кочерыжки и чернела ботва неубранного картофеля, всюду замысловатым, но строго продуманным рисунком змеились ходы сообщения; там стучали ломы и кирки, и на брустверы окопов летели комья земли.

Холода ударили рано, с каждым днем прибавляло снегу, задували северные ветры, вечерами небо на западе горело красным в оранжевых переливах, ночи стояли стеклянные от мороза. В такие ночи на город шли бомбардировщики врага, и тогда в зените, рядом со звездами, вспыхивали разрывы осколочных снарядов.

Дивизию ополченцев с Пулковских высот перебросили на приневскую равнину, местами покрытую густым ракитовым кустарником. Теперь дивизия уже имела свой номер и, как регулярная боевая единица, вошла в состав Красной Армии.

Саперные работы на новом месте шли полным ходом, когда к Лукомцеву неожиданно прибыл Загурин. Лукомцев встретил его радушно, как старого знакомого:

- Какими путями, дорогой товарищ комиссар?

- Да вот, товарищ полковник, пока я бродил в немецких тылах, часть нашу расформировали. Побыл в резерве месяц с хвостиком, выполнял отдельные поручения, наконец не выдержал, подал рапорт с просьбой отпустить в действующие войска на командную должность. Да не удержался и приписал, что хочу в вашу дивизию. Желание мое удовлетворили, аттестовали старшим лейтенантом, том, и вот явился по назначению.

- Превосходно! Что же мы с ним будем делать, Черпаченко?

- Был комиссаром батальона, старший лейтенант... Можем дать батальон. Есть место.

- Лучше бы роту, - попросил Загурин.

- Что так? - Лукомцев улыбнулся. - Впрочем, Загурин прав. Так и следует настоящему солдату - начинать с малого. Ну, был комиссаром батальона, да ведь не стрелковый же батальон. Опыта командования стрелковым подразделением нет, приобрести надо. Правильно я говорю, Загурин? Вы не обижаетесь?

- Нисколько, товарищ полковник. Это как раз и мое желание. Об этом я и Кручинину не раз говорил. Вот и пошлем в батальон к нему самому, Кручинину. Девятой роте у них по-прежнему не везет с командирами. В самом деле, Черпаченко! - Лукомцев даже руками развел. - Первый командир, Кручинин, пропадал в свое время без вести. Второй, Марченко, убит. Третий - тяжело ранен. Четвертый - болен. Совершеннейшим образом не везет. Вот, Загурин, и возьмитесь за эту девятую. Неплохая, в общем-то, рота, боевая.

Было часов двенадцать ночи, когда Загурин нашел наконец своего нового командира. Встреча взволновала обоих - и Загурина, и Кручинина. Пили чай из неизвестно как появившихся в землянке маленьких чашечек с голубыми цветочками. Вспоминали трудные дни совместных блужданий. Проговорили до утра. Легли, как и бывало, вместе, на узком дощатом ложе Кручинина. Загурин долго не мог заснуть, захваченный множеством дум. Исполнилось его заветное желание - он стал командиром, ему поручена рота. Обычно спокойный, рассудительный, он не просто стремился командовать ротой, бить немца всеми силами ротного оружия. Нет, в его думах был пунктик, никак не вязавшийся с уравновешенной загуринской натурой. Загурина одолевала идея психической атаки. В решительную минуту поднять бойцов и молча, сверкая линией штыков, двинуться железными шеренгами на врага... Что на свете может выстоять перед человеческой волей, которая не дрогнет перед смертоносным огнем! И уже засыпая, он думал: будет час, его рота пройдет таким карающим маршем.

Утром Кручинин усадил его за карту и познакомил с обстановкой, подробно, до малейшей канавки и кустика, охарактеризовав позицию девятой роты.

Потом они вместе прошли на наблюдательный пункт батальона, оборудованный в насыпи железной дороги. Загурину все нравилось: и обстоятельный разговор над картой, и выбор места для наблюдательного пункта, и уважение, с каким бойцы и командиры относились к Кручинину.

Загурин вспомнил разговор с Кручининым на завалинке в

далекой лесной деревушке.

- Такой город, как Ленинград, взять нельзя, значит? - переспросил он с улыбкой.

Кручинин понял, о чем говорит Загурин, тоже вспомнил давнее и тоже улыбнулся:

- Как видишь, и не вышло. А теперь и подавно - такая мясорубка немцу будет... В земле прочно сидим. Земля не выдаст. Теперь посмотри-ка в трубу, вращай винт слева направо. Хотя можно и без трубы, как у тебя с глазами? Вон твоя рота на бугорках, там грунт приличный, глинка с песочком. Но зато сразу же за бугорками до самого немца торфяник. Оно бы и хорошо, если бы мы только обороняться думали, но мы же не век тут сидеть намерены, как ты думаешь?

- Полагаю, что ударим в штыки рано или поздно.

- Так вот, пробовали мы ходы прорыть вперед, ближе к противнику. Не получается: копнешь - вода. Сверху - подмерзшая корка, а вглубь - вода. Для боевого охранения кой-какие норки откопали. Скверно там ребятам.

Загурин долго всматривался в даль сквозь зеленые рожки стереотрубы. Насыпь железной дороги уходила на юго-восток, за немецкие позиции. Километрах в двух над речкой висела ажурная ферма моста. За мостом селение - сильно укрепленный узел вражеской обороны. Речка течет влево и впадает в Неву возле деревушки, тоже превращенной немцами в опорный пункт. Вдоль обоих берегов - окопы, блиндажи, дзоты врага, еще не разведанные, не нанесенные на карту. Гитлеровцы непрерывно строят: каждую ночь в морозном воздухе слышны звуки пил, стук топоров, треск дерева. Наши минометчики открывают по этим звукам огонь. Немцы отвечают пальбой сразу многих артиллерийских батарей, включают пулеметы, осыпая торфяник светящимися пулями. Наши корпусные пушки, нащупав расположение вражеских батарей, бросают туда тяжелые снаряды. Но едва грохот перестрелки затихнет, как снова звуки пилы и стук топоров у немецких позиций...

- А восьмая рота у нас за насыпью, - сказал Кручинин. - Там еще тяжелей. Совсем открытое место. Немцы, как видишь, на возвышении.

- Так я пойду в роту. - Загурину не терпелось вступить в командование. - Давай мне связного.

- Стемнеет, вместе пойдем, не спеши, - ответил Кручинин. - Надо же тебя представить как положено, по всей форме: новый командир!

Селезнев сидел в одной из штабных землянок и при свете семилинейной керосиновой лампы переводил только что

доставленное разведчиками приказ командира немецкой дивизии генерал-лейтенанта Мохальца.

- Какой-то пониженный тонус, - сказал он Юре Семечкин полудремавшему на соломенном тюфяке. - Какие-то минорные нотки. "Мы должны укреплять оборону... Мы не можем позволить русским отнять те позиции, которые завоеваны нашей кровью. Мы не должны страшиться зимы к артиллерии Советов..." Мы должны, мы не можем, мы не должны... Странный приказ!

- Ничего странного, Борис Андреевич. А что еще ему осталось писать? Ура, в атаку на Ленинград? Так, что ли? Немец, немец, а понимает, что не ужиться ему по соседству с таким городом, как наш. Вот и ноет: должны - не должны. Верно, не приказ, а биение в пустой чайник.

- Вы несколько упрощенно судите, товарищ Семечкин. Такой серьезный вопрос, как природа минорного звучания немецких приказов, подлежит более внимательному рассмотрению. Я думаю...

В это время вошел связной с приказанием Селезневу немедленно явиться к Лукомцеву.

В землянке Лукомцева кроме Черпаченко находился и Баркан.

- Садитесь, - пригласил Лукомцев, указав Селезневу на застланную серым солдатским одеялом железную койку. - Я решил назначить вас начальником разведки дивизии. Не возражайте, не возражайте. Работа бесспорно ответственная, но вам, я считаю, она по плечу. Обстановка требует от нас отличной организации разведки и саперной службы. Саперную службу возглавит один из ваших товарищей, мы и это уже решили, а за разведку возьметесь вы. О деталях побеседуете позже с начальником штаба. Желаю успеха!

- Селезнев вышел.

- Одно у меня сомнение, - сказал Черпаченко, глядя ему вслед, кабинетчик он до нижней рубашки и организаторских способностей у него, по-моему, непозволительно мало.

- Серьезный, хороший переводчик, аналитик, - не согласился Лукомцев. Это прекраснейшие данные для разведчика. А уменье, навыки - придут.

Что касается самого Селезнева, то он не выразил ни испуга, ни радости, ни удивления, когда Лукомцев сказал ему о таком назначении. На заводе он аккуратно выполнял любые задания дирекции, привык быть исполнительным и в каждое дело вкладывал всю душу, методично, последовательно добиваясь должных результатов.

Рассказав о своем неожиданном повышении по службе

Семечкину, который горячо ободрил: "Ничего, Борис Андреевич, не теряйтесь, вытянете, да ведь и помогут". Селезнев тут же извлек из чемодана "Боевой устав пехоты" и принялся перечитывать главы, относящиеся к разведке.

Просматривая список личного состава, новый начальник дивизионной разведки взвешивал человека всесторонне, решая, что в этом человеке есть ценного для службы в разведке, как он, ее, эту службу, понимает. А разведку Селезнев представлял отнюдь не в виде серии лихих наскоков на врага, основанных на личной отваге разведчиков. Это было, по его мнению, постоянное, настойчивое, повседневное проникновение в замыслы в его планы, в его действия. Для выполнения такой задачи необходимы были люди самых различных качеств. Вспомнил Селезнев и Бровкина, с которым когда-то ссорился именно из-за разности взглядов на разведку. Но ссора ссорой, а Бровкин, как старый сметливый солдат, будет безусловно полезен, и Селезнев вытребовал его из полка.

Бровкин явился в землянку разведотделения гордый тем, что его повышают: из полковой - в дивизионную! Вспомнили старика! Увидев Селезнева за столиком, он кивнул ему:

- А ты чего здесь? Или тоже в разведчики метишь, ноль-ноль восемь! Заметив в петлицах Селезнева фронтовые зеленые "шпалы", которые тот надел как интендант третьего ранга, Бровкин смутился. И окончательно он растерялся, когда Селезнев спокойно, как бы между прочим сказал:

- Я начальник разведки дивизии, Василий Егорович.

Ошеломленный неожиданностью, Бровкин думал: "Ну какая теперь будет разведка, боже мой! Что он в ней понимает?"

- Сядьте, - сказал Селезнев и продолжал: - Несмотря на ваш неуживчивый характер, товарищ Бровкин, несмотря на то, что вы задира и крикун, я все же попросил командование отдать вас в дивизионную разведку. И поручился за вас. Надеюсь, вы мою рекомендацию оправдаете?

Бровкин досадовал на то, что взял его в дивизионную разведку именно Селезнев, человек, который ее, конечно же, с треском завалит и над которым все равно сколько бы он "шпал" ни нацепил, вся дивизия будет хохотать.

Но дни шли, никто над Селезневым не хохотал, да и сам Бровкин вскоре убедился, что начальник его не так-то и простоват, как ему, Бровкину, казалось.

Штаб армии требовал сведений, проверял ход строительства инженерных сооружений, подбрасывал пополнение в части, боеприпасы; в деревушке, где стояли тылы дивизии, появились танки: тяжелые КВ вползли в сараи, под навесы, в амбары,

танкисты возились возле машин. Часто над позициями врага проносились наши воздушные разведчики, по утрам бомбардировщики скидывали там легкие бомбы, нащупывая систему зенитного огня. Шла подготовка, как в армии говорили, к жесткой обороне, по Лукомцев чувствовал, что организуется не только оборона. Он приказал усилить разведку и, в частности, во что бы то ни стало достать "языка" чего не удавалось сделать с того времени, как позиции дивизии стабилизировались. Добывали документы, трофейное оружие, но "язык" не давался, много поступало самых фантастических предложений, как поймать немца. Придумал свой проект и Бровкин:

- На приманку возьмем. Привяжем, в кусточках барана, немцы и приползут. Они же всё, поди, в окрестных селах пожрали. А приползут, мы их тут и зачалим.

Над Бровкиным только посмеялись: живого барана в те дни в кольце блокады найти было невозможно.

Селезнев сам взялся за разработку плана поимки "языка Два дня ползал он в ничейном пространстве между своими и немецкими окопами и в конце концов вызвал Бровкина:

- Вот что, Василий Егорович, завтра вы приведете "языка". Руководство операцией поручаю вам, как человеку серьезному и сообразительному.

"Ох лиса, до чего же ловок подъезжать", - думал Бровкин, ни слова Селезнева были ему весьма приятны, и слушал он внимательно, поскольку назначался ответственным за такое дело.

- Смотрите сюда, - продолжал Селезнев, показывая по карте. - Здесь, в лощине, между кустарником и этой тропинкой, сидит боевое охранение какой-то немецкой части. Какой, мы пока ни знаем. Их там человек тридцать - сорок. В восемь ноль-ноль...

- Это не "ноль-ноль восемь". - Через сверкнувшее пенсне Селезнев взглянул на Бровкина. - В восемь ноль-ноль, говорю, они завтракают. Точно. На то они и немцы. В шестнадцать ноль-ноль обедают. А в двадцать один ужинают. В обед они, надо полагать, больше всего получают пищи, поэтому и настроение у них в такой час самое благодушное. И хотя это день, а не ночь, и светло, а не темно, я считаю, что брать "языка" надо именно в этот, обеденный час. От нашего боевого охранения, откуда вы начнете путь - только ползком, скрываясь за кочками, осокой, не спеша, без горячки, - до немца ровно полтора километра, и всё торфяником. На это у вас уйдет три часа, я проверил. Значит, чтобы поспеть к шестнадцати, вам надо двинуться в тринадцать. А там - полная воля вашей инициативе, ловкости, хитрости. Понятно? Беретесь?

- Берусь. Понятно.

Операция Бровкину казалась настолько ясной, успех ее

настолько очевидным, что он загорелся нетерпением.

- А когда? Завтра? Есть, товарищ капитан!

Все пошло как по расписанию. К тринадцати ноль-ноль два десятка бойцов с Бровкиным во главе были в окопчиках боевого охранения одной из рот первого полка и двинулись вперед на торфяник.

- Зады, зады подбирай! - шептал Бровкин. - К земле прижимайся.

Маскировке помогали кочки, слегка припорошенные снегом, заиндевелые редкие кустики, пучки бурой сухой осоки.

В четыре часа дня, как это и рассчитал Селезнев, разведчики были в отмеченном на карте месте, в двадцати метрах от траншеи немецкого боевого охранения. За брустверами там брякали котелки, слышался говор, смех, кто-то напевал.

Бровкин взмахнул рукой - сигнал! Вскочил первым на ноги, бойцы бросились за ним, в несколько секунд пробежали короткое расстояние до окопа и молча обрушились на плечи ошалевших от неожиданности немцев. Те буквально остолбенели при виде падающих на них людей с автоматами. Бой в траншее длился две, может быть, три минуты, не больше. Бойцы били гитлеровцев прикладами, кололи ножами, избегая стрельбы. Немцы тоже не стреляли. Они были безоружны: их винтовки и автоматы оказались в стороне, составленными на время обеда. Немцы пробовали обороняться ножами; один из них отбивался котелком, из которого при каждом взмахе брызгала клейкая ячневая каша. Боец ударил его автоматом по каске; оглушенный немец присел на корточки, но котелка с кашей из рук не выпускал...

Несколько немецких солдат, выскочив из окопа, пустились наутек. Бровкин дал им вслед очередь. Двое упали. И тут только руководитель разведки спохватился.

- Стой! - крикнул он не своим голосом. - Стой! Есть еще живые?

- Есть один, - ответили из угла, где шла возня. - Никак не взять гада, сейчас кончим его...

- Не трожь! - закричал Бровкин в испуге. - Черти, "языка" же пришли брать!

Он оттолкнул бойцов от немца. Тот настолько крепко забился в патронную нишу в стенке окопа, что из норы торчали одни его ноги.

- А ну, хватайся!

Бойцы взялись за ноги и в два рывка выбросили гитлеровца на дно траншеи.

- Какой-то чин, - заметил один из бойцов. - С лычками.

- Вяжи! - приказал Бровкин. - И пошли, а то расчешут.

Уже не маскируясь, лишь слегка пригибаясь, бежали назад прямо по полю... Когда были совсем возле своих траншей, вслед им ударили немецкие минометы. Немцы долго долбили по кочкам и кустарнику. Минные разрывы гремели даже и тогда, когда возбужденный успехом, радостный Бровкин докладывал Селезневу.

- Задание выполнено, товарищ капитан! "Язык" взят. Звания не знаю, с лычкой.

- Ефрейтор.

- Убитых нет, только шестеро легко ранены столовыми приборами. Захвачено восемь автоматов, пистолет, два ручных пулемета. Винтовок не брали, тяжеловато тащить, товарищ капитан.

- Спасибо, Василий Егорович, - просто сказал Селезнев, протирая пенсне. - Передай благодарность всем ребятам.

Лукомцев остался доволен боевым выходом дивизионной разведки:

- Видите, майор, не ошиблись мы в Селезневе. Я чувствовал, что есть в нем что-то такое от следопыта.

Не ошиблось командование дивизии и при выборе командира молодого саперного батальона.

Однажды ночью Юра Семечкин, пробираясь с передовой линии в политотдел, заметил за кирпичным заводом, в поле, темную фигуру, совершавшую непонятные движения. Фигура бродила из стороны в сторону, раскачивалась, нагибалась, что-то искала в снегу.

- Эй, кто идет? - окликнул встревоженный Семечкин, доставая пистолет. - Стой! - И щелкнул курком: - Пароль!

- Свои, - отозвался человек на снегу. - Палить не вздумайте. А пароль я вам с такого расстояния орать не стану! Подойдите поближе, тогда и спрашивайте. И вообще, вы сами-то кто такой?

Семечкин храбро зашагал по снегу.

- Фунтик! - изумился он, узнав геолога. - Вы что тут?

Фунтик стоял с миноискателем.в руках и смущенно улыбался. Ночью он, оказывается, работал с этим прибором для отыскивания мин, чтобы назавтра утром ровным, уверенным голосом человека, знающего свое дело, рассказать о миноискателе бойцам, точными, проверенными движениями показать им, как надо с ним обращаться.

В противоположность Селезневу рядовой Фунтик до крайности расстроился и даже перепугался, узнав о назначении на командную должность, да еще на такую - в батальон! Только что был связным, и вот, на тебе, - начальник. Но приказ есть приказ, оставалось одно - работать, и он энергично принялся за

дело. Копаясь в списках личного состава частей, Фунтик отобрал плотников, каменщиков, кузнецов, землекопов. Достал наставления по саперному делу, справочники, и в батальоне началось учение. Новый командир целый день учил молодых саперов, а ночью учился сам: взрывал толовые шашки, резал до боли в руках колючую проволоку, отрабатывая ловкие, автоматические, экономные движения. У него стала вырабатываться черта, так необходимая и бойцу и командиру: умение применяться к условиям войны. Фунтик открыл, что печи в землянках можно делать из водопроводных труб больших диаметров и даже из старых огнетушителей. А самое главное, за что он получил личную благодарность командира дивизии, - Фунтик знал теперь, как рыть окопы на мокром торфянике между нашими и немецкими позициями. Как-то один из пехотных командиров сказал в штабе дивизии: "Черт бы подрал этих саперов! Всю ночь ковырялись, а что "делали? Траншею в сорок сантиметров глубиной". - "Сорок? - переспросил тут же находившийся Фунтик. - Молодцы! Хорошо, что не пятьдесят. Иначе вода все бы залила. Мы, уважаемый товарищ, вынимаем за ночь лишь то, что промерзает за день".

Опыт Фунтика стал известен в штабе армии, и вскоре через "проклятый" торфяник от всех батальонов и рот к немцам зазмеились ходы сообщения; потом возникли выдвинутые вперед окопы и траншеи.

Бойцы, которые вначале с недоверием отнеслись к командиру в роговых очках, теперь полюбили его от всей души за человечность, за глубокие знания, за, как им казалось, большой военный опыт, за то, что к нему приезжают советоваться командиры из соседних частей.

"Опять к нам"! - многозначительно перемигиваясь, говорили саперы, завидев чью-либо "эмку" или "козлика" возле землянки своего комбата. Это "к нам" было преисполнено гордостью за весь батальон, за всю дивизию, выросшую из, ополченцев.

Зная историю с Фунтиком, Семечкин пожал руку геологу, пожелал ему удачи и ушел.

Вовсю развертывались инженерные работы и на участке роты Загурина, где грунт был отнюдь не торфянистый, а глинистый, плотный, тяжелый. Работали ночами, потому что до немцев здесь было слишком близко и вся местность просматривалась с наблюдательных пунктов врага. Загурин, по-прежнему мечтавший о штыковой атаке, любил побродить ночью по окопам, понаблюдать их ночную жизнь; встанет где-нибудь в ячейке для пулемета, замрет, насторожится. А сегодня он решил сам отвести смену бойцов в боевое охранение. Дойдя до передней траншеи и

дожидаясь там, пока соберутся бойцы, Загурин почти рядом услышал во мраке сиплый бас:

- Что же, я санинструктор, это верно. По закону если, то мне тут долбать и не полагается. А надо, брат ты мой, надо.

Эти слова сопровождались стуком лопаты о мерзлую землю.

Бойцы тем временем собрались. Загурин проверил их оружие и повел ходом сообщения на снежную равнину впереди окопов. Когда ход окончился, бойцы перебежали полянку, перепрыгнули через текущий подо льдом ручей и дальше шли неглубокой канавой, пригибаясь к самой земле. Как ни осторожно старались они двигаться, противник, очевидно, заслышал скрип снега под ногами, и в небо одна за другой полетели осветительные ракеты. Загурин приказал лечь, но немцы уже встревожились. На близкой линии их окопов замелькали вспышки выстрелов, елочным фейерверком посыпались разноцветные пули, на фланге неторопливо застучал крупнокалиберный пулемет. Равнина и небо над ней пропишись огненными строчками.

Стрельба стихла не скоро. Удвоив осторожность, бойцы продолжали путь. Совсем близко от переднего края врага, укрывшись в канаве, их ожидали товарищи, которые уже отбыли свой наряд. Они выползли навстречу пришедшим из ячеек в холодной снежной земле, размяли затекшие мускулы и, молчаливые, так же согнувшись, падая при вспышках ракет, ушли.

Загурин проследил за тем, как новый наряд занимает стрелковые ячейки, укладывает на брустверы винтовки и устанавливает пулеметы, устраивается, насколько возможно, поудобнее. Бойцам здесь придется лежать целые сутки, до боли в глазах вглядываясь вперед, напряженно ловя каждый звук, каждое движение во вражеских окопах. Между ними и врагом - лишь проволока и несколько десятков метров открытого поля. Говорят и пишут: фронт, передовая линия обороны... Вот же он, фронт, вот же она, передовая линия обороны, эти несколько бойцов, полуголодных, озябших, отнюдь не могучих физически. Все неизмеримо проще, будничней, чем думают те, кто сейчас в тылу.

Только убедившись, что боевое охранение в порядке, Загурин двинулся обратно. Проходя по главной траншее, в стенках которой были вырыты бойцами ниши - на одного, на двоих, где, завесив вход плащ-палаткой и разведя костерок на перевернутой крышке котелка, можно поддерживать тепло, греть щи, писать домой письма, - он снова услышал разговор:

- А как ты думаешь, сидеть вот здесь, в холоде, под пальбой, когда даже снег вокруг от разрывов что сажа, - это не героизм?

В ответ молчали.

- Нет, ты скажи, героизм или нет? - настаивал первый голос.

Наконец второй мрачно и нехотя ответил:

- Если не ныть, то, может быть, да. А вообще-то, очень ординарно. Я не так представлял себе героизм.

- Это у тебя книжное представление о героизме. А по жизни - мы с тобой и есть герои. Это я не для хвастовства, а для констатации факта.

Такое определение героизма: "Если не ныть" - Загурину показалось тоже не очень верным, оно не вязалось с его представлением о героизме динамичном, деятельном, эффектном. Он хотел было заглянуть в нишу к беседующим, но фронт внезапно ожил. Должно быть, гитлеровцам опять померещилось. Снова загремели пулеметы, захлопали винтовочные выстрелы, в нёбе замигали ракеты, и вскоре возникла музыка. Из мерцающей дымки вместе с трассирующими пулями долетели звуки знакомой всем боевой песенки:

Все хорошо, прекрасная маркиза,

Все хорошо, все хорошо!..

Когда песенка затихла, голос фельдфебеля из немецкой роты пропаганды забубнил:

- Товарищи бойцы и командиры Красной Армии, переходите к нам... Не верите комиссарам и политрукам... Мы дадим вам пищу, дадим работу...

Загурин подал команду:

- Ну и поработаем! Прогреть оружие!..

Возвратясь под утро в свою, тоже смахивающую на нору, землянку, он нашел на постели знакомый серый конверт, очевидно в его отсутствие принесенный ночью с полевой почты. Жена писала, что в семье все благополучно, только с едой стало туговато; что она работает теперь на оборонном заводе; что ее премировали; что она беспокоится о его здоровье. "А просьбу твою выполнила. В воскресенье сходила по обоим адресам. Всего писать не буду, по только передай своему командиру, что ни там, ни там их нет, и где - узнать не смогла".

Это было ответом не столько Загурину, сколько Кручинину, который по сей день не имел сведений о семье. Письма его возвращались с пометкой: "По указанному адресу не проживает". Кручинин писал товарищам в Ленинград, но те или тоже ушли на фронт или дни и ночи просиживали на заводе, готовя оружие для армии, и не отвечали. Тогда вот он и попросил Загурина узнать через жену что-нибудь о Зине и дал адрес ее и адрес своей матери. Загурин был так огорчен письмом, что долго не мог продолжать чтение, понуро сидел, вглядываясь в прыгающий огонек масляной коптилки. Ему было больно за друга,

молчаливо, в одиночестве, переживавшего свою тревогу.

От близкого разрыва мины плащ-палатка, прикрывавшая вход, взметнулась, и коптилка погасла. Загурин зажег ее и вновь принялся за письмо. Жена в заключение писала: "Поздравляю тебя с нашим праздником. Вспомни прошедшие годы, как мы встречали этот день".

Загурин взглянул на календарик, прибитый над постелью огромным ржавым гвоздем: праздник! Да, в самом деле, через два дня праздник, а он здесь даже счет времени потерял. Послезавтра - седьмое ноября.

Глава шестая

Неудачно съездив к Андрею на фронт, Зина не сразу набралась решимости пойти к его матери и, как ни стремилась поскорее увидеть детей, долго бродила по ленинградским улицам.

Навстречу ей двигались колонны бойцов, шли женщины и старики с лопатами и ломами, проезжали вереницы автомашин и танков. Аэростатчики вели под уздцы норовистые от ветра баллоны с газом для аэростатов заграждения. В небе, которое все дни было до отчаяния безоблачным, барражировали серебристые тройки воздушных патрулей. Зину толкали торопливые прохожие, обзывали ее дурой и раззявой, но она ничего этого не замечала.

Был тихий летний вечер, когда она добрела наконец до знакомого подъезда на набережной Малой Невы, поднялась по лестнице, на которой стоял мрак от синей краски на окнах, и подергала за медный шарик старомодного звонка. Кто-то отворил ей двери в темноте, она вошла в комнату, щурясь от вечернего солнечного луча - он бил прямо навстречу ей через окно, - и первое, что увидела, были живые черные, молчаливо ожидающие глаза под седыми бровями. Затем ураганом налетели ребятишки:
- Мамочка приехала!

Зина схватила обоих и спрятала лицо под их жадно обнимающими, торопливыми руками. Когда она подняла на минуту глаза, свекровь уже стояла возле окна и смотрела на реку, по которой Крошка-буксир тащил огромную баржу, нацеливая ее под деревянный мост. Зине стало ясно, что старуха все поняла и говорить уже ничего не нужно.

Полетели дни, полные душевного напряжения. Ребятишек она снова взяла от свекрови домой, каждое утро водила их в детский садик и бегала в поисках работы. Но специальность бухгалтера осенью 1941 года в Ленинграде была не очень-то нужна, и ей долгое время не везло. А когда все-таки и приняла в одно учреждение, то не успела она проработать там трех дней, как учреждение в полном своем, составе ушло на оборонные работы;

Зину, правда, оставили в городе - из-за ребят. Потом и она пошла копать траншеи - здесь же, на Московском шоссе, где жила, недалеко за своим домом. Тысячи людей рыли противотанковые рвы, строили доты и дзоты, воздвигали баррикады из металлического заводского лома, тянули колючую проволоку, минировали дороги и поля. Работали от зари до зари, уставали так, что после короткого сна едва разгибали спину, - и все-таки работали. Этого требовал родной город, город, с которым для каждого ленинградца было связано все лучшее в жизни, все светлое, все прошедшее и будущее. Город брал в руки оружие. В только что отстроенные дзоты вкатывались противотанковые пушки, все больше и больше на площадях и в скверах появлялось зенитных батарей, все больше тяжелых танков накапливалось в окраинных улицах.

На заводах и фабриках, в учреждениях возникали отряды самообороны, люди вооружались каким только возможно было оружием; друзья клялись друг другу стоять до последнего, отдавать жизнь как можно дороже и если умереть, то на пороге своего завода. Жены в эти дни были вместе с мужьями, они тоже готовились к борьбе.

Почти каждый день, иногда по нескольку раз, выли тревожно сирены. Жители разбегались по укрытиям, прятались в противоосколочные щели в садах и парках; где-то очень далеко стучали зенитные пушки, туда же с ревом проносились истребители, и затем труба по радио возвещала отбой. Это были желанные звуки. Недаром в те дни родился быстро распространившийся анекдотический диалог. Девушка просит молодого человека: "Скажите что-нибудь приятное". - "Отбой воздушной тревоги", - басит тот.

Только в сентябре, когда немцы были совсем близко, в пригородах, и когда почти не умолкал гул тяжелых орудий, отбивавших вражеские атаки, Зина впервые увидела над Ленинградом "хейнкели". Тупокрылые самолеты вышли из-за синем тучи на западе и сразу оказались над городом. Их было девять. Вначале они шли, сохраняя строй. Вокруг бушевала буря разрывов, небо, как оспой, покрылось точками черного взрывного дыма. Но когда самолеты прошли Неву, строй их распался, и они поодиночке стали уходить.

- Испугались, ничего не сбросили! - сказал кто-то в подъезде, где стояла Зина.

- А это что? - воскликнула другая женщина.

В нескольких местах над городскими крышами заклубил дым пожаров. По улице, звеня колоколами, промчались пожарники, завыл сирены санитарных машин, бежали люди, спешила

милиция, за пахло гарью: где-то неподалёку пожар охватил жилые дома, пакгаузы; и бушующим пламенем горели Бадаевские склады - главные продовольственные хранилища города.

В те дни Московское шоссе сделалось прифронтовой дорогой, людей отсюда стали переселять в другие районы города. Пришлось перебираться и Зине. Вдвоем с дворничихой погрузила она на тележку самые необходимые вещи и перебралась к матери Андрея на Васильевский остров. Вскоре она поступила на табачную фабрику, которая была совсем недалеко от дома. Ее послали в мундштучный цех, где теперь собирали ручные гранаты. Стоя у конвейера, Зина вспоминала слова Баркана: "Ну ничего, патроны будете делать, вас научат".

Кроме гранат фабрика по-прежнему выпускала и папиросы и табак; но вырабатывала она еще и чудодейственное средство от многих болезней сульфидин.

Во время обстрелов вокруг фабрики рвались снаряды, при авиационных налетах падали бомбы, сотрясая корпуса своими тяжелыми глухими ударами. Но работа не прекращалась, так же неторопливо текла лента конвейера с деталями гранат.

Дети Зины каждый день ходили с бабушкой на Петровский остров. Это было, близко, лишь перейти Тучков мост и обогнуть стадион имени Ленина. В желтой листве они собирали там желуди, кидали в воду камешки.

Заметив иной раз проходившего военного, ребятишки затевали с бабушкой разговор об отце.

- А папа скоро приедет? - спрашивал Шурик. - У него сколько "кубиков"?

Старуха отвечала коротко:

- Вот обождите, приедет. Задаст вам, что меня не слушаетесь, - и спешила отвлечь их внимание каким-нибудь диковинной величины желудем или осколком цветного стекла. Дети принимались играть, а она присаживалась на пенек на берегу пруда и, понурив голову, рассеянно следила за мельканием рыбешек на мелководье.

Во время одной из таких прогулок в парке бабушку и детей застала тревога. Они спрятались в крытую щель под деревьями. В щели было слышно, как били зенитки. Несколько раз глухо вздрагивала земля, и тогда знатоки говорили в потемках: "Пятисотка".

Через час все стихло, бабушка повела испуганных детей домой. Но возле дома толпился народ, цепью стояли милиционеры, возились бойцы восстановительной команды. Дом был разбит, фасад его рухнул на набережную, и перед матерью Андрея Кручинина обнажилась вся ее квартира. Картины на

стенах, абажур над местом, где стоял обеденный стол, на голубой стене кухни белая раковина водопровода.

Вечером, когда с работы возвратилась Зина, вместе с нею они искали в развалинах кое-какие сохранившиеся вещички; потом прищел грузовик с фабрики и всех четверых отвез в чью-то пустую квартиру на Петроградской стороне. Ходить на фабрику отсюда было значительно дальше, Зина возвращалась домой усталая, валилась на постель и думала только об одном, о чем-либо другом как-то не хватало сил думать, - она думала об Андрее, о прежней их жизни, о хорошо проведенных с ним днях.

Зина была уверена, что Андрей погиб, и разыскивать его уже не пыталась. Она оплакивала мужа по-своему, сухими глазами посвящая ему эти свои ежедневные думы о прошлом. Горечь утраты стала привычной; Зина знала, что так, с этой горечью, она будет существовать до последнего своего дня, жизнь не скрасит уже ничто, даже дети. А дети и ее, так же как бабушку, часто расспрашивали: "А почему папа не шлет нам карточку в военном? Вальке папа прислал с наганом. Вот так - ремни, здесь - звездочка. Почему, мама? Мама, почему ты молчишь?.."

.Письма Андрея до нее не дошли; сначала он писал по адресу своей квартиры, но Зина уже оттуда выехала, и письма с отметками почты "Не проживает" пошли к нему обратно; потом он писал матери, но и этот адрес перестал существовать. Жена Загурина, побывавшая и в пустой квартире на Московском шоссе и в разбитом доме на Васильевском острове, тоже ничего не смогла узнать о судьбе семьи Кручинина. Так и жили они, Андрей - в неведении, Зина - в горе утраты.

Пятого ноября, как раз в тот день, когда Загурин читал Андрею по телефону письмо своей жены, Зине сказали на фабрике:

- Кручинина, собирайся. Завтра поедешь в часть на передовую. Подарки повезешь.

2

С тугими рюкзаками за плечами, в белых маскировочных халатах, Зина и ее две подруги двинулись в путь - от штаба батальона до роты. Ночь была морозная, ясная. На снегу - призрачное мерцание холодных искр от луны; сквозь обледенелый кустарник с тихим свистом сочился ветер.

- Днем мы канавкой ползаем. Есть у нас тут такая, по колено глубиной, - сказал сопровождавший гостей лейтенант. - А сейчас можно и по ровному. В маскхалатах ничего.

И они в своих ватниках, в стеганых брюках, как пловцы, бросились в снег. Когда добрались до траншей, их встретили там с радостью. Но нет, не так Зина представляла себе этот праздник

в окопах. Речей говорить не пришлось. Им сразу же сказали:

- Тш-ш... Только шепотом.

Со своими мешками, набитыми варежками, шерстяными носками, шарфами, которые ночами вязали их фабричные подруги, с табаком и папиросами в карманах, женщины стали пробираться по траншеям, спотыкаясь о комья мерзлой глины, замирая, когда рядом рвался, снаряд. Где траншеи были только де пояса, двигались ползком, пряча головы от трассирующих пуль. Зина видела ниши, выдолбленные в стенах окопов. Вытянуться в них было невозможно, бойцы лежали, свернувшись, и согревались собственным дыханием. Плащ-палатки, закрывавшие вход, от пара покрылись корочкой льда и, если коснуться, гремели, как жесть.

- Табачницы? - спросил один из бойцов, принимая сверток с ярком. Рукавицы? "Беломор"? Это хорошо, но дороже, что сами пришли.

На всем их пути навстречу поднимались из ниш люди в шинелях. Молчаливые бойцы стояли, пока женщины проходили дальше и это было, как ночной парад, - торжественно и сурово. Обычная фронтовая ночь со стрельбой, со вспышками ракет, с морозом стала вдруг подлинно праздничной ночью. Ведь эти чьи-то жены и сестры - посланницы Ленинграда, и это, конечно же, самый дорогой подарок.

Зина и ее подруги поняли, как расценивается их приход. Они побирались до передовых огневых гнезд. Коротким жестом командир отделения подзывал двух ближайших бойцов, те подползали, и женщины шептали им прямо в лицо немецкие окопы были совсем рядом, - шептали что-то хорошее, не придуманное, то, что приходило в голову здесь, на самом крайнем рубеже обороны Ленинграда, что шло этой праздничной ночью от доброго женского сердца.

Они доползли и туда, где нельзя было говорить даже шепотом. Молча подала Зина шерстяной шарф зарывшемуся в снег бойцу. Молча пожал он ей руку.

За всю ночь только раз пришлось говорить в полный голос. Это было в блиндаже у минометчиков. В низкой землянке набилось столько народу, что казалось, будто лежат они один на другом. Вокруг керосиновой коптилки клубился пар - так надышали.

- К свету проходите! - приглашали хозяева.

К свету еле пробрались, наступая на чьи-то ноги, спотыкаясь о шинели и руки. Но зато там можно было говорить вслух.

- Клянусь беспощадно истреблять фашистских собак! - горячо воскликнул молодой боец, принимая подарок.

- Собак не обижайте, - откликнулся голос откуда-то из угла. - Собака друг человека.

Гостям задавали множество вопросов. В эту, как, впрочем, и во все другие ночи, бойцы мысленно уносились в свой город, они жили его жизнью, думали его думами. И знали: будет час - они вернутся на его строгие проспекты, на гранитные набережные, в свои обжитые дома на Международном и Кировском, на Невском, на Садовой, на Сенной и Введенский, на Большом и на Малом...

- Эх, родные наши, ленинградские! - говорили бойцы, потягивая папироски. - Давно таких не куривали!

- У вас на фабрике девушек много, - сказал командир одного из взводов. - Ждите, разобьем немца, за невестой приеду.

Начинало светать, когда собрались в обратный путь. Прощание было долгим и трогательным. Каждый хотел пожать теплую руку, может быть вспоминая в ту минуту жену, подругу. Некоторые, кто посмелей, обнимали за плечи, целовали.

- Пока! Ожидайте с победой!

- Пришел в гости, - сказал Кручинин, - а ведешь себя как хозяин.

- Привет площади Тургенева!

- Поклон Загородному!

Окопы остались позади. Рассветало. С зарей в города и сел Советской страны вступал праздник. Но в окопах он уже прошел: его отпраздновали ночью: днем в них будет тихо, жизнь замрет только не перестанут реветь пушки и стучать пулеметы, только не перестанет над снежным полем кружиться смерть, высматривая очередную жертву.

Когда взошло солнце, Зина в грузовике ехала по дороге к Ленинграду. Хотелось заснуть, но прежде надо было придумать, что рассказать ребятам. Они ведь решили, что мама поехала к папе.

3

Кручинина новый день застал на наблюдательном пункте. Ночью к нему в батальон тоже приходили гости, были и женщины; понимая, что это глупо, наивно, он все же всматривался в каждую, звонил в соседние батальоны - кто у них? Как фамилия?

Сейчас Кручинин сидел на наблюдательном пункте и разглядывал, как артиллерия била за речку, по деревне, занятой немцами. В стереотрубу были ясно видны три кирпичных дома, в одну линию стоявшие на берегу. Вправо от среднего из них взлетел столб черного дыма. "Левей бы", - только подумал он, как черный столб вскинулся уже слева. Наконец облако красной кирпичной пыли засвидетельствовало прямое попадание. Еще

выстрел - и снова красное облако над домом, еще одна дыра в стене. Снаряды ложились точно и густо. Они разбивали крышу, отламывали огромные куски стен. Немцы метались от здания к зданию.

Андрей знал, что это методичное разрушение вражеских огневых точек, узлов сопротивления, укрытий - звенья общей цепи надвигающихся событий, в которых его батальону придется сыграть немалую роль.

Стоял легкий морозец. В воздухе, позолоченная солнцем, кружилась тонкая снежная пыль. Для ноября это был редкостный день, да и немцы почему-то молчали: ни мин, ни снарядов, ни пулеметного треска.

Праздничная тишина на своих незримых крыльях уносила назад, в минувшие годы, далеко от войны, от фронта. И снова в мыслях Кручинина - Зина, родная, близкая.

В приподнятом настроении возвращался он к себе в блиндаж ему хотелось одиночества, тихих-тихих минут в своем подземном жилище, чтобы поговорить с любимой вслух, в тысячный раз перебрать ее фотографии, перечитать короткие записочки, сохраняемые в бумажнике с незапамятных времен.

Хотелось тишины, но, подойдя к землянке, он услышал телефон. В землянке сидел Юра Семечкин. Приход его был вовсе некстати.

- Принес, понимаешь, принес!.. - Семечкин, по обыкновению перешел на таинственный полушепот. - Витаминизированной горилки принес и пластиночку. Умрешь - заслушаешься. - Юра вставил новую иголку, и старинная пластинка запела вальс "Тоска по родине". Плакали скрипки и флейты, горько жаловались трубы.

- Прекрати! - резко сказал Кручинин.

Юра изумленно и даже немного испуганно взглянул на него, попытался было возразить, но Кручинин уже выскочил из землянки. Он не хотел в эти минусы никого видеть. Он хотел быть один. Но первое, что он увидел, захлопнув за собой дверь, была спина Аси Строгой, стоявшей в нескольких шагах от блиндажа: Ася обернулась, вся вспыхнула от неожиданности и тотчас побледнела. Она даже позабыла поприветствовать командира. А он, глядя куда-то поверх Асиной головы, спросил:

- Вы что тут?

- Так просто, - еще больше смутилась девушка. - Шла мимо.

- И заслушались?

Кручинин кивнул на землянку, где Семечкин снова крутил патефон. Теперь это были визг и грохот какого-то фокстрота.

- Да... То есть как раз нет.

- Ну нет, так заходите.

Асю смущал этот странный, непривычно рассеянный и неприветливый тон командира, смущали внезапные вопросы, на которые невозможно было ответить. Не могла же она, в конце концов, сказать, что шла именно к нему. Набралась храбрости и шла, потому что ей казалось, что командир одинок, а в такой день одиночество особенно тяжко для человека, она знала это по себе. Ей хотелось побыть с ним, поболтать, рассеять мысли о семье - всему батальону было известно, что у командира потерялась семья. Ася даже несла подарок Кручинину - резной мундштучок из кости. Шла, но возле самого блиндажа, как это всегда бывает с людьми застенчивыми и скромными, храбрость покинула девушку, и она, растерянная, остановилась.

- Живо! - повторил свое приглашение Кручинин. - Заходите!

- Да я же спешу.

- Куда это? Не на свидание ли? Тогда счастливого пути.

- Нет же! Совсем нет!

- Тогда заходите, без препирательств.

Ася вошла, поздоровалась с Семечкиным и робко присела на какой-то ящик.

- К столу, девушка, к столу! - захлопотал Семечкин. - Сегодня у нас с командиром пир. - Он извлек из кармана две бутылки темно-красной настойки. - Витаминизированная. Целебная.

Кручинин нарезал хлеба, открыл коробку шпрот, насыпал на газету галет. Семечкин разлил настойку по алюминиевым стаканам. Все чокнулись этими неизменными фронтовыми "бокалами".

- За счастье! - сказал Юра.

- За ваших жен! - Ася грустно улыбнулась.

- За победу, за военную удачу! - резко бросил Кручинин и выпил из кружки одним глотком.

Ася долго кашляла и не могла отдышаться. "Витаминизированная" оказалась спиртом, слегка разбавленным смородиновым сиропом. Пить она больше не стала и занялась патефоном. Семечкин с Кручининым допивали "целебную" вдвоем. Спирт свое действие оказывал. Кручинин оттаял, заговорил и даже стал напевать. Семечкин в такт его пению взмахивал рукой, слушал серьезно-серьезно. Заслушалась и Ася. Голос у Кручинина был хрипловатый от постоянного пребывания на воздухе, но мягкий.

- Стоп! - остановил его Семечкин, прислушиваясь.

Где-то хлопали винтовочные выстрелы, и в них вплетались торопливые пулеметные цепочки.

- Чепуха! - сказал Кручинин. - По самолету бьют. Сиди!

Но Семечкин вышел на улицу.

Ася пересела к столу и из карманчика гимнастерки достала свой заветный мундштук; ей казалось что подарок командиру надо вручить, когда нет Семечкина.

- Вы разве курите? - удивился Кручинин.

- Да нет, что вы!..

Но он, не слыша ее ответа, подвинул к ней табакерку: "Свертывайте".

И снова решимость покинула девушку. Чувствуя, что получилось очень глупо, неумелыми пальцами она принялась крутить кривую папиросу. Кручинин глядел-глядел, да и свернул ей сам. Ася прикурила и сразу же поперхнулась дымом.

- Курильщица тоже! - Он засмеялся и, как ребенка, погладил ее но волосам. - А мундштук великолепный!

Взволнованная неожиданной лаской, Ася воскликнула:

- Да это же подарок! Я хочу ...

Цирк! - влетел в землянку Семечкин. - Чистый цирк. Айда на НП, Андрей! Увидишь кое-что. Скорее!

Мужчины вышли. Ася осталась одна. Она прибрала в землянке, подмела, оправила постель Кручинина, вымыла стол и накрыла его свежей газетой. В жилище командира батальона стало приветливее и уютней. Уходя, она оставила на столе свой мундштучок, радуясь, что он так понравился комбату.

По дороге к землянкам медиков Асю ошеломила пальба, внезапно открытая гитлеровцами. Заревели, должно быть, все батареи, воздух шипел от снарядов, земля окутывалась дымом. Немцы явно потеряли выдержку. Да, впрочем, и было от чего.

В этот ноябрьский вечер не только Семечкин с Кручининым, но сотни людей наблюдали этот "цирк". Советский праздник Октября немцы решили ознаменовать по-своему. Ночью они разминировали часть минных полей, убрали проволоку, устроив широкий проход в своих заграждениях, и поставили там арку, увитую хвоей и красное полотнище гласило: "Добро пожалуйте". К этому "добропожаловании" с самого утра призывало и немецкое радио. Перебежчикам обещались всевозможнейшие блага. За каждую принесенную винтовку, за каждый пистолет, автомат, пулемет была назначена цена.

Но день проходил, и только к вечеру на дороге появилась группа красноармейцев и моряков, среди которых можно было различить долговязую фигуру Тишки Козырева. Не торопясь, как на прогулке, руки в карманах, шли они по направлению к немцам.

- Выходи, кто там! Принимай! По вашему объявлению пришли! приближаясь к арке, крикнул тенором тощий маленький

краснофлотец в широченных брюках клеш.

Навстречу из траншей немецкого боевого охранения вышел обер-лейтенант, и за ним толпой побрело с полсотни солдат. Обер-лейтенант явно трусил, но офицерского достоинства терять не хотел и шел к арке твердым шагом, чего нельзя было сказать о его солдатах, втянувших головы в плечи.

- Привет русским храбрецам! - сказал немец, протягивая руку.

- Здорово, орел! - гаркнул, выступая вперед, Козырев.

Он ухватил офицера за руку и дернул его к себе так, что тот, пролетев мимо Тишки, попал в объятия сразу нескольких бойцов. Немец не успел даже выхватить из кармана стиснутую пальцами гранату.

Тотчас справа и слева со скрытых позиций по немецким солдатам ударили русские пулеметы, а моряки и красноармейцы в свою очередь закидали гитлеровцев гранатами. Поставив затем дымовую завесу, они пустились обратно. Тогда-то рассвирепевшие немцы и ударили всеми своими батареями, грохот которых удивил Асю. Но группа смельчаков вернулась к себе в полном составе под громовое "ура" всей передовой линии. Захваченный обер-лейтенант время от времени восклицал:

- О, гауптман Шнеллер, гауптман Шнеллер!..

Как выяснил при допросе Селезнев, инициатором злосчастной затеи, приведшей обер-лейтенанта в русский плен, был именно некий гауптман, или капитан, Шнеллер.

Дни испытаний, предвиденные Кручининым, наступали. Командование армии решило улучшить свои позиции возле железнодорожной магистрали, идущей на восток, продвинуться по ней вперед, что явилось бы серьезным шагом к прорыву блокады. Город и фронт испытывали жесточайший недостаток питания, не говоря уже о горючем, о металле для оборонных заводов. Теперь стал совершенно очевидным тот способ захвата города, о котором немецкие листовки кричали в сентябре. Это была блокада, а за нею - голод и холод.

По плану нашего командования для удара по вражеской обороне в числе других назначалась и дивизия Лукомцева. Батальон Кручинина должен был разведать боем оборону противника и пытаться сбросить немцев с западного берега речки. Задача понимали, - трудная и сложная. Основные немецкие укрепления располагались на противоположном, восточном, довольно высоком и обрывистом берегу. По западному же, ближнему, берегу проходил передний край их обороны, с целым рядом инженерных сооружений, с разветвленной системой траншей. Оба берега господствовали над торфянистой равниной, на которой держали оборону части дивизии бывших ополченцев.

Кручинин решил поступить так: двинуть весь батальон исходные рубежи для атаки и одновременно, чтобы захватить немецкие дзоты в железнодорожной насыпи, послать на фланг взвод автоматчиков. Он рассчитал, что по торфянику батальон будет продвигаться медленно, и автоматчики тем временем сделают свое дело.

День боя наступил. Бойцы продвигались вперед по траншее и ходам, вырытым саперами Фунтика путем промораживания. Система ходов сообщения была еще развита недостаточно, и дальше бойцы поползли по открытой равнине. Они не окапывались, когда враг открыл огонь из минометов и пушек: проклятый торфяник все еще не терпел прикосновения и при встрече с лопатой сразу же источал воду. На такой земле даже лежать было нельзя. Корка, схватывавшая ее сверху, проминалась, из-под нее проступала влага, и шинель примерзала. Бойцы были без маскировочных халатов, белое на такой земле только демаскировало бы: ветер взрывов сорвал снег, растопил его, покрыл копотью. Все тут смешалось: и земля, и колючие куски стали, и этот черный снег.

Засветло выйти к исходным рубежам не удалось. Немцы заметили движение батальона и буквально не давали людям поднять головы. То и дело на немецкой стороне взвивались ракеты: зеленая - из-за реки падают мины, красная летят снаряды. И уже без всяких сигналов сыпали свою дробь пулеметы. Фашисты готовы были бить из всех батарей даже по одному одинокому человеку. Всей силой своего огня они держали дорогу из Ленинграда на восток.

Только ночью возобновилось движение на торфянике. Но ночью оно не могло не стоить жертв: враг отзывался на каждый шорох, на каждый звук, простреливая заранее подготовленным заградительным огнем каждый квадратный метр перед своими позициями. В середине ночи бойцы все же были у цели - в двухстах-трехстах метрах от немецких укреплений.

Перед решительным ударом Кручинин приказал накормить людей. Связные и специально назначенные бойцы двинулись трудным путей с ведрами и термосами. Многие из них так и не возвратились от полевых кухонь, скошенные вражескими пулями.

Бойцы, те что не дождались пищи, извлекали из карманов раздавленные сухари и, пробивая каблуками лед на дне воронок, размачивали их в ржавой воде. Холод проникал под шинели, люди были без валенок, в такой сырости от валенок только вред. Ноги стыли, товарищ просил товарища: погрей, тот ложился ему на ноги и грел их своим телом. И так по переменке.

Автоматчики, высланные вперед, тем временем подошли

вплотную к мосту черное кружево его ферм висело уж совсем рядом. Группе автоматчиков было легче, чем остальным стрелкам, - по их маршруту вдоль насыпи рос густой ракитник, скрывавший движение.

Командир взвода автоматчиков, молодой лейтенант, выслал вперед охранение - двух бойцов, одним из которых был Тихон Козырев. До насыпи оставалось каких-нибудь сто шагов, когда взвод попал под обстрел: где-то совсем рядом затрещали автоматы и пулеметы. Бойцы притихли, пережидая огневой шквал. Но огонь не прекращался. Лейтенант решил ответить. Он скомандовал, и сразу ударило полсотни автоматов его взвода. Теперь притихли немцы. Настала долгая пауза. Вдруг впереди справа раздался крик:

- Рота! За мной! Ура!

И затрещал автомат. Ему ответил второй - слева.

"А ведь это наши ребята", - догадался командир автоматчиков и поднял взвод в атаку. Миновав кустарник, бойцы наткнулись на траншеи боевого охранения врага, по которым с флангов строчили Козырев и его напарник. Немецкие солдаты разбегались. Дзоты открыли огонь. Но было поздно, в их амбразуры летели гранаты. Над насыпью, сопровождаемое раскатистым "ура", взвилось алое знамя.

Занималось утро, в косых лучах солнца дивизия увидела этот огненный сигнал над насыпью. Артиллерия ударила через голову лежавшего в цепях батальона. Снаряды рвались возле немецких заграждений, рвали проволоку, били по дзотам и траншеям. Это было так близко, что осколки пели над головами бойцов, и те еще плотнее прижимались к земле.

Когда огневой вал докатился до второй линии вражеских окопов, началась атака, но далеко не обычная. Бойцы не побежали, а поползли - быстро, молча, из воронки в воронку. Враг бешеным артиллерийским огнем препятствовал этому движению. Над полем стлался дым, и уже избитая земля вздрагивала от новых ударов. Но бойцы упрямо ползли, и вместе со стрелками ползли пулеметчики, грудью толкая вперед свои "максимы". С катушками провода на спине ползли связисты. Они тянули линию вслед за командирами рот. А в обратную сторону ползли санитары, прямо по земле оттаскивая на плащ-палатках раненых. Бойцы согревались, они сбрасывали в воронках шинели и рвались навстречу врагу. Даже раненые, скрипя зубами, продолжали этот путь, покуда хватало сил.

В одной из воронок возле только что установленного аппарата сидел Кручинин.

- Момент, без преувеличения, исторический, - шептал рядом

Юра Семечкин. - Может быть, с него и начнется перелом, может быть, и война теперь пойдет на конус, а?

Кручинин молчал, наблюдая за передвижением батальона.

Слышишь? - продолжал Семечкин. - Представь себе - победа! Мы возвращаемся домой. Ты впереди, по Международному проспекту, на белом коне.

- Не я, а ты, - ответил Кручинин, поднимая, телефонную трубку.

- Ну, пусть я. На белом коне. Кругом народ. "Ура!" Женщины цветы бросают, а секретарь нашего райкома машет с балкона рукой.

- Прошу огонь в глубину! - крикнул в трубку Кручинин.

Артиллерия замолкла на минуту, и затем снаряды пошли на тот берег речки, на вражеские батареи.

Кручинин выскочил из воронки с пистолетом в руке. Крикнуть он ничего не успел, бойцы батальона опередили его команду, поднялись на ноги и ударили в штыки. Продолжала лежать только оставленная в резерве рота Загурина. Она должна была свежими силами форсировать речку, когда будет прорвана оборона на этом берегу.

Бойцы достигли траншей. Пошла рукопашная. Охваченные азартом траншейной схватки, бойцы не заметили, как из-под берега, заранее подготовленные, поднялись плотные немецкие цепи. Немцы - их были сотни - с ревом обрушились на батальон. Казалось, конец... Но на фланге у немцев внезапно появились шеренги в серых шинелях.

Гитлеровцы оторопели. Спокойно, твердо, винтовки наперевес, с острыми, поблескивающими жалами штыков двинулась рота Загурина. Затем по взмаху руки командира рота так же внезапно исчезла, как появилась. Упав на землю, бойцы словно растворились на грязном снегу. Грянул залп. Оправившиеся было немцы снова опешили от неожиданности. Ряды их окончательно расстроились, когда рота поднялась и, сохраняя шеренги, пошла в штыки - все так же в полном молчании.

Немецкий левый фланг был сброшен в речку. Загурин уже набирал воду в свою фляжку, но появившийся возле него Кручинин закричал:

- Назад! Обходят...

Правым флангом немцы охватывали батальон, грозя теперь сбросить его под речной обрыв.

Кручинин видел, что продолжать атаку нельзя: через реку к немцам шло новое подкрепление. Надо было немедленно отходить. И он приказал Загурину:

- Выводи роту!

- Выводи батальон, пока я держу здесь, - ответил Загурин.

Он был бледен, возбужден. Кручинин не узнавал его, такого всегда строгого и сдержанного.

- Приказываю!.. - возвысил голос Кручинин.

- Посмотришь, как фрицы еще подрапают от меня, - упорствовал Загурин. - Вперед, орлы!.. - И он рванулся из воронки. Но Кручинин поймал его за шинель.

- Товарищ старший лейтенант, прочь с поля боя! Я вас отстраняю от командования ротой!

Загурин побледнел еще больше. От волнения он не мог выговорить ни слова. Кручинин сам стал отводить его роту. Ночью Кручинин явился к Лукомцеву.

- Я не справился с порученной задачей, - сказал он твердо. - Я не выбил немцев с берега.

- Успокойтесь. Вы неправильно расцениваете итоги операции. Батальон вынудил врага раскрыть перед нами все средства его обороны на этом участке. Большего я, признаюсь, и не ожидал. Спасибо, вы добросовестно выполнили задание.

И уже совсем обескуражен был Кручинин, когда спустя несколько дней ему было объявлено в штабе дивизии, что он назначается командиром полка с присвоением очередного звания - майора.

- Теперь будем редко видеться, - грустно сказал Кручинину Загурин. До тебя теперь не скоро дойдешь...

- Почему? Поменьше горячности, побольше дисциплины. Покомандуешь еще некоторое время ротой, а там и в комбаты!

- Нет, нет и нет. Из роты - никуда. Так и полковник обещал.

- Не век же быть ротным!

- Нет, никуда. Навек.

Особенно была огорчена уходом Кручинина Ася Строгая. Так и не удалось ей отдать командиру подарок. Асю в тот раз постигла неудача. Кручинин подумал, что она нечаянно позабыла у него на столе свой редкостный мундштучок, и с посыльным отослал ей его обцатно. Ася всплакнула, негодуя на себя за робость.

Разведка боем, проведенная батальоном Кручинина, дала новые материалы об обороне немцев, вскрыла их оборонительную тактику. Теперь нужно было найти червоточину в оборонительном поясе врага, чтобы взломать его. Этим занимался штаб армии.

Но и Лукомцев времени не терял. Он послал в Ленинград адъютанта, и тот привез ему кучу старых и новых книг.

- Полезные вещи пишут, - сказал он однажды Черпаченко. -

Но немало и чепухи. Как-то раньше не замечалось. Война - пробный камень для военных теорий, и многие из них, гляжу, пробы сегодняшним днем не выдерживают. - Он помолчал, перелистывая страницы журнала. - А мы когда-нибудь напишем книгу, майор?

- Ну, что вы, Федор Тимофеевич! Наше дело солдатское.

- Почему же так? Мы воюем, у нас есть что сказать. И потом приятно, знаете ли, увидеть свои мысли на бумаге, аккуратно уложенными в строчки, с запятыми, все как полагается. Ну что казалось бы, пустяк - моя статейка во фронтовой газете, помните "Особенности позиционной обороны немцев"? - труд не велик, и все-таки лестно. Вырезал, послал брату в Архангельск. Нет, майор, мы, именно мы должны писать книги. А то накуролесят. Кабинетные историки! Они же схемы обожают: придумал "копсепсию" и подгоняет под нее факты, как ему выгоднее. А мы... в боях со схемой пропадешь. Нет, нет, вот раздавим фашиста и будем писать. Только бы покончить с ними, с проклятыми.

- Когда же это произойдет?

- Сроков не скажу. Но вот вам моя рука, я вижу силу нашей армии... Будет о чем написать в поучение потомству.

Глава седьмая

Это было далеко не так просто - хотя бы на одном участке взломать вражескую оборону. На фотоснимках, доставленных воздушными разведчиками, передний край немцев представлял собой три-четыре линии сплошных траншей по всему фронту; на их изломах и в ходах сообщения через каждые сто пятьдесят - сто метров, а местами и гуще, были поставлены прочные пулеметные и артиллерийские дзоты, многослойным огнем простреливавшие всю местность перед собой. Дзоты и блиндажи строились из рельсов и шпал разобранных железных дорог, из вековых лип, дубов и лиственниц, вырубленных в пригородных парках. Такие рельсо-бревенчатые сооружения поддавались только прямому удару тяжелого снаряда. Но выкатить крупнокалиберную артиллерию по открытому болоту на дистанцию прямого выстрела было почти невозможно. Попытались несколько раз сделать так - только людей потеряли напрасно. И тогда, чтобы все-таки расстроить эту связанную между собою огневую систему, проложить в ней коридор для прорыва пехоты и танков, командующий армией после совещания с командирами дивизий и после долгой беседы с ними, и в частности с Лукомцевым, остановил свой выбор на тактике "прогрызания".

В дивизии началась упорная, незаметная для постороннего глаза, ночная работа. Ежедневно, как только сгущались ранние сумерки, часть бойцов в белых маскировочных халатах уползал

зарываясь в снег, туда, за боевое охранение, к позициям врага. Это были разведчики Селезнева и саперы Фунтика. Метр за метром изучали они оборону противника.

Другая часть бойцов уходила в противоположную сторону - в тыл, к окраинам Ленинграда, где на покинутых совхозных полях и на огородах были вырыты линии траншей наподобие немецких, построены дзоты и блиндажи. Там учились блокировочные группы, задача которых заключалась в том, чтобы одну за другой выводить из строя огневые точки врага, одну за другой планомерно захватывать его траншеи. Блокировщики должны были незаметными подбираться к дзоту, ослеплять его амбразуру пулеметным и автоматным огнем, через вход забрасывать гарнизон гранатами и, наконец, взрывать все сооружение.

Учения длились уже более двух недель. Казалось, каждый прием отработан до мелочей и каждый боец уже способен выполнить свою индивидуальную задачу хоть с завязанными глазами. Селезнев и Фунтик, руководившие подготовкой блокировочных групп, начали беспокоиться: утомленные еженощными тренировками, бойцы теряли интерес к этим непрерывным переползаниям, атакам и штурмам. Фунтик прямо обращался к начальнику штаба: "Товарищ майор, если дело еще не скоро, давайте, пожалуйста, устроим передышку".

Черпаченко, однако, учений не отменял.

И вот одним тихим пасмурным, безморозным днем в расположение штаба дивизии примчался бородатый, обсыпанный легким снежком мотоциклист.

- Эй, борода! - окликнул он пробиравшегося между землянок Бровкина. Где комдив ваш?

- А кто ты сам-то такой, борода? - ответил Бровкин недружелюбно.

Мотоциклист соскочил с машины:

- Обиделся, что ли? Оба бородачи. Тебе, поди, полсотни, и мне шестой десяток. Я еще с генералом Брусиловым воевал. Где комдив-то? У меня пакет ему из штаба армии.

- Приказ, что ли? По какому делу?

- Мне не докладывали. Может быть, распоряжение выдать вам по пол-литра!

- Жди - пол-литра! - Бровкин усмехнулся. - Вон та землянка комдива, видишь, дымок из трубы. А ты заглядывай как-нибудь еще, борода, покалякаем. Я сам старый солдат и Брусилова тоже видывал.

Узнав о том, что получен боевой приказ, Селезнев сразу же явился к Лукомцеву.

- Прошу разрешить лично руководить группой, - заявил он,

нервно снимая и вновь надевая пенсне. - Мне это крайне важно... Для дела.

- В ваши обязанности личное участие в блокировке дзотов не входит... сказал Лукомцев.

- Знаю, товарищ полковник, но тем не менее прошу. Первая вылазка. Будет очень скверно, если она не удастся.

- Что ж, хорошо, - согласился Лукомцев, по-своему истолковав возбуждение Селезнева, - разрешу, но прежде успокойтесь, если первый блин и выйдет комом, это вовсе не значит, что надо разводить нервное желе, тем более авансом. Действуйте спокойно, осмотрительно, не столько увлекайтесь боем, сколько изучайте, наблюдайте. Поручаю вам блокировку первого дзота. Нашей первой добычей будет вот этот.

И Лукомцев подвел Селезнева к карте. Селезнев слушал рассеянно, и, когда он вышел, комдив долго смотрел ему вслед в дверь блиндажа и потирал ладонями голову. Потом он деловито и плотно набил махоркой носогрейку, вытащил у спящего Черпаченко зажигалку из кармана, закурил. "Странно, странно... - подумал он. - Что это с ним?"

С наступлением темноты Селезнев засветил коптилку в своей землянке, достал из бумажника письмо жены, вновь перечитал его, положил в левый карман гимнастерки и долго сидел не шевелясь - локти на столе. В глазах его было пусто и холодно, как будто ни одна мысль не приходила в голову начальнику разведка как будто он дремал, не опуская век, неподвижный, окаменевший. Затем вскочил, сорвал со стены автомат и вышел.

Спустя час Селезнев вел свою группу той дорогой, что так хорошо была разработана им на карте...

Он вернулся только под утро, бросился на свою постель и с головой укрылся полушубком; пенсне было разбито, на правом сапоге болталась оторванная подошва, брюки - в лоскутьях от колючей проволоки. В таком виде его застал связной:

- Товарищ капитан, к командиру дивизии!

Лукомцев встретил его вопросительным взглядом.

Селезнев, ни слова не говоря, извлек из кармана письмо своей жены и положил его на стол. Лукомцев пробежал глазами по строчкам, сделал движение, словно хотел пойти навстречу Селезневу, но подавил его и сказал резко:

- Что же вы мне вчера не сказали? Я бы запретил вам руководить делом, превратившимся из-за вас в авантюру. Вы были невменяемы. Понимаю: вашу дочь убило бомбой, понимаю и искренне сожалею. Но и я могу показать вам письмо у меня убит сын Что же, спрашиваю я вас, мы должны теперь совершать глупости?!

- Мстить! Мстить мы должны! Вот что, товарищ полковник!

Лукомцев встал и, положив руки на плечи Селезневу, сказал с укоризной:

- Разве так мстят? Сколько ей было лет?

- Четырнадцать.

- Четырнадцать...

Лукомцев прошелся к двери и обратно.

- Мой старше, он уже воевал. Ах, капитан, капитан, мы с вами должны разбить по крайней мере две дивизии, а вы погнались за каким-то десятком вшивых фрицев.

Он прошелся еще раз.

- Что же теперь будем делать?

- Даю слово...

- Исправить ошибку и все-таки взять дзот?

- Да.

- Запрещаю. Не ваше дело. Занимайтесь разведкой. Сами сделаем.

- Товарищ полковник!..

- Все. Помните о двух дивизиях.

В последующие ночи были захвачены и этот дзот и еще два соседних дзота и развернуты амбразурами в сторону врага.

2

В тяжелые декабрьские дни смерть заглядывала почти в каждую ленинградскую квартиру: чаще всего она вползала в них вместе с голодом. Бойцы получали письма, полные горечи. Суровые простые известия эти от родных действовали на бойцов сильнее любых призывов к победе. Не раз политрук перед боем вместо беседы или речи развертывал треугольничек письма, полученного кем-либо из бойцов, и прочитывал его вслух всей роте.

Не миновало такое письмо и Баркана, комиссара дивизии; он боялся его, но письмо все-таки пришло. Соня писала, что во время одной из очередных бомбежек она испугалась и преждевременно родила мертвую девочку. Горько стало комиссару - не успел сделаться отцом, как уже потерял ребенка. Баркан вспоминал радостно-тревожные дни, когда оба они с Соней ждали этого первенца.

Никому не сказал комиссар о своем горе. Но поведение его заметно изменилось. Он и прежде часто бывал в подразделениях, а теперь почти не выходил из рот, из передовых траншей. Его тянуло к бойцам: то ли потому, что когда он слушал об их несчастьях, и ему становилось легче, то ли потому, что самому хотелось поделиться с ними своим горем. Бойцы его любили, тянулись к нему.

- Сегодня мы будем в Красном Бережке, комиссар, - сказал однажды Лукомцев Баркану. - Поверьте слову!

- Я привык верить командиру дивизии. - Баркан улыбнулся. - Да и у бойцов стремление поскорей пробраться в краснобережные дома, погреться возле печек.

Позиции немцев были достаточно разведаны, многие огневые точки их оборонительной линии путем блокировки выведены из строя, и командование отдало приказ форсировать речку и запять на противоположном ее берегу деревню Красный Бережок.

В середине, вернее, в конце дня, потому что декабрьские дни коротки, сотни орудий обрушили своп огонь на укрепления гитлеровцев, на их передний край, на заранее разведанные цели. Сразу же за первым последовал второй артиллерийский удар и, наконец" третий. Это был мощный получасовой шквал. Казалось, снаряды смешали с землей все - и минные поля, и проволоку, и дзоты, а солдат в траншеях. Но когда полк Кручинина атаковал вражеские позиции, он был встречен пулемётным огнем, ударили немецкая артиллерия и минометы. Началось то же, что было и в ноябре, - переползание из воронки в воронку. Особенно доставалось саперам Фунтика, которые несли на себе щиты для переправы по льду, через речку. Следовавшая в боевых порядках пехоты легкая артиллерия била по блиндажам, по траншеям, по огневым точкам. Батальоны ворвались в окопы противника, завязалась рукопашная.

По зимнему времени стемнело быстро, местность поминутно освещалась ракетами; с севера, разогнав тучи, потянул порывистый студеный ветер; вызвездило; по земле крутила поземка, снежная пыль сверкала в голубых вспышках ракет. Бой же все разгорался, дрались почти на ощупь.

Подожженный снарядами, Красный Бережок запылал в нескольких местах. Стало светло. В тыл немцам просачивались автоматчики. Немцы стали отходить к реке. Наконец их сбросили на лед. Саперы, опережая пехоту, тоже устремились к реке и чуть ли не смешиваясь с бегущими немцами, принялись укладывать на лед свои щиты.

По щитовой дороге промчались танки.

Полк Кручинина, выполнив свою задачу - он прорывал первую линию обороны врага, - задержался на реке, чтобы бойцы могли передохнуть. Все бросились пить, черпая воду котелками прямо из прорубей, пробитых снарядами. У одной из них столкнулись Кручинин и Загурин. Хлебнув ледяной воды, Загурин сказал:

- Командир, с Новым годом! Сегодня тридцать первое декабря.

Кручинин взглянул на светящийся "циферблат; до двенадцати было еще часа два, но это мелочь. Да, конечно, Новый год! В какую-то долю секунды в памяти промелькнули былые встречи этого часа. Яркий свет над праздничными скатертями, смеющиеся лица, звон бокалов, речи. И Зина, близкая, родная...

- За победу! - сказал Кручинин, и оба чокнулись котелками.

Через четверть часа батальоны Кручинина уже вступили на окраины Красного Бережка. Танки в упор расстреливали гнезда гитлеровцев. В одной из машин, в тяжелом и грозном КВ, внутри башни, рядом со смотровой командирской щелью, улыбалась с портрета круглолицая девушка. Это был танк Федора Яковлева, во главе роты КВ сворачивавший своей тяжестью дзоты, давивший гусеницами противотанковые пушки, расстреливавший немцев в амбразурах каменных домов.

На площади возле церкви Яковлев в отсветах боя увидел человека, привязанного к столбу пожарного колокола; он подвел машину вплотную, открыл люк и выскочил. Что-то знакомое было в чертах того человека, моряка в тельняшке. Яковлев подумал: "Может быть, жив?" Нет, лишь отблески пожарища падали так на мертвое лицо, да ветер шевелил волосы. И он узнал:

- Палкин!

3

Утром в Красный Бережок приехал Лукомцев. Многие бойцы, так же как и Яковлев, в обезображенном трупе у столба узнали веселого и никогда не унывавшего моряка, делегата связи от бригады Лося. Лукомцев остановился среди бойцов перед замученным лейтенантом. Было видно, что его пытали: у обожженных ног грудой лежали седые угли, тело было исколото ножами, грудь пробита очередью из автомата.

Лукомцев припомнил, что еще в конце октября катера балтийцы совершали налет на Красный Бережок со стороны реки. Тогда же стало известно, что один из катеров с разбитым рулевым управлением врезался в берег. О судьбе его экипажа так и не получили сведений...

- Прощай, друг!

Лукомцев снял папаху, обнажив бритую голову. Неподвижные глаза мертвого моряка были устремлены вдоль реки туда, где скованная льдами, ждала весны его родная Балтика...

4

Остались позади трудные зимние месяцы, отцвела весна, и как-то уже в начале лета, получив фронтовую газету, Лукомцев на первой ее странице прочел указ о награждении дивизии орденом Красного Знамени. О том, что дивизия представлена к награде и документы об этом посланы в Москву, он знал давно, но все это

казалось делом неопределенного будущего и реально не ощущалось. И вдруг - указ, вот он, перед глазами, в руках! Сердце Лукомцева наполнилось такой радостью, что, не находя слов, он молча протянул газету Черпаченко.

- Краснознаменная! - воскликнул начальник штаба, быстро пробегая глазами строчки указа. - Поздравляю, товарищ полковник!

- С тем же и вас, товарищ майор!

И они обнялись.

К концу дня весть обошла всю дивизию, полки, батальоны и роты, прокатилась по траншеям, достигла боевых охранений и секретов у переднего края противника. Затрещали звонки телефонов: поздравлял фронт, поздравляла армия, поздравляли соседи, друзья, знакомые, с телеграфа несли депеши.

Минула неделя, и батальоны выстроились на огромном зеленом лугу, скрытые от глаз противника кирпичными корпусами полуразрушенного завода. В двух длинных, покрытых маскировочными сетками машинах приехали представители командования фронта, и член Военного совета к знамени дивизии прикрепил боевой орден. Пушки ударили салют, тяжелый грохот прокатился по всему фронту: соседи тоже салютовали в этот час ордену на алом полотнище, под которым будет драться отныне Краснознаменная стрелковая дивизия полковника Лукомцева.

Люди обнимались, всюду слышались поздравления. В тени ракитовых кустов сидели Бровкин с Козыревым и время от времени прикладывались к фляжкам.

- Заслуженно, - говорил Бровкин. - Выстрадали, кровью добыли. Старуха-то моя, поди, рада!

- Вот батя, тебе и награда, - философствовал Тишка. - А ты тужил о крестах. Была бы грудь, за орденами дело не станет.

- Так я же тебе это и говорил всегда, курицын ты племянник!

Вечером в обширном блиндаже Лукомцева собрались боевые соратники. Здесь были командиры и комиссары полков, штабов работники, комбаты, командиры рот, и еще командиры, и да Лея Строгая, которая смущалась и старалась забиться в уголок, потому что, как назло, каждый вновь входивший прежде всего замечал ее, славно все они были гостями на ее именинах.

Лукомцев усадил их за два длинных стола, накрытых чистыми простынями, с минуту постоял, глядя, все ли в порядке на столе, и сказал:

- Друзья, не будем говорить речей, а попросту, по-солдатски, отпразднуем наш праздник. Выпьем за нашу доблестную Красную Армию, за партию большевиков, за орден, добытый в боях, за грядущую победу.

Все задвигались.

- Итак!.. - Лукомцев поднял стакан.

Чокались алюминиевыми и жестяными кружками, брали шпроты и вареное мясо вилками и складными ножами, ломти нарезанного хлеба заменяли многим тарелки, но в блиндаже было так радостно, как, может быть, никогда не бывало на самых изысканных банкетах со сверкающей сервировкой и бутылками замороженного шампанского. Пили по второй, по третьей. Лукомцев распорядился подать еще, люди хмелели, начались шумные разговоры, вспомнился боевой путь дивизии, отдельные эпизоды, герои. Лукомцев шутил, смеялся. Но когда упомянули Палкина, о котором теперь складывались легенды, он встал, и с лица его сошла улыбка:

- Почтим память тех, кого нет сейчас с нами, кто отдал за Родину жизнь, кто своей кровью скрепил дивизию.

Все поднялись в торжественном молчании.

- А теперь, хотя мы и уговорились избегать речей, разрешите сказать маленькое слово.

Лукомцев достал, записную книжку и прочитал:

- "Перед нами совершенно непонятная военному уму русская часть. Кажется, она уже разбита огнем нашей артиллерии и минометов, рассеяна, деморализована. Но как только мы идем в атаку, русские снова собираются и дерутся с невиданным упорством и остервенением. Законы войны для них недействительны". Как вы думаете, кто это пишет и о ком? Автор этих строк барон Карл фон Гогенбрейч, капитан германской армии. Я привел выдержку из его доклада высшему командованию о причинах задержки наступления немцев на вейнинском участке. Речь идет о нашей дивизии. Это она составила загадку для ученого гитлеровского офицера. Он, вымуштрованный на немецких академических законах войны, знал одно: если рота потеряла половину людей, значит, ее надо отводить, к бою она не годится; если человек ранен, ничего от него больше не получишь, клади на носилки и эвакуируй в тыл; если кончились патроны, отходи. А наша рота, если в ней и две трети выбывало из строя, дралась с неменьшим упорством, он сам это пишет; а у нас раненый это еще более ожесточенный боец, а у нас, если кончились патроны, люди идут в штыки. Немец называет это остервенением, потому что он не понимал чувств русского человека, - если бы понял, так никогда не полез бы к нам, на нашу землю. Не остервенение, а любовь к Родине, к России движет каждым из нас, воодушевляет на подвиги. Не так ли?

- Так!

- Правильно!

- Ну, а если так, то - за Родину! За Россию!

В блиндаже стало еще более шумно, каждый тоже что-нибудь хотел сказать, но все друг другу мешали, и из речей ничего не получалось.

Один из тостов Лукомцев предложил за Асю.

- За девушку, ставшую, как вы знаете, снайпером, - сказал он - которая бьет теперь немцев не хуже мужчин. До войны она, может быть, платочки вышивала... Письма разносила.

- Ну вот, видите, - письма!

Лукомцев обнял Асю, отчего девушка совсем смутилась, покраснела, замахала руками и выскочила из-за стола.

- Позовите-ка Ермакова, - приказал Лукомцев.

Шофер явился с баяном, и в блиндаже зазвучала музыка. Командиры заслушались. Расстегнув ворот, комдив задумчиво смотрел вверх, шевелил губами и вдруг запел:

Тихо кругом, лишь ветер на сопках рыдает...

Хор вступил за командиром дивизии:

Порой из-за туч наплывает луна,

Могилы бойцов освещает.

Плакал баян, люди отстукивали такт сжатыми кулаками.

Героев тела давно уж в могилах истлели.

Но мы им последний не отдали долг и вечную память не спели.

- Мы отдадим долг! - крикнул Загурин. - Мы со штыками пройдем проклятую страну Гитлера!

Лукомцев всматривался в каждого присутствующего, и все были ему близки, всех он знал и как людей, и как командиров.

- Друзья, - сказал он, - помните, как иной раз иронически отзывались по нашему адресу: ополченцы! Да я и сам немножко грешил вначале: принимая дивизию, сомневался, сможем ли мы воевать по-настоящему. А теперь я горд, что нахожусь с людьми, взявшими оружие по призыву партии, я уважаю их как доблестных солдат. Разве не солдат майор Кручинин - лучший командир полка? Разве не солдаты капитан Селезнев и старший лейтенант Фунтик? Они поставили разведку и саперное дело так, что нам завидуют. Разве не солдат эта милая девочка, у которой уже свыше десятка фрицев на истребительном счету? Ополченцы! Горжусь, что сам в рядах ополченцев. За народное ополчение, товарищи!

Среди ночи Лукомцеву доставили пакет за пятью сургучными печатями. А утром он уже ехал в штаб армии. Ермаков мчал полковника на "студебеккере", потерявшем прежний щегольской вид, изрядно помятом на фронтовых дорогах, потускневшем,

пробитом осколками и нулями.

Лукомцев казалось, дремал, полузакрыв глаза. Но он уже мысленно видел поля предстоящих новых и больших сражений, двигал вперед свои полки. Он мог положиться на любого из его командиров, зная, что каждый из них в выполнение боевого приказа внесет что-то новое, свое, грамотное и остроумное. Каждый из них в военной профессии достиг мастерства. Лукомцев вспомнил недавний разговор с командиром соседней дивизии, тоже полковником. "Неудивительно, что вы получили орден, - говорил тот, - с такими людьми вы и звание гвардейской заработаете, полковник". Невольная усмешка скользнула тогда по лицу Лукомцева. "Но ведь это же ополченцы, - ответил он, тыловики. Не так ли еще осенью рассуждали и вы, и многие другие кадровые военные?" - "Злопамятны вы, полковник".

Лукомцев вспомнил этот разговор, и новая волна гордости прилила к сердцу.

- Наддай-ка газу, Василий! - сказал он Ермакову и через несколько минут уже входил к только что назначенному новому командующему армией. Это был его старый друг генерал Астанин.

Астанин быстро поднялся ему навстречу, подошел быстрой, энергичной походкой помолодевшего человека и крепко обнял.

- Награда обязывает, так, кажется, пишут в газетах, старик? Перед тобой армия ставит задачу: демонстрировать наступление. Надо сорвать подготовку противника к новому штурму Ленинграда. Обо всем личном потолкуем позже - есть о чем потолковать, давно не видались, а сейчас садись-ка к столу, время не ждет.

- Карту! - потребовал командующий, тоже придвигая к столу кресло рядом с Лукомцевым.

5

Ленинград был взволнован. Все говорили об одном. Зина по пути на фабрику слышала, как старушка, перекрестясь на ближнюю церковь, вслух сказала:

- Господи, пошли им победу!

Незнакомые люди, ожидая очереди в парикмахерской, на трамвайных остановках, за столиками столовых, говорили друг другу:

- Наступаем. Слышите, артподготовка?

Окутанные дымом разрывов, батальоны не останавливались ни на миг, растекались, используя отлично разведанные естественные укрытия, проскакивали густые завесы немецкого заградительного огня, вдруг снова сжимались в кулак и, возглавляемые тяжелыми танками, железным кольцом охватывая

врага.

Противник сопротивлялся, он вызвал авиацию. Откуда-то из глубины обороны подтягивались немецкие резервы. Но наша артиллерия дальнего действия, поддерживающая дивизию, работала не умолкая. Ее снаряды пахали вражеские дороги к фронту, ломали мосты, сметали потоками стали колонны пехоты и автомашин. Авиация, не обращая внимания на зенитный огонь, швыряла бомбы, расстреливала противника из пулеметов и пушек. Ленинградские истребители над полем сражения дрались с "юнкерсами" и "мессершмиттами".

Ночь перед боем Лукомцев не спал, он встретил утро с головной болью и тяжестью в теле. Но сейчас, прильнув к стереотрубе на чердаке разрушенного заводского здания, он чувствовал, что все его недомогание словно смыло росой и сдуло ветром. Большая, спокойная и радостная уверенность пришла на смену утренним волнениям. Ей подчинялись все чувства. Лукомцев держался, как главный механик этого сражения, ему казалось, что он стоит у незримого пульта управления боем и каждое его слово, каждое движение руки дают громовой отзвук там, впереди. Вот он включает один рубильник - и артиллерия, быстро сманеврировав, обрушивает огонь нескольких дивизионов на танковый десант автоматчиков. Включает второй рубильник - саперы наводят переправу, поперек реки выстраивают понтоны и пехотинцы плотной стремительной лавой текут на тот берег. Третий рубильник - полк Кручинина врывается в брешь, обходит с фланга пылающую деревушку и проникает в нее с тыла.

Битва кипит, бушует огонь, гитлеровцев обманывают ложными ударами, обрушиваются на них в самых неожиданных местах.

Заметно, что командование противника теряет выдержку: контратаки немцев яростны, но слепы их подразделения то дело попадают под сокрушительный огонь Их офицеров на выбор бьют наши снайперы. Радисты Лукомцева перехватывают немецкие шифровки в Гатчину, в Лугу, даже в Псков. Немцы просят помощи. Лукомцев стискивает губы, возле телефонных аппаратов и раций своего НП продолжает включать воображаемые рубильники, распределяя ток боя огромного напряжения.

И вдруг... возле рабочего поселка батальоны Кручинина, совершая сложный обходный маневр, застряли на болоте.

Видя заминку, немцы приободрились. Части эсэсовской дивизии в сопровождении нескольких пушек начали окружать болото.

Лукомцев оценил опасность...

- Знамя! - приказал он, и через несколько минут, как язык

пламени, на болоте показалось алое с золотом знамя дивизии. Около знамени с пистолетом в руке шел командир полка майор Кручинин. Бок о бок с ним - Загурин и Семечкин.

Пули рвали шумящий шелк, ветер отбрасывал на него черный дым разрывов, и копоть полосами на золото букв его и на орден. Падали сраженные знаменосцы, знамя вздрагивало, но древко тотчас подхватывали другие крепкие руки, и алое полотнище снова плыло вперед. А за ним, все так же безмолвно, с пистолетом в руке, шел командир.

Бойцы рывками выбирались из тины, выхватывали из нее пулеметы; злые, ненавидящие, пересекали они болото и вышли из него в тот момент, когда немцы уже охватывали его с тыла.

Восстановив боевой порядок и оставив врага позади, полк атаковал поселок и смял его растерявшийся гарнизон.

Артиллерия снова сманеврировала, и ураган снарядов коротко и мощно пробушевал по берегам болота, вокруг которого образовали цепь эсэсовцы. Вслед за этим немцев окружили подразделения резерва, били, уничтожали, топили, эсэсовцы сдавались поднимая руки перед жалами штыков. Не спасли их и танки: танки уже горели, подожженные нашими артиллеристами.

А полк Кручинина вырвался тем временем дальше. Лавина его батальонов текла за огневым валом к пригородной железнодорожной станции. Кручинин теперь непрерывно перемещался со своим командным пунктом, не отставая от боевых порядков. Небывалая радость переполняла сердце; после долгих месяцев обороны этот бой казался ему праздником, на который собрались все друзья и близкие. Ему казалось, что ряды его батальонов умножились, что в них с винтовками наперевес идут все те, чья кровь скрепила дивизию, ценой чьих жизней приобретен опыт войны. Командир роты Марченко, лейтенант Палкин, тихая девушка Галя Яковлева, прежний комиссар дивизии, командиры и политруки, многие, многие друзья-товарищи, сотни, тысячи ленинградцев, убитых и раненных на фронте, умерших возле станков в голодные зимние дни, шли мстить за себя, за свои жизни и кровь...

Может быть, и перед дрогнувшими немцами встал в этот миг страшный призрак расплаты, или просто они не выдержали натиска, но как бы там ни было - враг побежал. Побежал по всему фронту дивизии, бросая оружие, танки, артиллерию, склады, автомашины.

Это было началом. Первая трещина в железном кольце блокады...

Заслышав шаги позади, Лукомцев оглянулся. Только что вернувшийся из боевых порядков Баркан стоял, прислонясь к

обгорелой балке чердачного перекрытия, и сквозь разорванную кровлю смотрел туда, где дымил Ленинград, живой и могучий. Под израненными крышами его заводов стучали пневматические молотки, по Неве шли ожившие буксиры, на берегах у стапелей вспыхивали молнии электросварки, пели сверла, звенела сталь. Это был голос великого города, зовущего своих сынов в бой.

И они отвечали ему громом орудий.

"Ополченцы! - мысленно повторил Лукомцев ранее сказанные слова. Горжусь, что и я в ваших рядах".

Ленинград - фронт

1942-1943 гг.